АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ЭПОС

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики: *В. П. ВОЛГИН (председатель)*, *В. В. ВИНОГРАДОВ*, *Н. И. КОНРАД (зам. председателя)*, *С. Д. СКАЗКИН*, *М. Н. ТИХОМИРОВ*, чл.-корреспонденты АН СССР: *Д. Д. БЛАГОЙ*, *В. М. ЖИРМУНСКИЙ*, *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, профессора: *И. И. АНИСИМОВ*, *А. А. ЕЛИСТРАТОВА*, *Ю. Г. ОКСМАН*, *С. Л. УТЧЕНКО*, кандидат исторических наук *Д. В. ОЗНОБИШИН*, кандидат филологических наук *О. К. ЛОГИНОВА (ученый секретарь)*

Ответственный редактор

академик *В. В. СТРУВЕ*

«О ВСЕ ВИДАВШЕМ», ИСТОРИЯ ГИЛЬГАМЕША СО СЛОВ СИНЛИКИУННИННИ, ЗАКЛИНАТЕЛЯ

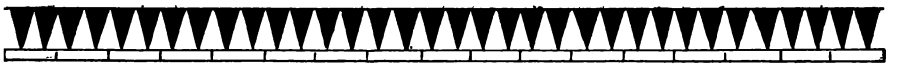


Таблица I

I, 1 *О* всё видавшем *до края* мира,
I, 2 *О* познавшем *моря*, *перешедшем* все *горы*,
I, 3 *О врагов покорившем* вместе *с другом*,
I, 4 *О постигшем* премудрость, о всё *проницавшем*:
I, 5 *С*окровенное видел он, тайное *ведал*,
I, 6 Принес нам весть о днях до потопа,
I, 7 В дальний путь ходил, но устал и *вернулся*,
I, 8 Рассказ о трудах на камне *вы*сек,
I, 9 Стеною обнес Урук огражденный,
I, 10 Светлый амбар Эа́нны священной.
I, 11 Осмотри степу́, чьи зу*бцы*, как из меди,
I, 12 Погляди на вал, что не знает подобья,
I, 13 Прикоснись к порогам, что там издревле,
I, 14 И вступи в Эанну, жилище И́штар, —
I, 15 Даже будущий царь не построит такого, —
I, 16 Поднимись и пройди по стенам Урука,
I, 17 Обозри основанье, кирпичи ощупай:
I, 18 Его кирпичи не обожжены ли,
I, 19 И заложены стены не семью ль *мудрецами*?

*

св, I, 1 Велик он более *всех человеков*,

(Далее недостает около 30 стихов).

II, 1 На две трети — бог, *на одну — человек он*,
II, 2 Образ его тела *на вид несравненен*,
II, 3 [. . . .] . . [. . . . . .]

II, 4 [. . . . . .]
II, 5 [. . . . . .]
II, 6 [. . . . . .]
II, 7 *Стену* Урука он *возносит*.
II, 8 *Буйный муж*, *чья глава*, как у тура, подъята,
II, 9 *Чье* оружье в бою не имеет *равных*, —
II, 10 *Все его* товарищи встают по барабану!
II, 11 По спа*льням* горю*ют* мужи *Урука*:
II, 12 «*Отцам* Гильгамеш сыновей не оста*вит*!
II, 13 *Днем* и *ночью* буйствует п*лотью*:
II, 14 *Гильга*меш ли то, пас*тырь* огра*жденного* Урука,
II, 15 Он ли пастырь *сынов Урука*,
II, 15a *Мощ*ный, *славный*, *всё постигший*?
II, 16 *Матери Гильгамеш* не оставит *девы*,
II, 17 Зачатой геро*ем*, *суженой мужу*!»
II, 18 Жалобу их *слыхали боги*,
II, 19 Боги небес *призвали* владыку Урука:
II, 20 «Создал ты буйного сына, *чья глава*, *как у тура*, *подъята*,
II, 21 *Чье оружье в бою* не имеет равных, —
II, 22 Все его *товарищи* встают по барабану!
II, 23 Отцам Гильгамеш сыновей не оставит,
II, 23a Днем и ночью *буйствует плотью*:
II, 24 Он ли — пастырь *огражденного* Урука,
II, 25 Он ли пастырь *сынов Урука*,
II, 26 Мощный, славный, *всё* постигший?
II, 27 *Матери* Гильгамеш не оставит девы,
II, 28 Зачатой героем, суженой му*жу*!»
II, 29 Жалобу их услышал А́*ну*.
II, 30 Воззвали они к великой Ару́ру:
II, 30a «Аруру, ты создала *Гильгамеша*,
II, 31 Теперь создай ему подобье!
II, 31a Да соревн*ует* его бурному *сердцу*,
II, 32 Да состязаются, Урук да отды*хает*».

*

II, 33 Аруру, услышав эти речи,
II, 33a Подобье Ану создала в своем сердце.
II, 34 Умыла Аруру руки,
II, 34a Отщипнула глины, бросила на землю,
II, 35 *Слепила* Энки́ду, создала героя.
II, 35a Порожденье полуночи, воин Нину́рты,
II, 36 Шерстью по*крыто* всё его тело,
II, 36a Подобно женщине, волосы носит,
II, 37 Пряди волос, как хлеба́ густые;
II, 38 Ни людей, ни мира не ведал,
II, 38a Одеждой одет он, словно Суму́кан.
II, 39 Вместе с газелями ест он тра́вы,
II, 40 Вместе со зверьми к водопою теснится,
II, 41 Со скотом водой веселит свое сердце.
II, 42 Человек — ловец-охотник
II, 43 Перед водопоем его встречает.
II, 44 *Первый* день, и второй, и третий, —
II, 44a Перед водопоем его встречает.
II, 45 Увидел охотник — в лице изменился,
II, 46 *Со* скотом своим домой пришел он,
II, 47 *Устр*ашился, умолк, онемел он,
II, 48 В груди его — *скорбь*, его лик затмился,
II, 49 Тоска в его утробу *проникла*,
II, 50 *Идущему* дальним *путем* стал лицом подобен.

*

III, 1 Охотник *уста* открыл и молвит, вещает он *отцу своему*:
III, 2 «Отец, *некий* муж, *что́ из гор явился*,
III, 3 *Во всей стране* велика *его* сила,
III, 4 *Как у воинства* А́ну, крепки *его силы*.
III, 5 *Бродит вечно* по всем горам он,
III, 6 *Постоянно* со зверьем *к водопою теснится*,
III, 7 *Постоянно* шаги *направляет* к водопою.

III, 8 *Боюсь я его,* приближаться не смею!
III, 9 *Я* вырою *ямы* — он их *засыплет,*
III, 10 *Я поставлю* ловушки — он их *вырвет,*
III, 11 *Из рук моих уводит* зверье и тварь степную, —
III, 12 *Он* мне *не дает* в степи трудиться!»
III, 13 *Отец его уста открыл и молвит,* вещает он охотнику:
III, 14 «*Сын мой, живет* Гильгамеш в Уруке,
III, 15 *Нет никого* его сильнее:
III, 16 *Во всей стране* *велика его сила,*
III, 16a *Как у воинства* Ану, *крепки* его силы!
III, 17 *Иди,* лицо *к нему обрати ты,*
III, 18 *Ему расскажи* о силе человека.
III, 19 *Даст тебе он блудницу* — приведи *ее с собою:*
III, 20 *Победит его женщина,* как *муж* могучий!
III, 21 *Когда у* водопоя *зверье он пóбит,*
III, 22 *Пусть сорвет она одежду,* *красы* свои *откроет,* —
III, 23 *Увидев* ее, приблизится *к* ней он —
III, 24 Покинут его звери, *что росли с ним* в пустыне!»
III, 25 Совету отца *он был послушен,*
III, 26 Охотник отправился *к Гильгамешу,*
III, 27 Пустился в путь, *стопы* обратил к Уруку,
III, 28 *Пред лицом* Гильгамеша *промолвил слово:*
III, 29 «Некий есть муж, *что из гор явился,*
III, 30 Во всей стране велика *его сила,*
III, 31 Как у воинства Ану, крепки *его силы!*
III, 32 Бродит *вечно* по всем горам он,
III, 33 Постоянно со зверьем *к водопою теснится,*
III, 34 Постоянно шаги *направляет* к водопою.
III, 35 Боюсь я *его,* приближаться не смею!
III, 36 *Я вырою ямы* — он их засыплет,
III, 37 *Я поставлю* ловушки — он их вырвет,
III, 38 Из рук моих уводит зверье и тварь *степную,* —
III, 39 Он мне не дает в степи трудиться!»

III, 40 Гильгамеш ему вещает, охотнику:
III, 41 «Иди, мой охотник, блудницу Шамхат приведи с собою,
III, 42 Когда у водопоя зверье он по́ит,
III, 43 Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет, —
III, 44 Ее увидев, к ней подойдет он —
III, 45 Покинут его звери, что росли с ним в пустыне».

*

III, 46 Пошел охотник, блудницу Шамхат привел с собою,
III, 47 Отправились в путь, пустились в дорогу.
III, 48 В третий день достигли условленного места.
III, 49 Охотник и блудница сели в засаду —
III, 50 Один день, два дня сидят пред водопоем.
III, 51 Приходят звери, пьют у водопоя,
IV, 1 Приходит скот, водой веселит свое сердце, —
IV, 2 И он, Энкиду, чья родина — горы,
IV, 3 Вместе с газелями ест он тра́вы,
IV, 4 Вместе со зверьми к водопою теснится,
IV, 5 Со скотом водой веселит свое сердце.
IV, 6 Увидала Шамхат дикаря-человека,
IV, 7 Мужа-истребителя из глуби степи:
IV, 8 «Вот он, Шамхат! Раскрой свое лоно,
IV, 9 Свой срам обнажи, красы твои да знает!
IV, 10 Увидев тебя, к тебе подойдет он —
IV, 11 Не смущайся, прими его дыханье,
IV, 12 Распахни одежду, на тебя да ляжет!
IV, 13 Дай ему наслажденье, дело женщин —
IV, 14 Покинут его звери, что росли с ним в пустыне,
IV, 15 Ласки его тебе будут приятны».
IV, 16 Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила, —
СВ, II, II, 5 Увидел Энкиду — забыл где родился!
IV, 17 Не смущалась, приняла его дыханье,
IV, 18 Распахнула одежду, и лег он на Шамхат,

IV, 19 Наслажденье дала ему, дело женщин, —
IV, 20 Ласки его ей были приятны.
IV, 21 Шесть дней миновало, семь ночей миновало —
IV, 21a Неустанно Энкиду познавал блудницу.
IV, 22 Когда же насытился лаской, —
IV, 23 К зверью своему обратил лицо он.
IV, 24 Увидав Энкиду, убежали газели,
IV, 25 Степное зверье избегало его тела.
IV, 26 Вскочил Энкиду — ослабели мышцы,
IV, 27 Остановились ноги, и ушли его звери.
IV, 28 Смирился Энки*ду* — ему, как прежде, *не* бегать!
IV, 29 Но стал он у*мней*, *раз*уменьем глубже, —
IV, 30 Вернулся и сел у ног блудницы,
IV, 31 Блуднице в лицо он смотрит,
IV, 32 И что скажет блудница, — его слушают уши.

*

IV, 33 *Блудница* ему вещает, Энкиду:
IV, 34 «Ты *крас*ив, Энкиду, ты богу подобен, —
IV, 35 Зачем со зверьем в степи ты бродишь?
IV, 36 Давай, введу тебя в Урук огражденный,
IV, 37 К светлому дому, жилищу Ану,
IV, 38 Где Гильгамеш совершенен силой
IV, 39 И, как тур, кажет мощь свою людям.
СВ, II, 20—21 Ты его увидишь, — как себя полюбишь!
СВ, II, 22—23 Встань с земли, с пастушьего ложа!»
IV, 40 Сказала — приятны ему эти речи,
IV, 41 Его мудрое сердце ищет друга.
IV, 42 Энкиду ей вещает, блуднице:
IV, 43 «Давай, приведи меня, ты, Шамхат,
IV, 44 К светлому дому святому, жилищу Ану,
IV, 45 Где Гильгамеш совершенен силой
IV, 46 И, как тур, кажет мощь свою людям.
IV, 47 Я его вызову, гордо скажу я,

V, 1 *За*кричу средь Урука: я — могучий,
V, 2 *Я один* лишь меняю судьбы,
V, 3 *Кто* в степи рожден, — велики его *силы*!»
V, 4 «*Пойдем! Гильгамеш* *пусть* тебя *увидит*,
V, 5 *Где найти его* — хорошо я знаю:
V, 6 По*йд*ем же, Энкиду, в *Урук* огражденный,
V, 7 Где го*рд*ятся *люди* царственным платьем,
V, 8 Где, что *ни* день, то праздник бывает,
V, 9 Где распутные *мальчики* *живут привольно*,
V, 10 И *блудни*цы красотою *славны:*
V, 11 Сладострастьем по́лны, сулят отраду.
V, 12 Они с ло*жа* ноч*ного* *у*водят великих.
V, 13 Энкиду, *ты* *не веда*ешь жизни, —
V, 14 Покажу Гильгамеша, что рад стенаньям.
V, 15 Взгляни на него, в лицо погляди ты —
V, 16 Прекрасен он мужеством, силой мужскою,
V, 17 Несет *сладо*страстье всё его тело,
V, 18 Больше тебя он имеет мощи,
V, 19 Покоя не знает ни днем, ни ночью!
V, 20 Энкиду, укроти твою дерзость:
V, 21 Гильгамеш — его любит Ша́маш,
V, 22 А́ну, Э́ллиль и Э́а его вразумили.
V, 23 Прежде чем с гор ты сюда явился,
V, 24 Гильгамеш среди Урука во сне тебя видел.
V, 25; СВ, II, I, 1 Встал Гильгамеш и сон толкует,
V, 25a; СВ, II, I, 2 Вещает матери он своей:
V, 26 „Мать моя, сон я видел ночью.
V, 27 Были средь мужей небесные звезды,
V, 28 На меня упал словно воин Ану.
V, 29 Поднял его — был меня он сильнее,
V, 30; СВ, II, I, 9 Тряхнул его — стряхнуть не могу я.
V, 31; СВ, II, I, 10 Край Урука к *нему* поднялся,
V, 32 *Про*тив *него* *весь край собрался*,
V, 33 *На*род к *нему* *толпою теснится*,

V, 34 *Все мужи* его окружи*ли*,
V, 35 *Товарищи* мои целовали его ноги.
V, 36 *Словно* к жене, *я* к нему прилепился
V, 37 И к ногам *твоим* его принес *я*,
V, 38 *Ибо ты* его сравняла со мною".
V, 39 *Мать Гильгамеша мудрая*, — все она *знает*, — вещает она своему владыке,
V, 40 *Нинсун мудрая*, — все она знает, — вещает она Гильгамешу:
V, 41 „*Тот, что средь мужей*, *как* небесные звезды,
V, 42 Что упал на тебя, *словно воин Ану*, —
V, 43 *Ты поднял его* — был тебя он *сильнее*,
V, 44 *Тряхнул его* — и стряхнуть *не* можешь,
V, 45 И к ногам моим его *принес ты*,
V, 46 *Ибо я его сравняла* с тобою —
СВ, II, I, 17 Это верно тот, кто тебе подобен,
СВ, II, I, 18—19 В степи родился, его горы взрастили.
СВ, II, I, 20 Ты увидишь его — ему рад ты будешь:
VI, 1 *Это — сильный товарищ*, спаситель *друга*,
VI, 2 *Во всей стране* *велика его* сила,
VI, 3 *Как у воинства Ану*, крепки *его* силы, —
VI, 5 *Он будет другом*, тебя не покинет,
VI, 4 *Ибо, словно к жене*, *ты* к нему прил*епился*.
СВ, II, I, 21 Все мужи поцелуют его ноги,
СВ, II, I, 22—23 Его обнимешь, ко мне приведешь ты:
VI, 6 *Вот это* — сна твоего толк*ованье*!"
VI, 7 *Гильгамеш опять* своей матери *вещает*:
VI, 8; СВ, II, I, 26 „*Мать моя*, снова сон *я* видел:
СВ, II, I, 27 Шел я по улице огражденного Урука, —
VI, 9; СВ, II, I, 29—30 Топор упал, а кругом столпились.
VI, 10 Край *Урука* к нему поднялся,
VI, 11 Против него весь *край* собрался,
VI, 12 *Народ* к нему *толпою теснится* —

СВ, II, I, 31 Этот топор был чуден видом,
СВ, II, 1, 32 Увидел его и был ему рад я,
СВ, II, I, 33—34 Полюбил и, словно к жене, к нему прилепился, —
СВ, II, I, 35—36 Поднял его, на боку повесил
VI, 13 И к ногам твоим его принес *я*,
VI, 15 *Ибо* ты его сравняла со мною".
VI, 16 *Мать Гильгамеша мудрая*, — всё она знает, — вещает она своему сыну,
VI, 17 *Нинсун мудрая*, — всё она знает, — вещает она Гильгамешу:
VI, 18 „Человек — тот *топор*, который ты видел,
VI, 19 *Слов*но к жене, к нему прильнешь *ты*,
VI, 20; СВ, II, II, 1 *Ибо* я его сравняла с тобою —
VI, 21 *Это* сильный товарищ, спаситель друга,
VI, 22 *Во всей стране* велика его сила,
VI, 23 *Как у воинства Ану*, крепки его силы!"
VI, 24 *Гильгамеш уста открыл* и матери своей вещает:
VI, 25 „Пусть падет *на меня* великое *горе*,
VI, 26 *Лишь бы сильного друга* себе обрел я!
VI, 27 *С ним я вместе пойду на врага любого*".
VI, 28 *Так Гильгамеш* свои сны *толкует*».
VI, 29—30 Рассказала *Шамхат* Энкиду, и *сели оба*.

*

Когда Энкиду сел перед нею...

*

Таблица I. «*О всё* видавшем» — история Гиль*гамеша*. *Согласно древнему подлиннику списано и сверено.*

Таблица II

I, 1	Когда Энкиду сел перед нею,
СВ, II, 27—28	Ткань разорвала, одной его одела,
СВ, II, 29—30	Тка*нью* второю сама оделась,
СВ, II, 31—32	За руку взяв, повела как сына
СВ, II, 33—34	К деревне пастушьей, к скотьим загонам.
СВ, II, 35	Там вок*руг* них пастухи *со*бралися,
НВ, а	Шепчут они, на него взирая:
НВ, б	«Муж тот с Гильгамешем сходен обличьем,
НВ, в	Ростом *пониже*, *но костью крепче*.
НВ, г	То, верно, Энкиду, порожденье степи,
НВ, д	*Во всей стране* *велика его сила*,
НВ, е	Как у воинства Ану, крепки его силы:
СВ, III, 1—2	Молоко звериное сосал он!»
СВ, III, 3	На хлеб, что перед ним положили,
СВ, III, 4—5	Смутившись, он смотрит и взирает:
СВ, III, 6—7	Не умел Энкиду питаться хлебом,
СВ, III, 8—9	Питью сикеры обучен не был.
СВ, III, 10—11	Блудница уста открыла, вещает Энкиду:
СВ, III, 12—13	«Ешь хлеб, Энкиду, — то свойственно жизни,
СВ, III, 14	Сикеру пей — суждено то миру!»
СВ, III, 15—16	Досыта хлеба ел Энкиду,
СВ, III, 17—18	Сикеры испил он — семь кувшинов.
СВ, III, 19	Взыграла душа его, разгулялась,
СВ, III, 20—21	Его сердце веселилось, лицо сияло.

СВ, III, 22—23 Он ощупал свое волосатое тело, —
СВ, III, 24—25 Умастился елеем, уподобился людям,
СВ, III, 26—27 Одеждой оделся, стал похож на мужа.
СВ, III, 28—29 Оружие взял, сражался со львами —
СВ, III, 30 Пастухи покоились ночью.
СВ, III, 31—32 Волков укрощал он и львов побеждал он —
СВ, III, 33 Великие пастыри спали:
СВ, III, 34—35 Энкиду — их стража, муж неусыпный.
СВ, III, 36—37 Один человек рассказал *Гильгамешу*.
СВ, III, 38—39 [. . . . . .]
СВ, III, 40—41 [. . . . . .]
СВ, III, 42 [. . . . . .]
СВ, IV, 1 [. . . . . .]
СВ, IV, 2—3 [. . . . . .]
СВ, IV, 4 [. . . . . .]
СВ, IV, 5—6 [. . . . . .]
СВ, IV, 7 [. . . . . .]

*

СВ, IV, 8—9 *Энкиду с блудницей* предается веселью.
СВ, IV, 10—11 Поднял взор, человека видит, —
СВ, IV, 12 Вещает он блуднице:
СВ, IV, 13 «Шамхат, приведи человека!
СВ, IV, 14—15 Зачем он пришел? Хочу знать его имя!»
СВ, IV, 16 Кликнула блудница человека,
СВ, IV, 17 Тот подошел и его увидел.
СВ, IV, 18—19 «Куда ты, о муж, поспешаешь? Для чего поход твой трудный?»
СВ, IV, 20—21 Человек уста открыл, вещает он *Энкиду*:
СВ, IV, 22 «В свадебный покой *пути нет людям*,
СВ, IV, 23—24 Но удел людей — подчиненье высшим!
СВ, IV, 25 Люди града грузят кирпичом корзины,
СВ, IV, 26 Пропитанье града поручено девкам, —

СВ, IV, 27 Только царю огражденного Урука
СВ, IV, 28 Свадебный покой открыт бывает,
СВ, IV, 29 Только Гильгамешу, царю огражденного Урука,
СВ, IV, 30—31 Свадебный покой открыт бывает,
СВ, IV, 32 И он обладает суженой супругой —
СВ, IV, 33—34 Прежде мог он. Но в будущем всякий:
СВ, IV, 35 Совета богов таково решенье
СВ, IV, 36—37 Обрезая пуповину, так ему судили!»
СВ, IV, 38—39 От слов человека лицом побледнел он,
СВ, IV, 40—41 [. . . . . .]
СВ, IV, 42 [. . . . . .]
СВ, V, 1 [. . . . . .]
СВ, V, 2—3 [. . . . . .]
СВ, V, 4—5 [. . . . . .]
СВ, V, 6 [. . . . . .]
СВ, V, 7—8 *Впереди* идет *Энкиду*, блудница сзади.
СВ, V, 9 Когда он достиг огражденного Урука,
СВ, V, 10 Вокруг него народ собрался.
СВ, V, 11—12 Когда встал среди улиц огражденного Урука, —
СВ, V, 13—14 Собравшись, люди о нем говорили:
СВ, V, 15 «С Гильгамешем-де он сходен обличьем,
СВ, V, 16—17 Ростом пониже, но костью крепче!»
СВ, V, 18 *Со всех сторон его* озирают:
СВ, V, 19 «*Во всей стране велика* его сила:
СВ, V, 20—21 Молоко звериное сосал он!»
СВ, V, 23—24 Веселились мужи: «Герой появился!
СВ, V, 22 Вечно будут в Уруке благодарственные жертвы:
СВ, V, 25 У славного мужа, чей лик прекрасен,
СВ, V, 26—27 У Гильгамеша, как бог, появился соперник!»

*

СВ, V, 28—29 Для Ишхары было постелено ложе,
СВ, V, 30 *На ложе к ней* Гильгамеш подн*имался*,
СВ, V, 31—32 Спал с нею ночью, познавал Ишхару.

СВ, V, 33—34	Вы*шел Энкиду* на улицу, преград*ил до*рогу,
СВ, V, 35—36	Гильгамеша *хочет изведать* силу.
СВ, V, 37	[. . . . . .]
СВ, V, 38—39	[. . . . . .]
СВ, VI, 1—2	[. . . . . .]
СВ, VI, 3—4	[. . . . . .]
СВ, VI, 5	. . . . . .[. . . . . .]
СВ, VI, 6	Гильгамеш *увидел дикого мужа*,
СВ, VI, 7—8	По спине его *кудри буйно* вьются.
СВ, VI, 9—10	Подошел и *встал* пред его лицом он.
СВ, VI, 11	Встретились они на широкой дороге —
СВ, VI, 12—13	Энкиду двери преградил ногою,
СВ, VI, 14	Гильгамешу войти он не дал.
СВ, VI, 15—16	Схватились они, как быки сцепились,
СВ, VI, 17—18	Косяк сокрушили, стена содрогнулась.
СВ, VI, 19—21	Гильгамеш и Энкиду схватились, как быки сцепились,
СВ, VI, 22—23	Косяк сокрушили, стена содрогнулась.
СВ, VI, 24—25	Преклонил Гильгамеш на землю колено,
СВ, VI, 26—27	Успокоил он гнев, унялося сердце.
СВ, VI, 28—30	Когда унялось его сердце, Энкиду вещает Гильгамешу:
СВ, VI, 31—32	«Одного тебя мать родила такого,
СВ, VI, 33—34	Буйволица Ограды, Ни́нсун!
СВ, VI, 35	Над мужами главою ты высоко вознесся,
СВ, VI, 36—37	Э́ллиль над людьми судил тебе царство!

(Далее недостает около 10 стихов).

СВ, III, I, 13—14	*Зачем* пожелал ты *свер*шать *та*кое?
СВ, III, I, 15	[. . . . . .]
СВ, III, I, 16	[. . . . . .]
СВ, III, I, 17	[. . . . . .]
СВ, III, I, 18	[. . . . . .] !»

СВ, III, I, 19—20 Они поце*ловались*, заключили дружбу.

*

(Далее недостает немногим менее 40 стихов).

— *Гильгамеш уста открыл и матери своей вещает:*
— *«Вот мой друг, что из гор явился,*
— *Во всей стране велика его сила,*
— *Как у воинства Ану, крепки его силы,* —
— *Благослови его быть мне братом».*

III, 46—47 Мать Гильгамеша *уста открыла и молвит, вещает она своему владыке,*

III, 48 Буйволица Ни́нсун *уста открыла и молвит, вещает она Гильгамешу:*

III, 49 «. . . . . [. . . . . .]

III, 50 . . . . . [. . . . . .]».

IV, 1 *Гильгамеш уста открыл и матери своей вещает:*

IV, 2 «Взяты тя*жкие* *с моих плеч* прегрешенья,

IV, 3 Подошел он к дверям, *вразумил меня мощью,*

IV, 4 Горько *плакал* *о моем он буйстве.*

IV, 5 Не имеет Энкиду *ни отца, ни друга,*

IV, 6 Распущенные волосы *никогда не стриг он,*

IV, 7 В степи он рожден, *с ним* никто *не сравнится».*

IV, 8 Стоит Энкиду, его слушает *речи,*

IV, 9 Огорчился, *сел и заплакал,*

IV, 10 Очи его наполнились *слезами:*

IV, 11 Без дела сидит, *ослабела* сила.

IV, 12 Обнялись оба друга, *сели* рядом,

IV, 13 За руки взялись как *братья родные.*

СВ, III, II, 32—33 *Гильгамеш* его пожа*лел, вещает* Энкиду:

СВ, III, II, 34—35 «*Почему* твои очи *наполнились слезами,*

СВ, III, II, 36—37 *Опечалилось сердце,* вздыхаешь *ты громко?»*

СВ, III, II, 38—39 *Энкиду уста открыл*, вещает Гильгамешу:

СВ, III, II, 40—41 «Вопли, друг мой, разрывают мне горло:

СВ, III, II, 42—43 Без дела сижу, ослабела сила».

СВ, III, II, 44—45 Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
— «*Друг мой, далеко* *есть горы Ливана,*
— *Кедро́вым эти горы* *покрыты лесом,*
СВ, III, III, 5 *Живет в том лесу* свирепый Хумба́ба.
СВ, III, III, 6 *Давай, его вместе* *убьем мы с тобою,*
СВ, III, III, 7 *И все, что есть злого,* *изгоним из мира*!
СВ, III, III, 8—9 *Нарублю я* кедра — заросли́ *им горы* —
СВ, III, III, 10—11 *Вечное имя* *себе создам я*!»
СВ, III, III, 12—13 Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
СВ, III, III, 14 «Ведомо, друг мой, в горах мне было,
СВ, III, III, 15 Когда бродил со зверьем я вместе:
СВ, III, III, 16 Леса́ там вокруг на тысячи поприщ,—
СВ, III, III, 17 *Кто же* проникнет в средину леса?
СВ, III, III, 18 *Хум*баба — ураган его голос,
СВ, III, III, 19—20 Уста его — пламя, смерть — дыханье!
СВ, III, III, 21—22 Зачем пожелал ты свершать такое?
СВ, III, III, 23—24 Неравен бой *в жи*лище Хумбабы!»
СВ, III, III, 25—26 Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
СВ, III, III, 27 «*Я желаю* в те горы подняться,
СВ, III, III, 28 *И в тот лес* *войти я желаю,*
СВ, III, III, 29—30 [. . . . . .]
СВ, III, III, 31—32 В *горы Ливана,* *в* жилище *Хумбабы*!
СВ, III, III, 33 Топор боевой *на боку я повешу* —
СВ, III, III, 34—35 Ты *иди сзади,* я по*йду перед тобою*!»
СВ, III, III, 36—37 Энкиду уста отк*рыл*, вещает *Гильгамешу*:
СВ, III, III, 38—39 «Как же пойдем мы в лес *кедро́вый*?
СВ, III, III, 40 Гильгамеш! Его хранитель — во*ин*,
СВ, III, III, 41 Могуч он, не дре*млет* *ни днем, ни ночью*!
СВ, III, III, 42 Хумбаба — Ша́маш *наделил его силой,*
СВ, III, III, 43 А́дду о*дарил* *его отвагой.*
СВ, III, III, 44 [. . . . . .]

СВ, III, IV, 1; V, 1 Чтобы стерег он *лес кедрóвый*,
СВ, III, IV, 2; V, 2 *Ему Э́ллиль вверил* Страхи *людские*.
V, 3 Хумбаба — ураган его голос,
Фр. 4 *Волнует* море, колеблет *землю*,
Фр. 5 *Как бурный* ветер войну зачинает,
Фр. 6 *Как* потоп, сотрясает страны света —
Фр. 7 *Буй*ный *воин*, чей гнев урагану подобен:
Фр. 8 *Откро*ет уста — содрогается небо,
Фр. 9 Сотрясаются *горы*, колеблются *скалы*,
Фр. 10 *И всё живое* уходит в ущелья,
Фр. 11 [. . . . .] . . . . . .
Фр. 12; V, 3 Уста его — пламя, смерть — дыханье!
V, 4 Я слыхал, что *тяжек* путь к тому лесу —
V, 4a Кто же проникнет в средину леса?
V, 5 Чтобы стерег он лес кедрóвый,
V, 5a Ему Э́ллиль вверил Страхи людские,
V, 6 И кто входит в тот лес, того трепет объемлет».
СВ, III, IV, 3—4; V, 7 Гильгамеш уста отк*рыл*, вещает *Энкиду*:
СВ, III, IV, 5 «Кто, мой друг, вознесся *на* небо?
СВ, III, IV, 6 Только боги с Солнцем *пребуду*т вечно,
СВ, III, IV, 7 А человек — сочтены его годы,
СВ, III, IV, 8 Что б он ни делал, — всё ветер!
СВ, III, IV, 9 Ты и сейчас боишься смерти —
СВ, III, IV, 10 Где ж она, сила твоей отваги?
СВ, III, IV, 11—12 Я пойду перед тобою, а ты кричи мне: „Иди, не бойся!“
СВ, III, IV, 13 Если паду я — оставлю имя:
СВ, III, IV, 14—15 „Гильгамеш пал в бою со свирепым Хумбабой!“
СВ, III, IV, 15—16 С тех пор, как родились в моем доме дети,
СВ, III, IV, 17 К тебе они прибегали — „*Скажи*, — все ты знаешь,
СВ, III, IV, 18 . . . [. . . . .] . . . . .
СВ, III, IV, 19 *Что совершил наш отец и друг* твой?“

СВ, III, IV, 20 *Ты им* открой *мою славную долю,*
СВ, III, IV, 21 [. . . . .] . . . . . .
СВ, III, IV, 22 *Тем, что сказал,* ты печалишь мне сердце!
СВ, III, IV, 23—24 Подниму *я руку,* *нарублю* я кедра,
СВ, III, IV, 25 Вечное *имя* себе создам я!
СВ, III, IV, 26 Друг мой, мастерам я дам *повинность,*
СВ, III, IV, 27 *Оружие пусть* отольют перед нами».
СВ, III, IV, 28 *Повинность* мастерам они дали.
СВ, III, IV, 29 Сели мастера, обсуждают.
СВ, III, IV, 30 Секиры отлили большие,
СВ, III, IV, 31 Топоры он отлили в три таланта.
СВ, III, IV, 32 Кинжалы отлили большие,
СВ, III, IV, 33 Лезвия по два таланта,
СВ, III, IV, 34 Тридцать мин — выступы по сторонам их,
СВ, III, IV, 35 Тридцать мин золота — *рукоять* кинжала —
СВ, III, IV, 36 Гильгамеш и Энкиду несли по десять талантов.
СВ, III, IV, 37 *С во*рот Урука сняли семь запоров, —
СВ, III, IV, 38 Услыхав *о том,* народ собрался,
СВ, III, IV, 39 *Столпился* на улице огражденного Урука.
СВ, III, IV, 40 Гильгамеш *пред народом явился,*
СВ, III, IV, 41—42 *Старейшины* огражденного *Урука,* *собравшись,* пред ним уселись.
СВ, III, IV, 43 *Гильгамеш так им* молвит:
СВ, III, IV, 44 «*Слушайте, старейшины* огражденного *Урука,*
СВ, III, IV, 45 *Слушай, народ* *огражденного Урука,*
СВ, III, V, 1 Гильгамеша, что сказал: хочу я видеть
СВ, III, V, 2 Того, чье имя сотрясает стра́ны.
СВ, III, V, 3 Хочу победить его в лесу кедро́вом,
СВ, III, V, 4—5 Сколь могуч я, отпрыск Урука, мир да услышит!

СВ, III, V, 6 Подниму я руку, нарублю я кедра,
СВ, III, V, 7 Вечное имя себе создам я!»
СВ, III, V, 8 Старейшины огражденного Урука
СВ, III, V, 9 Гильгамешу отвечают такою речью:
СВ, III, V, 10 «Ты юн, Гильгамеш, и следуешь сердцу,
СВ, III, V, 11 Сам ты не ведаешь, что́ совершаешь!
СВ, III, V, 12 Мы слыхали, — чудовищен образ Хумбабы, —
СВ, III, V, 13 Кто *отраз*ит его оружье?
СВ, III, V, 14 Леса́ там вокруг на тысячи *поприщ*, —
СВ, III, V, 15 Кто же *проник*нет в средину леса?
СВ, III, V, 16 Хумбаба — ураган его голос,
СВ, III, V, 17 Уста его — пламя, смерть — дыханье!
СВ, III, V, 18 Зачем пожелал ты свершать такое?
СВ, III, V, 19 Неравен бой в жилище Хумбабы!»
СВ, III, V, 20 Услыхал Гильгамеш советников слово, —
СВ, III, V, 21 На дру*га* он, смеясь, оглянулся:
СВ, III, V, 22 «Вот что теперь *скажу тебе*, друг *мой* —
СВ, III, V, 23 Боюсь я его, *страшуся я сильно*:
СВ, III, V, 24 По*йду я с тобою в лес кедро́вый*,
СВ, III, V, 25—26 *Чтоб там не бояться, — убьем Хумбабу*!»
СВ, III, V, 27 *Старейшины Урука вещают Гильгамешу:*
СВ, III, V, 28—29 «[. . . . . .]
СВ, III, V, 30 [. . . . . .]
СВ, III, V, 31—32 *Пусть идет с тобой богиня*, пусть *хранит* тебя бог твой,
СВ, III, V, 33 Пусть *ведет* доро́гою благополучно,
СВ, III, V, 34 *Пусть возвратит тебя* к пристани Урука!»
СВ, III, V, 35 *Перед Шамашем* встал Гильгамеш на колени:
СВ, III, V, 36 «Слово, что сказали *мне старцы, я слышал*, —
СВ, III, V, 37 Я иду, но к Шамашу руки *воздел я*:
СВ, III, V, 38 Жи*знь* моя да будет благополучна,

СВ, III, V, 39 Возврати меня к пристани *Урука*,
СВ, III, V, 40 Сень твою простри *надо мною*!»
СВ, III, V, 41—42 Позвал Гильгамеш *Энкиду*, *стал творить* гаданье.
СВ, III, V, 42—43 [. . . . . .]
СВ, III, V, 44 [. . . . . .]
СВ, III, V, 45 [. . . . . .]
СВ, III, V, 47 [. . . . . .]
СВ, III, V, 46—47 Ког*да услыхал предсказанье* — [. . . . . .]
СВ, III, V, 48 [. . . . . .] *он сел и заплакал*,
СВ, III, VI, 1 *По лицу* Гильгамеша *побежали* слезы.
СВ, III, VI, 2 «*Иду я* путем, *где* еще не ход*ил* я,
СВ, III, VI, 3 *Дорбгой иду*, *которой* не знаю.
СВ, III, VI, 4 *Если буду отныне* благополучен,
СВ, III, VI, 5 *Уходя в поход* по доброй воле, —
СВ, III, VI, 6 *Тебя*, *о Шамаш*, *буду я* славить,
СВ, III, VI, 7 *Твои кумиры* *посажу* на престолы!»
СВ, III, VI, 8 *Было положено* *пред ним* снаряженье —
СВ, III, VI, 9 *Секиры*, *кинжалы* большие,
СВ, III, VI, 10—11 *Лук* и колчан — их дали ему в руки.
СВ, III, VI, 12—13 Взял *он* топор, *набил* колчан свой,
СВ, III, VI, 14, *На плечо надел он* *лук* аншанский,
СВ, III, VI, 15 Кинжал *заткнул он* себе за пояс.
СВ, III, VI, 16 *Приготов*ились они к походу.

Таблица III

СВ, VI, 17 [. . . . .]. . . . . .
СВ, VI, 18 [. . . . .] . . . . . .
СВ, VI, 19 *Старей*шины его благословляют,
СВ, VI, 20 *На* дорогу Гильгамешу дают советы:
СВ, VI, 21 Гильгамеш, на силу ты свою *не на*дейся,
СВ, VI, 22 *Зор*ко гляди, себя береги ты:
СВ, VI, 23 *Пускай* идет пред тобою Энкиду,
СВ, VI, 24 Ходивший *путями*, *стезями* бродивший:
СВ, VI, 25 *Знает он* лесные проходы,
СВ, VI, 26 Все повадки Хумбабы *знает*.
СВ, VI, 27 Бережет товарища впереди *идущий*,
СВ, VI, 28 Зорко глядит, *охраняет друга!*
СВ, VI, 29 Пусть Шамаш *исполнит* твое желанье
СВ, VI, 30 Что ты задумал, пусть очам покажет,
СВ, VI, 31 Пусть откроет нехоженные тропы,
СВ, VI, 32 Пусть отворит шагам твоим дороги,
СВ, VI, 33 Пусть отворит стопам твоим горы,
СВ, VI, 34 Во сне да поведает радостное слово!
СВ, VI, 35—36 Лугальбанда да поможет твоим желаньям, —
СВ, VI, 37 Поскорее своих желаний достигни!
СВ, VI, 38—39 Когда ты Хумбабу убьешь, как задумал, то ноги омой ты,
СВ, VI, 40 На своем ночлеге вырой колодец,—
СВ, VI, 41 Пусть всегда в твоем мехе вода будет чистой,
СВ, VI, 4 Шамашу возливай ты *холо*дную воду,
СВ, VI, 43 *Постоянно* помни Лугальбанду!

I, 9 Энкиду, береги товарища, храни ты друга,
I, 10 Переноси через рвы его тело —
I, 11 Мы в совете тебе царя поручаем,
I, 12 Как вернешься ты — нам царя поручишь!»
СВ, VI, 44 *Энки*ду уста открыл, вещает Гильгамешу:
СВ, VI, 45 «*Раз идти ты задумал* — в путь пускайся,
СВ, VI, 46 *Дорóги не* бойся, на меня положися, —
СВ, VI, 47 *Хорошо* мне известно его жилище,
СВ, VI, 48 *И пути*, по которым бродит Хумбаба.
СВ, VI, 49 [. . . . .] . . . . . .
СВ, VI, 50 [. . . . .]
СВ, VI, 51 [. . . . .]
СВ, VI, 52 [. . . . .]
СВ, VI, 53 *Имя твое сотрясать будет страны*,
СВ, VI, 54 *Безопасен тот*, *кто* идет со мною,
СВ, VI, 55 *Пусть так свершится*, *как* им *сказал ты*,
СВ, VI, 56 *На пути*, *куда мы идем* добровольно!»
СВ, VI, 57 *Старейшины*, *услышав* эти речи,
СВ, VI, 58 В далекий поход отпу*стили* мужа:
СВ, VI, 59 «Иди, Гильгамеш, пусть *хранит тебя богиня*,
СВ, VI, 60 Пусть бог твой идет *с тобою рядом*,
СВ, VI, 61 Пусть тебе *он дорогу* покажет,
СВ, VI, 62 Шамаш да *осветит тебе* путь к победе,
СВ, VI, 63 . . . . [. . . . .]
СВ, VI, 64 . . . . [. . . . .]!»
I, 13—14 Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он Энкиду:
I, 15 «Давай, мой друг, пойдем в Эга́льмах,
I, 16 Пред очи Ни́нсун, царицы великой!
I, 17 Ни́нсун мудрая, — всё она знает, —
I, 18 Путь разумный нашим стопам установит!»
I, 19 За руки взя́лись они друг с другом,
I, 20 Гильгамеш и Энкиду пошли в Эгальмах
I, 21 Пред очи Нинсун, царицы великой.
I, 22 Вступил Гильгамеш *в покой* цари*цин*:
I, 23 «Я решился, Нинсун, *идти походом*,

I, 24 Дальней дорогой, туда, *где Хумбаба*, —
I, 25 В неведомый *бой* *я иду сражаться*,
I, 26 В неведомый *путь* *собираюсь ехать*.
I, 27 *Пока я хожу* *и назад не вернулся*,
I, 28 *Пока не достигну* кедрóвого *леса*,
I, 29 *Пока мной не сражен* *свирепый Хумбаба*
I, 30 *И всё что есть злого* *не изгнал я из мира*, —
I, 31 Облачись *в одеянье*, *достойное тела*,
I, 32 *Кадильницы Шамашу* *ставь* пред собою!»
I, 33 *Эти речи* сына, Гильгамеша,
I, 34 *Печально* слушала *Нинсун*, *царица*.
II, 1 Вступила *Нинсун* *в свои покои*,
II, 2 *Умыла тело* мыльным корнем,
II, 3 *Облачилась в одеянье*, достойное тела,
II, 4 *Надела ожерелье*, достойное груди, —
II, 5 *Опоясана лентой*, увенчана тиарой,
II, 6 *Чистой водой* окропила землю,
II, 7 Вз*ошла по ступеням*, поднялась на крышу,
II, 8 Поднявшись, *перед* Шамашем свершила воскуренье,
II, 9 Поставила жерт*ву*, и перед Шамашем воздела руки:
II, 10 «Зачем ты мне дал в сыновья Гильгамеша,
II, 10a И вложил ему в грудь беспокойное сердце?
II, 11 Теперь ты коснулся его, и пойдет он
II, 12 Дальней дорогой, туда, где Хумбаба, —
II, 13 В неведомый бой он идет сражаться,
II, 14 В неведомый путь собирается ехать,
II, 15 Пока он ходит и назад не вернулся,
II, 16 Пока не достигнет кедрóвого леса,
II, 17 Пока не сражен им свирепый Хумбаба
II, 18 И всё что есть злого, что ты ненавидишь, не изгнал он из мира, —
II, 19 В день, когда ему ты знаменье *явишь*,
II, 20 Пусть, тебя не страшася тогда, тебе Айа-невеста напомнит,

II, 21 *Чтобы ты поручал* его стражам ночи,
II, 22 *В час* вечерний, *когда* *на покой ты уходишь!*»

(Далее недостает около 90 строк).

IV, 15 Потушила кадильницу, *завершила молитву*
IV, 16 Позвала Энкиду и весть сообщила:
IV, 17 «Энкиду могучий, не мною рожденный!
IV, 18—19 Я тебя объявила посвященным Гильгамешу
IV, 20 Вместе с жрицами и девами, обреченными богу».
IV, 21 На шею Энкиду талисман надела,
IV, 22 *За руки* взялись *с ним* жены бога,
IV, 23 Дочери бога *его* величали.
IV, 24 «Я — Энкиду, *Гильгамеш меня* взял *с собою*,
IV, 25 Энкиду в *поход* *Гиль*гамеш *взял с собою*,
IV, 26 . . . . [. . . . . .]
IV, 27 . . . . [. . . . . .].
IV, 28 Пока *он* ходит *и назад не вернулся*,
IV, 28a *Пока не достигнет* кедр*о*вого леса, —
— *День ли пройдет* — *я с ним буду вместе*,
IV, 29 Месяц ли *пройдет* — *я с ним буду вместе*,
IV, 30 Год ли *пройдет* — *я с ним буду вместе!*»

(Далее недостает свыше 150 строк).

*

Таблица III. «О все видавшем» — история Гильгамеша.

Таблица IV

(В начале недостает около 20 стихов).

НВ, а Через двадцать поприщ отламывали ломтик,
НВ, б Через тридцать поприщ на привал становились,
НВ, в Пятьдесят проходили за день поприщ,
НВ, г Путь шести недель за три дня совершили,
НВ, д На своих ночлегах рыли колодцы.

(Далее недостает около 25 стихов).

— *Встал Гильгамеш, говорит со своим другом:*
— *«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?*
— *Ты меня не тронул? Отчего я вздрогнул?*
СВ, 1 Поднимись на горные скалы, посмотри, — *ничего не случилось?*
СВ, 2 Ныне божественного сна я лишился!
СВ, 3 Друг мой, сновиденье я видел —
СВ, 3а Как тяжело, как страшно, как смутно!
СВ, 4 Я схватился с турами степными —
СВ, 5 От их клича с земли столб пыли *поднялся*,
СВ, 6 Перед ними я содрогнулся
СВ, 7 . . . . . [. . . . .] [. . . .] . . . . .
СВ, 8 [. . . .] . . . . . [. . . .]
СВ, 9 [. . . . .] [. . . .] . . . . .
СВ, 9а Водой из меха меня напоил он».
— *Кто в степи рожден, ему ведома мудрость, —*
— *Энкиду другу вещает, его сон толкует:*
СВ, 10 «Тот бог, мой друг, на кого мы вышли, —
СВ, 11 Он — не тур, в нем всё необычно!

СВ, 12	Тур в твоем сне — это Шамаш светлый
СВ, 13	Руку в беде тебе подает он.
СВ, 14	Тот, кто водой тебя поит из меха, —
СВ, 15—16	Это бог почтил тебя твой, Лугальбанда!
СВ, 16—17	Объединимся с тобою и сделаем нечто,
СВ, 17	Что не забудется после *смерти*!»
—	*Наутро в путь они дальше пустились,*
—	*Через двадцать поприщ отламывали ломтик,*
—	*Через тридцать поприщ на привал становились,*
—	*Перед Шамашем вырыли колодец.*
ХВ, 5	Обнялись они, на ночлег отправляясь,
ХВ, 6	Сон одолел их, удел человека.
ХВ, 7	Среди ночи сон его прекратился,
ХВ, 8	Встал, говорит со своим он другом:
ХВ, 9	«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?
ХВ, 11	Ты меня не тронул? Отчего я вздрогнул?
ХВ, 10	Энкиду, друг мой, сон я видел ночью,
III, 32	Сон второй, который я видел:
III, 33	*В ущельях* горы *стоим мы с тобою,* —
III, 34	Гора упала и меня повалила,
ХВ, 14а	Придавила ноги, *не дает подняться*;
III, 35	Мы *перед нею* как маленькие мошки.
ХВ, 15	Вспыхнул тут свет, мне муж *явился*,
ХВ, 16	Прекраснейший в мире красотою *великой*.
ХВ, 17	Из-под горы меня он вынул,
ХВ, 18	Напоил водою, успокоил сердце,
ХВ, 19	Дал мне встать на землю ногами».
III, 36	Кто в степи рожден, *ему ведома мудрость,* —
III, 37	Энкиду другу вещает, *сон толкует:*
III, 38	«Друг мой, твой сон сулит нам благо,
III, 39	Сон этот вещий, *хоть много в нем страха.*
III, 40	Друг мой, гора, что ты видел — *Хумбаба*,
III, 41	Мы захватим Хумбабу, *убьем его вместе*,
III, 42	Труп его *бросим* на поруганье».
III, 43	Наутро в *путь они дальше пустились.*

*

III, 44 Через двадцать поприщ отл*амывали ломтик*,
III, 45 Через тридцать поприщ *на привал* становились,
III, 46 Перед Шамашем вырыли колодец,
III, 46a [. . . . . .].
III, 47 Поднялся Гильгамеш, *подошел* к *колодцу*,
III, 48 Муки щепотку *в колодец* бросил:
III, 49; IV, 1. «Гора, принеси виденье *ночью*!»
III, 50; IV, 2. *Шамаш* даровал *ему предсказанье*.
IV, 3 Холод про*несся*, *ветер пове*ял,
IV, 4 Уложил он *друга*, *сам стеречь остался*,
IV, 5 И, как горный ячмень, *главой склонился*.
IV, 6 Гильгамеш подбородком уперся в колено, —
IV, 7 Сон напал на него, удел человека.
IV, 8 Среди ночи сон его прекратился,
IV, 9 Встал, говорит своему он другу:
IV, 10 «Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?
IV, 11 Ты меня не тронул? Отчего я вздрогнул?
IV, 12 Не бог ли прошел? Отчего горит мое тело?
IV, 13 Друг мой, третий сон я увидел,
IV, 14 И сон, что я видел, — весь он страшен.
IV, 15 Вопияло небо, земля громыхала,
IV, 16 *Де*нь утих, темнота наступила,
IV, 17 Молния *свер*кала, полыхало пламя,
IV, 18 Были густы *тучи*, смерть лила ливнем, —
IV, 19 *Погас*ла зарница, погасло пламя,
IV, 20 *Гора*, что валилась, превратилась в пепел.
IV, 21 *Спустим*ся в степь, совет устроим!»
IV, 22 *Тут* Энкиду сон его понял, вещает Гиль*гамешу*:

(Отсюда до строки V?, 39 недостает 60—70 стихов).

— *Энкиду уста открыл и молвит, вещает Гильгамешу:*
«[. . . . . .]
V?, 39 *Вспомни о том*, *что* сказал ты в Уруке:

V?, 40 *Поспеши*, подступи-ка, *порази Хумбабу*,
V?, 41 *Сколь могуч* ты, отпрыск Урука, *мир да узнает!*»
V?, 42 *Гильгамеш*, услыхавши слово *друга*,
V?, 42a *На силы свои* опять положился:
V?, 43 «*Поспеши*, подступи-ка, *чтоб от нас* не ушел он,
V?, 44 *Не ушел* бы в лес, *от нас бы не скрылся.*
V?, 45 Одевается он в семь одеяний *ужасных*,
V?, 46 *Одно* он надел, а шесть еще сняты».
V?, 47 Словно буйного тура послышался топот;
V?, 47a *Страж лесов кричит издалёка*, —
V?, 48 В первый раз закричал он всею *глоткой*.
V?, 49 Страж лесов кричит издалёка, —
V?, 49a *Второй раз закричал он всею глоткой.*
V?, 50 Хумбаба, как *гром*, *кричит издалёка*, —
V?, 50a *Третий раз закричал он всею глоткой.*

(Далее недостает свыше 20 стихов).

VI?, 23 *Энкиду уста* открыл, вещает Гильгамешу:
VI?, 24 «*Друг мой, в лес* входить *мы не* будем,
VI?, 25 *В моем теле — слабость*, онемели *руки.*

*

VI?, 26 Гильгамеш уста открыл, вещает *Энкиду:*
VI?, 27 «Друг мой, *ужели мы будем* столь жалки?
VI?, 28 *Столько гор* уже перешли мы —
VI?, 29 *Ужель убоимся* той, что пред нами?
VI?, 29a [. . .]. . . . . [. . . . .]. . .
VI?, 30 *Друг* мой, в сраженьях ты сведущ, битвы *тебе знакомы*, —
VI?, 31 *Ты львов* поражал, не страшился *туров*,
VI?, 32 [. . . .]. . . . . [. . . . .]
VI?, 33 [. . . . .]. . . . . [. . . . .]
VI?, 34 Пусть сойдет с твоих рук онеменье, пусть покинет слабость *твое тело*,
VI?, 35 *Не* стой же, друг мой, — *в лес войдем* мы вместе!

VI?, 36 Укрепи свое сердце для битвы,
VI?, 36a Забудь о смерти, *врага* не *бойся*!
VI?, 37—38 *Сильный* человек, *впереди* идущий,
VI?, 37a Неустрашимый и осторожный,
VI?, 38a Себя сохранит и товарища тоже, —
VI?, 39 *Даже пав*ши, имя они оставят!»
VI?, 40 Так достигли они *горы зе*леной,
VI?, 41 *Замер*ли их речи, и встали оба.

*

Остановились, дивятся лесу...

Таблица V

I, 1 Остановились, дивятся лесу,
I, 2 Кедров высоту они видят,
I, 3 Леса они видят проходы,
I, 4 Где Хумбаба, бродя, протоптал тропинки —
I, 5 Дороги прямы, пути удобны.
I, 6 Гору кедра зрят, жилище богов, престол Ирнини,
I, 7 Пред горою кедры несут свою пышность,
I, 8 Тень хороша их, полна отрады.
I, 9 Поросло там терньем, поросло *кустами*,
I, 10 Кедры *растут там*, *растут* олеандры.
I, 11 *Пошли — через* поприще *они заблудились*,
I, 12 Во второй раз [. . . . .] две трети [. . . .].

(Далее недостает около 40 стихов).

XT, II, 1 *Боевой топор* он поднял рукою,
XT, II, 2 [. . . . .]
XT, II, 3 [. . . . .]
XT, II, 4 [. . . . .]
XT, II, 5 [. . . . .]
XT, II, 6 Плотничий топор у них *припасен* был —
XT, II, 7—8 *Энкиду* взял топор, начал кедры рубить он.
XT, II, 9 Как только Хумбаба шум услышал,
XT, II, 10 Исполнился гневом: «Кто это явился,
XT, II, 11—12 Кто бесчестил деревья, моих гор порожденье, кто рубил здесь кедры?

XT, II, 13 Шамаш-герой сказал с небес им:
XT, II, 14—15 «Подходите к нему, его не бойтесь!»

(Далее недостает около 90 стихов).

XT, IV, 6 По лицу его побежали слезы.
XT, IV, 7 Гильгамеш *вещает* Шамашу-герою:
XT, IV, 8 «[. . . . .]
XT, IV, 9 [. . . . .]
XT, IV, 10 Я же *слушался* Шамаша-героя,
XT, IV, 11 Шел дорогой, *что была суждена мне!*»
XT, IV, 12 Шамаш-герой услышал молитву Гильгамеша,
XT, IV, 13 И встают на Хумбабу великие ветры:
XT, IV, 14 Великий ветер, Северный ветер,
XT, IV, 14a Ветер смерча, Песчаный ветер,
XT, IV, 15 Бурный ветер, Холодный ветер,
XT, IV, 15a Ветер непогоды, Горячий ветер.
XT, IV, 16 Восемь ветров на него восстали,
XT, IV, 17 Хумбабе в глаза они задувают.
XT, IV, 18 Вперед шагать он не может,
XT, IV, 19 Назад отступать он не может.
XT, IV, 20—21 Хумбаба сдался, вещает Хумбаба Гильгамешу:
XT, IV, 22 «Ты, Гильгамеш, пощадить меня должен!
XT, IV, 23 Ты будешь господином, рабом я буду!
XT, IV, 24—25 Нарублю тебе кедров, *моих гор* порожденье,
XT, IV, 26 Дома́ тебе *из тех кедров построю*».
XT, IV, 27 Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
XT, IV, 28—29 «Не слушай слов, что сказал Хумбаба!
XT, IV, 30 Хумбабу в живых оставлять ты не должен!

(Далее недостает около 30 стихов).

CB, 9 *Гильгамеш ему вещает*, Энкиду:

СВ, 10 «Когда подойдем мы *сразить Хумбабу*,
СВ, 11 Лучи сиянья в смятенье исчезнут,
СВ, 12 Лучи сиянья исчезнут, свет затмится».
СВ, 13 Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
СВ, 14 «Друг мой, птичку поймай, — не уйдут и цыплята!
СВ, 15 Лучи сиянья потом поищем,
СВ, 16 Как цыплята в траве, они разбегутся.
СВ, 17—17а Самого сразу, а прислужников позже».
СВ, 18 Как услышал Гильгамеш товарища слово,
СВ, 19 Боевой топор он поднял рукою
СВ, 20 Выхватил из-за пояса меч свой,
СВ, 21 Гильгамеш поразил его в затылок,
СВ, 22 Его друг, Энкиду, его в грудь ударил.
СВ, 23 На третьем ударе пал он,
СВ. 24 Замерли его буйные *члены*.
СВ, 25 Сразили они наземь стража, Хумбабу,—
СВ, 26 На два поприща вокруг *застонали* кедры.
СВ, 27—28 С ним сразил Энкиду леса *и* кедры.
СВ, 29 Сразил Энкиду *стража* леса,
СВ, 30 Чьего слова *страшились* Ливан и Сариа.
СВ, 31 Покой объял *высокие* горы,
СВ, 32 Покой объял *лесистые* вершины.
СВ, 33 Он сразил *хранителей* кедров —
СВ, 34 Разбитые *лучи Хумбабы*.
СВ, 34а Когда их всех семерых убил он,
СВ, 35 Боевую сеть и кинжал в семь талантов, —
СВ, 36 Груз в восемь талантов, — снял с его тела,
СВ, 37 Жилище Ануннаков тайное открыл он.
СВ, 38 Гильгамеш деревья рубит, Энкиду пни корчует.
СВ, 39 *Энкиду ему* вещает, Гильгамешу:
СВ, 40 «*Друг мой*, Гильгамеш! Мы кедр сразили,
СВ, 41 *Повесь боевой топор на* пояс,
СВ, 42 Возлей *перед Шамашем возлиянье*, —
СВ. 43—44 На берег Евфрата *доставим* кедры».

(Далее недостает около 50—60 стихов).

VI, 47 *На копье насадил* главу Хумбабы.

*

Он умыл свое тело, *все оружье* блестело...

*

Таблица V. «О всё видавшем» — история *Гильгамеша.*

Таблица VI

1 Он умыл свое тело, всё оружье блестело,
2 Со лба на спину власы он закинул,
3 С грязным он разлучился, чистым он облачился.
4 Как накинул он плащ и стан подпоясал,
5 Как венчал Гильгамеш себя тиарой, —
6 На красоту Гильгамеша подняла очи государыня Иштар:
7 «Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
8 Зрелость тела в дар подари мне!
9 Ты будешь мужем, я буду женою!
10 Приготовлю для тебя золотую колесницу,
11 С золотыми колесами, с рогами из электра,
12 А впрягут в нее бури — могучих мулов.
13 Войди в наш дом в благоухании кедра!
14 Как входить ты в дом наш будешь,
15 И порог и престол да целуют твои ноги,
16 Да преклонят колени государи, цари и владыки,
17 Да несут тебе данью дар холмов и равнины,
18 Твои козы тро́йней, а овцы дво́йней да рожают,
19 Твой вьючный осел пусть догонит мула,
20 Твои кони в колеснице да будут горды в беге,
21 Под ярмом твои *волы* да не ведают равных!»

*

22 *Гильгамеш* уста открыл и молвит,
23 *Вещает он* государыне Иштар:
24 «*Зачем ты хочешь*, чтоб я взял тебя в жены?

25 *Я дам тебе* платьев, елея для тела,
26 *Я дам тебе хлеба* в пропитанье и в пищу,
27 *Накормлю тебя* хлебом, достойным богини,
28 *Вином напою,* достойным царицы,
29 *Твое жилище* *пышно* украшу,
30 *Твои амбары* *зерном* засыплю,
31 *Твои кумиры* одену в одежды,
32 *Но в жены себе* тебя не возьму я!
33 *Ты — жаровня,* *что гаснет* в холод,
34 Черная дверь, *что не* держит ветра и бури,
35 Дворец, *разд*авивший *главу* героя,
36 Колодец, *который* *поглотил* свою крышку,
37 Смола, *которой* *обварен* носильщик,
38 Мех, *из которого* *облит* носильщик,
39 Плита, *не сдержавшая* каменную стену,
40 Таран, *отдавший жителей* *во* вражью землю,
41 Сандалия, *жм*ущая ногу господина!
42 Какого супруга ты любила вечно?
43 Кто твой возлюбленный, милый *доселе*?
44 Давай, перечислю *с кем* ты блудила!

*

45 . . . . [. . . . .] . . .
46 Супругу юности твоей, Думу́зи,
47 Из года в год ты судила рыданья.
48 Птичку-пастушка́ еще ты любила —
49 Ты его ударила, крылья сломала;
50 Он живет среди лесов и кричит «мои крылья!»
51 И льва ты любила, совершенного силой, —
52 Семь и семь ему ты вырыла ловушек.
53 И коня ты любила, славного в битве, —
54 Кнут, узду и плеть ты ему судила,
55 Семь поприщ скакать ты ему судила,
56 Мутное пить ты ему судила,
57 Его матери, Силили, ты судила рыданья.

58 И еще ты любила пастуха-козопаса,
59 Что тебе постоянно носил зольные хлебцы,
60 Каждый день сосунков тебе резал, —
61 Ты его ударила, превратила в волка,
62 Гоняют его свои же подпаски,
63 И собаки его за ляжки кусают.
64 Ишулла́ну-садовника ты любила,
65 Что тебе постоянно носил фиников гроздья,
66 Каждый день твой стол украшая, —
67 Подняла ты очи, к нему подошла ты:
68 „О, мой Ишуллану, твоей зрелости вкусим,
69 И, рукой обнажась, коснись нашего лона!“
70 Ишуллану тебе отвечает:
71 „Чего ты от меня пожелала?
72 Чего мать не пекла моя, того не едал я,
73 Как же буду есть хлеб прегрешений и скверны?
74 Будет вретище ль мне от стужи укрытьем?“
75 Ты же, услышав эти речи,
76 Ты его ударила, в паука превратила,
77 Поселила его среди па*утины* —
78 К потолку не подняться, не спуститься *на* пол.
79 И со мной, полюбив, ты также *поступишь*!»

*

80 Как услышала Иштар эти речи,
81 Иштар разъярилась, поднялась на небо,
82 Поднявшись, Иштар пред отцом своим, А́ну, плачет,
83 Пред А́нту, ее матерью, бегут ее слезы:
84 «Отец, поношенье Гильгамеш учинил мне,
85 Гильгамеш перечислил мои прегрешенья,
86 Все мои прегрешенья и все мои скверны».
87 Ану уста открыл и молвит,
88 Вещает ей, государыне Иштар:

89 «Не ты ль оскорбила царя Гильгамеша,
90 Что Гильгамеш перечислил твои прегрешенья,
91 Все твои прегрешенья и все твои скверны?»
92 Иштар уста открыла и молвит,
93 Ану, отцу своему вещает:
94 «Отец, быка создай мне, пусть убьет Гильгамеша,
95 *За обиду* Гильгамеш *поплатиться должен!*
96 Если же ты быка не дашь мне —
97 Ударю я в дверь *страны без возврата*,
98 Открою я *врата преисподней*,
99 Подниму я мертвых, чтоб живых пожирали,
100 Станет меньше тогда живых, чем мертвых».
101 Ану уста открыл и молвит,
102 Вещает ей, государыне Иштар:
103 «Если ты от меня быка пожелаешь,
104 *Будут* в Уруке семь лет мякины.
105 *Зерна для людей* собрать должна ты,
106 *Для скота должна* травы́ взрастить ты».
107 Иштар уста открыла и молвит,
108 Ану, отцу своему вещает:
109—110 «*Зерно я* ссыпала, *траву* создала я,
111 Если будет в Уруке семь лет мякины —
112 *Зерно для людей* *уже* собрала я,
113 *Для скота я уже* травы́ *взрастила*.
114 [. . . . . .]
115 [. . . . . .]
116 [. . . . . .] быка [. . . . . |»

*

117 Как услышал Ану эти речи,
118 Ее он *уважил*, быка *он создал*,
119 *В Урук с небес* погнала его Иштар.
120 Когда достиг он *улиц* Урука,
121 [. . . . . |

A, IV, 9′–10′ Спустился к Евфрату, в семь глотков его выпил, — река иссякла;
A, IV, 10′–12′ От дыханья быка разверзлась яма,
A, IV, 13′–14′ Сто мужей Урука в нее свалились;
A, IV, 15′ От второго дыханья разверзлась яма,
A, IV, 16′ Двести мужей Урука в нее свалились;
129? При третьем дыханье *он дохнул* на Энкиду,
130 Энкиду, хоть стан его согнулся,
131 Но вспрыгнул Энкиду, за рог быка ухватился,
132 Бык в лицо ему брызнул слюною,
133 Всей толщей хвоста его ударил.

*

134–135 Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
136 «Друг мой, гордимся мы *нашей отвагой*,
137 Что ж мы ответим *на эту обиду?*»
– *Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он Энкиду:*
138 «Друг мой, видал я *быка деянья*,
139 Но силы его *для нас не опасны*.
140–141 Вырву *его сердце*, *пред Шамашем положу* я, *убьем быка с тобою вместе*,
142 Встану *над ним я* *в знак победы*,
143 Наполню *рога елеем*, *подарю Лугальбанде!*
144 За *толщу хвоста* *его ухвати ты*,
145 А *я* меж рогами, меж *головой* и шеей, *поражу его кинжалом*,
146 [. . . .] . . .[. . .] . . .[. . . . .]».
147 Погнал Энкиду, быка *повернул он*,
148 *За толщу хвоста* его ухвати*л он*,
149 [. . . . . .]
150–151 А Гильгамеш, как *боец отважный* и *воин могучий*

152 Меж его рогами, меж головой и *шеей* вонзил кинжал свой.
153–154 Как быка они убили, ему вырвали сердце, пред Шамашем положили,
155–156 Удалившись, пред Шамашем ниц склонились, и уселись оба брата.

*

157 Взобралась Иштар на стену огражденного Урука,
158 На зубец вскочила, бросила проклятье:
159 «Горе Гильгамешу, меня он унизил, быка сразивши!»
160 Услыхал Энкиду эти речи Иштар,
161 Вырвал корень быка, в лицо ей бросил:
162–163 «А с тобой — лишь достать бы, как с ним бы я сделал,
164 Кишки его на тебя намотал бы!»
165–166 Созвала Иштар жриц, блудниц и девок,
167 Корень быка оплакивать стали.
168–169 А Гильгамеш позвал мастеров всех ремесел,
170 Толщину рогов мастера хвалили.
171 Тридцать мин лазури — их отливка,
172 Толщиною в два пальца их оправа,
173 Шесть мер елея, что вошло в оба рога,
174 Подарил для помазанья своего бога Лугальбанды;
175 Внес рога и повесил в своей княжеской спальне.
176 Они руки свои омыли в Евфрате,
177–178 Обнялись, отправились, едут улицей Урука,
179 Толпы Урука *на них* взирают.
180–181 Гильгамеш *вещает* слово простолюдинкам *Урука*:
182 «Кто же красив среди героев?
183 Кто же горд среди мужей?
184 Гильгамеш красив среди героев,
185 *Энкиду* горд среди мужей!

186 *Мы быка небесного* гнали во гневе,
187 *Не достигла богиня* исполненья *желаний*, —
188 *Только наше с тобою* исполнилось *желанье!*»

*

189 Гильгамеш во дворце устроил веселье,
190 Заснули герои, лежат на ложе ночи.
191 Заснул Энкиду и сон увидел,
192 Поднялся Энкиду и сон толкует,
193 Вещает своему он другу:

*

«Друг мой, о чем совещались великие боги?..»

*

Таблица VI. «О всё видавшем» — история Гильгамеша. Согласно древнему подлиннику списано и сверено.

Таблица VII

I, 1 «Друг мой, о чем совещались великие боги?
XT, 3 *Слушай* мой сон, что я видел ночью:
XT, 4—5 А́ну, Э́ллиль и Ша́маш меж собой совещались.
XT, 5 И вещает Ану Эллилю:
XT, 6 „Зачем они сразили быка и Хумбабу?“
XT, 7 Ану сказал: „Умереть он должен,
XT, 8 Тот, кто у гор похитил кедры!“
XT, 9 Эллиль промолвил: „Пусть умрет Энкиду,
XT, 10 Но Гильгамеш умереть не должен!“
XT, 11 Отвечает Шамаш герою Эллилю:
XT, 12—13 „Не твоим ли веленьем убиты бык и Хумбаба?
XT, 13a Должен ли ныне Энкиду умереть безвинно?“
XT, 14 Разгневался Эллиль на Шамаша-героя:
XT, 15—16 „То-то ежедневно в их товарищах ты ходишь!“»
XT, 17 Слег Энкиду перед Гильгамешем,
XT, 18 По лицу Гильгамеша побежали слезы:
XT, 19 «Брат, милый брат! Зачем вместо брата меня оправдали!»
XT, 20—21 И еще: «Неужели сидеть мне с духом, у двери духа?
XT, 22 Никогда не увидеть своими очами любимого брата?»

*

I, 23—24 Энкиду *уста открыл и молвит, вещает он* ***Гильгамешу:***
I, 25 «Давай, *мой друг, припомним, что свершили:*

I, 26 По в*елению Шамаша* *нарубили мы кедров*,
I, 27 *Деревянную* дверь *изготовили из кедра* —
I, 28 Из-за *двери деревянной* *беда случилась!*»
I, 29 [. . . . . .] . . . . . .]
I, 30 [. . . . . .] . . . . . |
I, 31 [. . . . . .] . . . . . |
I, 32 Энки*ду* поднял *с одра* свои очи,
I, 33 С дверью беседует, как *с человеком*:
I, 34 «Деревянная дверь, без то*лка и смысла*,
I, 35 Никакого в ней разуменья нету!
I, 36 Для тебя я дерево искал за двадцать поприщ,
I, 37 Пока не увидел высокого кедра, —
I, 38 Тому дереву не было равных *в мире*!
I, 39; СТ, 3 Шесть гаров ты высотою, два гара ты шириною,
I, 40; СТ, 4 Твой засов, петля и задвижка *длиною в двенадцать ло́ктей*.
I, 41 Изготовил, принес тебя, в Ниппуре *украсил*, —
I, 42; СТ, 5 Знал бы я, дверь, что такова *будет плата*,
I, 43; СТ, 5 Что благо такое *ты принесешь мне*, —
I, 44; СТ, 6 Взял бы топор я, порубил бы *в щепы*,
I, 45; СТ; 6 Циновку привязал бы *в дверном проеме*!
СТ, 7 . . . . . .
СТ, 8 . . . . . [. . . . . .] . . . .
СТ, 9 . . .[. . . . . .] [. . . . . .] . . .
СТ, 10 . . . .[. . . . . .] . . . .[. . . . .]. . . .
СТ, 11 . . . . . .[. . . . . .]
СТ, 12 А́ну *и* Иштар *мне того* не *простили* —
СТ, 12а Зачем изготовил, принес тебя, *в Ниппуре украсил*?
СТ, 13 Пусть бы будущий царь тебя доставил,
СТ, 13а Пусть бы бог *изготовил* твои *дверные ств*орки,
СТ, 14 Стер бы мое имя, свое написал бы:
СТ, 14а . . .[. . . . . .] [. . . . . .] . . .»
СТ, 15 Его слово услышал, сразу жарко *заплакал*,
СТ, 16 Услышал Г*ильгамеш* слово друга, Энкиду, *и побежали* его слезы.

ст, 17 Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он Энкиду:
ст, 17а «*Тебе бог даровал* глубокое сердце, *мудрые* речи,
ст, 18 *Человек ты* разумный, — *молвишь* странные вещи!
ст, 19 *Зачем*, мой друг, ты мыслишь так странно?
ст, 20 Сон этот вещий, хоть много в нем страха!
ст, 20а . . . . . .
ст, 21 *Страха* в нем много, но сон этот вещий!
ст, 22 Живому *боги* тосковать попустили,
ст, 22а Сон тоску оставил живому!
ст, 23 *Я решусь* помолиться богам великим,
ст, 24 *Милость* взыскуя, умолю твоего бога:
ст, 24 *Пусть*, отец богов, *будет милостив Ану*,
ст, 25 Эллиль да *сжалится*, да *заступится Шамаш*, —
ст, 26 *Златом* без счета *их* украшу кумиры!»
ст, 26 *Услыхал его Шамаш*, *вещает Гильгамешу:*
ст, 27 «Не трать, о царь, на кумиры злата, —
ст, 28 *Слово*, что сказано, *не изменят боги*,
ст, 29 *Слово*, что сказано, не вернут, не отменят,
ст, 30 *Жребий*, что брошен, не вернут, не отменят,
ст, 31 *Судьба* людская проходит, ничто *не останется в мире!*»
ст, 32 На веленье *Шамаша ответил*, голову *поднял* Энкиду,
ст, 33 *Перед Шамашем* бегут его слезы.

*

— *«Вещий сон ты послал мне, Шамаш,*
— *Сбудется то, что ты предрек мне,*
— *Но не оставь ты меня неотмщенным,*
— *Слово мое исполни, Шамаш!*
— *Ловцу-охотнику назначь ты долю,*
— *Что не кончится в мире во веки веков!*
III, 1 [. . . . . .]
III, 1а Погуби его *добычу*, ослабь его руки,
III, 2 *Пусть будет мерзок* его *путь* пред тобою,
III, 3 *Пусть его звери* от него уходят,

III, 4 Пусть *охот*ник не *достигн*ет желания сердца!»
III, 5 Подвигло его *сердце*, Шамхат он проклял:
III, 6 «*Да*вай, блудница, тебе *до*лю назначу,
III, 7 *Что* не кончится *в* мире во веки веков:
III, 8 Прокляну тебя великим проклятьем,
III, 9 *Проклятьем*, что вскоре тебя постигнет:
III, 10 *Пусть отвергнут* насыщенье твоею лаской,
III, 11 *Пусть* ты будешь любить *свое же потомство*,
III, 12 *Пусть будешь ты посмешищем* женщин,
III, 13 *Ворон пусть в твоем доме* гадит,
III, 14 *Пусть* валяешься *ты*, *как овца в нечистотах*,
III, 15 [. . . . .] . . .
III, 16 *Как собака, греешься в печи* горшечной,
III, 17 [. . . . .] она же!
III, 18 *Огонь пожара* твой дом постигнет,
III, 19 *Перекрестки* дорог тебе будут жилищем,
III, 20 *Тень от стены* обителью будет,
III, 21 *Отдыха знать* твои ноги *не будут*,
III, 22 *Будет бить* по щекам *голодный и пьяный*,
III, 23 Позовет *тебя за собою нищий*,
III, 24 *Все*, что дал *тебе он возьмет обратно*,
III, 25 [. . . . .] . . .
III, 26 [. . . . .] . . .]
III, 27 [. . . . .] . . . .
III, 28 [. . . . .] . . . . . [. . . . .]
III, 29 [. . . . .] . . . . . [. . . . . .
III, 30 Голод *и жажда сокрушат твое тело*, —
III, 31 Ибо на меня *навела ты проклятье*,
III, 32 И напасть и беду на меня *навлекла ты*!»

*

III, 33 Шамаш услышал — уста *отк*рыл он,
III, 34 Как только *прослышал*, с небес закричал он:
III, 35 «Зачем, Энкиду, блудницу Шамхат ты проклял,

III, 36 Что кормила тебя хлебом, достойным бога,
III, 37 Питьем поила, царя достойным,
III, 38 Тебя великой одеждой одела
III, 39 И в товарищи добрые тебе дала Гильгамеша?
III, 40 Теперь же Гильгамеш, и друг и брат твой,
III, 41 Уложит тебя на великом ложе,
III, 42 На ложе почетном тебя уложит,
III, 43 Поселит тебя слева, в жилище покоя;
III, 44 Государи земли облобызают твои ноги,
III, 45 Велит оплакать тебя народу Урука,
III, 46 Веселым людям скорбный обряд поручит,
III, 47 А сам после тебя он рубище наденет,
III, 48 Львиной шкурой облачится, бежит в пустыню».

*

III, 49 Услыхал Энкиду слово Шамаша-героя —
III, 50 У него успокоилось гневное сердце,
III, 51 Успокоилась разъяренная печень:
III, 52 «Давай, блудница, иное назначу:
IV, 1 Пусть тебя покинувший к тебе вернется,
IV, 2 Государи, цари и владыки пусть тебя полюбят,
IV, 3 Тебя увидавший пусть тебе изумится,
IV, 4 Герой над тобою пусть встряхнет кудрями,
IV, 5 От тебя уходящий пусть кошель свой развяжет,
IV, 6 Тебе пусть подарит лазурь и злато!
IV, 7 Отмстить врагу мы тебе предоставим —
IV, 8 Потухнет очаг его, хлеб оскудеет!
IV, 9 В храм богов пусть жрец тебя приводит,
IV, 10 Для тебя пусть покинут мать семерых, супругу!»
IV, 11 В утробу Энкиду боль проникла,
IV, 12 На ложе ночи, где лежал он одиноко.
IV, 13 Ночью свои скорби он поведал другу:
IV, 14 «Друг мой, сон я видел этой ночью:
IV, 15 Вопияло небо, земля отвечала,
IV, 16 В темной ночи один стою я,
IV, 17 Вижу человека — лицо его мрачно,

IV, 18 Птице бури он лицом подобен.
IV, 19 Его *крылья — птичьи крылья,* его когти — орлиные когти.
IV, 20 *Я стал с ним бороться —* одолел меня он,
IV, 21 *Я стал защищаться —* *на плечи мне* вспрыгнул,
IV, 22 *Землю отверз,* меня погрузил он,

(Далее недостает около 8 стихов).

IV, 31 *Ко мне прикоснулся,* меня превратил он,
IV, 32 *Крылья,* как птичьи, надел мне на плечи:
IV, 33 Взглянул и увел в дом мрака, жилище Иркаллы,
IV, 34 В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
IV, 35 В путь, по которому не выйти обратно,
IV, 36 В дом, где живущие лишаются света,
IV, 37 Где их пища — прах и еда их — глина,
IV, 38 А одеты, как птицы, одеждою крыльев,
IV, 39 И света не видят, но во тьме обитают,
IV, 39a А *засовы* и двери *покрыты пылью*!
IV, 40 В Д*оме праха,* куда вступил я,
IV, 41 Видел я *царей,* венец сложивших,
IV, 42 Видел *государей* венценосных, что в прежнее время владели землею, —
IV, 43 *Они образ* А́ну и Э́ллиля, — им ставят жареное мясо,
IV, 44 Печеное ставят, холодным поят — водою из меха.
IV, 45 В Доме праха, куда вступил я,
IV, 46—47 Живут святитель и служка, живут жрец и одержимый,
IV, 48 Живут священники богов великих,
IV, 49 Живет Эта́на, живет Суму́кан,
IV, 50 *Живет* Эре́шкигаль, земли царица.
IV, 51 *Бе́лет*-це́ри, дева-писец земли, перед ней на коленях,
IV, 52 Та*блицу судеб дер*жит, пред нею читает.

IV, 53 *Подняла* лицо, меня увидала:
IV, 54 „*Смерть уже* взяла того *человека!*“»

*

(Недостает около 50 стихов).

— *Гильгамеш уста открыл и молвит* [. . . . .
. . . .]:
a, 1′ «*Друг мой, которого так люблю я,*
a, 2′ *Энкиду, друг мой, которого так люблю я,*
a, 3′ *С которым* мы все труды *делили,* —
a, 4′ Вспом*ни* все походы, *что мы совершали!*
a, 5′ Друг мой увидел сон не*отвратимый,*
a, 6′—7′ Время сну, что он видел, исполнилось *ныне,* и слег Энкиду!»
a, 7′—8′ И день, и второй *лежит* Энкиду на ложе,
a, 9′ Третий день и четвертый *лежит Энкиду на ложе,*
a, 10′ Пятый, шестой и седьмой, восьмой, девятый *и десятый*
a, 11′ *Тело* Энкиду недуг *пожирает,*
a, 12′ Одиннадцатый и двенадцатый *дни миновались* —
a, 13′ На ложе своем *лежит* Энкиду.
a, 14′ Кликнул Гильгамеша, *ему вещает:*
a, 15′ «Друг мой, меня проклял *бог великий:*
a, 16′ Когда в *Уруке мы с тобой говорили,*
a, 17′ Я боялся сраженья, *идти не хотел я.*
a, 18′ Друг мой, кто в сраженье *падет* — *тот славен,*
a, 19′ Я же *смерти страшился, умираю с позором*».

(Далее недостает около 10—25 стихов).

*

Таблица VII. «О все видавшем» — история Гильгамеша.

Таблица VIII

I, 1; СТ, 1	Едва занялось сияние утра,
I, 2; СТ, 1	Гильга*меш уста открыл и молвит:*
I, 3; СТ, 2	«Эн*киду, друг мой,* твоя м*ать* антилопа
I, 4; СТ, 2а	И онагр, отец твой, тебя *породили,*
I, 5; СТ, 3	Тебя воспитали хвостатые твари
I, 6: СТ, 3—4	И скот в степи и на пастбищах дальних!
I, 7; СТ, 4	Стези Энкиду в лесу кедро́вом
I, 8; СТ, 5	По тебе да *плачут* день и ночь неумолчно,
I, 9; СТ, 6	Да плачут старейшины огражденного Урука,
I, 10; СТ, 6—7	Да плачет руку нам вслед простиравший,
I, 11	*Да плачут уступы* гор лесистых,
I, 12	*По которым с тобою* мы взбирались,
I, 13; СТ, 8	Да рыдает пажить как мать родная,
I, 14; СТ, 8а	Да плачут соком *кипарисы* и кедры,
I, 15; СТ, 9	Средь которых мы пробирались во гневе,
I, 16; СТ, 9—10	Да плачут медведи, ги*ены* *барсы* и тигры,
I, 16—17; СТ, 10а	Козероги и рыси, львы и туры,
I, 17; СТ, 10—11	Олени и *серны,* скот и зверье степное,
СТ, 11—12	Да плачет *бурный* Евлей, *где* мы ходили по брегу,
I, 18—19; СТ, 12—13	Да плачет светлый Евфрат, *где* мы *черпали* воду,
СТ, 13	Да плачут мужи огражденного Урука
СТ, 14	*И же*ны, что видали, как быка мы убили,
СТ, 14—15	Да плачет *жрец* Эреду, твое славивший имя,

СТ, 15—16	Да плачет му*дрец*, который пред Эа твое славил имя,
СТ, 16—17	Да плачет *тот*, кто кормил тебя хлебом,
СТ, 17—18	Да плачет *тот*, кто умастил твои ноги,
СТ, 18—19	Да плачет *тот*, кто вина тебе подал,
СТ, 19—20	Да плачет б*лудниц*а, тебя умастившая добрым елеем,
СТ, 20—21	Да пла*чет* в свадебный *покой вступивший*,
СТ, 21а	Супругу *обретший* твоим мудрым советом,
СТ, 22	Братья да плачут по тебе, как сестры,
СТ, 22—23	*В скорби да рвут* власы над тобою!
СТ, 24	Как отец и мать в его дальних кочевьях,
СТ, 24а	Я об Энкиду буду пла*кать*.
СТ, 25	Внимайте же вы, мужи, внимайте,
I, 1; СТI, 25а	Внимайте, старейшины огражденного Урука!
II, 2; СТ, 26	Я об Энкиду, моем друге, плачу,
II, 3; СТ, 26—27	Словно плакальщица, горько рыдаю:
II, 4; СТ, 27	Мощный топор мой, сильный оплот мой,
II, 5; СТ, 28	Верный кинжал мой, надежный щит мой,
II, 6; СТ, 29	Праздничный плащ мой, пышный убор мой, —
II, 7; СТ, 29—30	*Демон* злой у меня его отнял!
II, 8; СТ, 30—31	Младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни!
II, 9; СТ 31а	Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни!
II, 10; СТ, 32	С кем мы всё побеждали, поднимались в горы,
II, 11; СТ, 32а	Схвативши вместе, быка убили,
II, 12; СТ, 33	Погубили Хумбабу, что жил в лесу кедро́вом!
II, 13; СТ, 33—34	Что за сон теперь овладел тобою?
II, 14; СТ, 34а	Стал ты темен и меня не слышишь!»
II, 15; СТ, 35	А тот головы поднять не может.
II, 16; СТ, 35—36	Тронул он сердце — оно не бьется.
II, 17; СТ, 36а	Закрыл он другу лицо, как невесте,

II, 18; СТ, 36—37 Сам, как орел, над ним кружит он,
II, 19; СТ, 37 Точно львица, чьи львята в ловушке,
II, 20; СТ, 37—38 Мечется грозно взад и вперед он,
II, 21; СТ, 38—39 Словно кудель, раздирает власы он,
II, 22; СТ, 39 Словно как скв*ерну*, срывает одежды.

*

II, 23 Едва занялось сияние утра, —
СТ, 40 Гильгамеш по стране созывает кличем.
СТ, 40—41 Ваятелей, медников, кузнецов, камнерезов.
СТ, 41а «Друг мой, сделаю *кумир твой*,
СТ, 42 *Какого никто* не делал другу:
СТ, 42а Друга рост *и облик* *в нем будет явлен*,
СТ, 43 *Подножье из камня*, *власы* из лазури,
СТ, 43а *Лицо из алебастра*, из золота — тело».

*

(Далее недостает около 20 стихов).

*

«[. . . . . .]
— *Теперь же я*, *и друг, и брат твой*,
— *Тебя уложил* *на великом ложе*,
III, 1 На ложе *почетном* *тебя уложил я*,
III, 2 Поселил тебя *слева*, *в месте покоя*,
III, 3 Государи земли *облобызали твои ноги*,
III, 4 Велел оплакать тебя народу *Урука*,
III, 5 Веселым людям *скорбный* *обряд поручил я*,
III, 6 А сам после *друга* *рубище надел я*,
III, 7 *Львиной* шкурой облачился, *бегу в пустыню!*»

*

III, 8 Едва занялось *сияние* утра,

(Далее недостает более 70 стихов).

V, 45 Едва занялось сияние утра,

V, 45a Гильгамеш изготовил *из глины фигурку*,
V, 46 Вынес стол большой, деревянный,
V, 47 Сосуд из сердолика наполнил медом,
V, 48 Сосуд из лазури наполнил маслом,
V, 49 *Фигурку* украсил и Шамашу вынес.

(Далее недостает около 50 стихов).

— *Боги собралися к жертве героя,*
— *Э́ллиль уста открыл, вещает Гильгамешу:*
— *«Издревле, Гильгамеш, назначено людям —*
— *Земледелец пашет землю, урожай собирает,*
— *Скотовод и охотник со зверьем обитают,*
св, X, $x+2$ *Надевает* их шкуру, ест их мясо.
св, X, $x+3$ *Ты же хочешь*, Гильгамеш, чего не бывало,
св, X, $x+4$ С тех пор как мой ветер гонит воды».
св, X, $x+5$ Опечалился Шамаш, ему явился,
св, X, $x+6$ Вещает он Гильгамешу:
св, X, $x+7$ «Гильгамеш! Куда ты стремишься?
св, X, $x+8$ Жизни, что ищешь, не найдешь ты!»
св, X, $x+9$ Гильгамеш ему вещает, Шамашу-герою:
св, X, $x+10$ «После того как бродил по свету,
св, X, $x+11$ Разве довольно в земле покоя?
св, X, $x+12$ Видно, проспал я все эти годы, —
св, X, $x+13$ Пусть же солнечным светом насытятся очи:
св, X, $x+14$ Пуста темнота, как нужно света!
св, X, $x+15$ Можно ль мертвому видеть сияние солнца?»

(Далее недостает, вероятно, около 20 стихов).

Таблица IX

I, 1 Гильгамеш об Энкиду, своем друге,
I, 2 Горько плачет и бежит в пустыню:
I, 3 «И сам я не так ли умру, как Энкиду?
I, 4 Тоска в утробу мне проникла,
I, 5 Смерти страшусь и бегу в пустыню.
I, 6 Под власть Утнапи́шти, сына Убар-Ту́ту
I, 7 Путь я предпринял, иду поспешно.
I, 8 Перевалов горных достигнув ночью,
I, 9 Львов я видал и бывало мне страшно, —
I, 10 Главу подымая, молюсь я Сину,
I, 11 И к *владыкам*-богам идут мои молитвы:
I, 12 *Как прежде бывало*, меня сохраните!»
I, 13 *Ночью* он лег; от сна пробудившись,
I, 14 *Видит — львы резвятся*, радуясь жизни.
I, 15 Боевой то*пор он* поднял рукою,
I, 16 Выхватил из-за пояса *меч* свой, —
I, 17 Словно стрела, упал между ними,
I, 18 Ударял, повергал, *убивал и рубил он.*

(Далее недостает около 30 стихов).

*

II, 1 Он слыхал о горах, *чье имя* — Ма́шу;
II, 2 Как только к этим горам *подошел* он,
II, 3 Что вос*ход и закат* стерегут ежедневно,
II, 4 Наверху небосвода до*стигают*,
II, 5 Внизу — преисподней их грудь достигает,

II, 6 Люди-скорпионы стерегут их ворота:
II, 7 Грозен их вид, их взоры — гибель,
II, 8 Их мерцающий блеск повергает горы —
II, 9 При восходе и закате Солнца они охраняют Солнце, —
II, 10 Как только их Гильгамеш увидел,
II, 11 Ужас и страх его лицо помрачили!
II, 12 С духом собрался, направился к ним он.
II, 13 Человек-скорпион жене своей крикнул:
II, 14 «Тот, кто подходит к нам, — плоть богов — его тело!»
II, 15 Человеку-скорпиону жена отвечает:
II, 16 «На две трети он бог, на одну — человек он!»
II, 17 Человек-скорпион Гильгамешу крикнул,
II, 18 *Потомку* богов вещает слово:
II, 19 «*Почему идешь ты* путем далеким,
II, 20 *Какою дорогой* меня *достиг ты*,
II, 21 *Переплыл моря*, *где* трудна переправа?
II, 22 *Зачем* ты *пришел*, хочу узнать я,
II, 23—24 *Куда путь* твой лежит, хочу узнать я».
II, 25 *Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону*:
— «*Младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни*,
— *Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни*,
— *С кем мы всё побеждали, поднимались в горы*,
Схвативши вместе, быка убили,
— *Погубили Хумбабу, что жил в лесу кедровом*,
— *Друг мой, которого так любил я*,
— *С которым мы все труды делили*,
— *Энкиду, друг мой, которого так любил я*,
— *С которым мы все труды делили*, —
— *Его постигла судьба человека!*
— *Дни и ночи над ним я плакал*,
— *Не предавая его могиле*, —

— *Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?*
— *Шесть ночей миновало, семь дней миновало,*
— *Пока в его нос не проникли черви.*
— *Устрашился я смерти, не найти мне жизни,*
— *Словно разбойник, брожу в пустыне:*
— *Мысль о герое не дает мне покоя —*
— *Дальней дорогой бегу в пустыне:*
— *Мысль об Энкиду, герое, не дает мне покоя —*
— *Дальним путем скитаюсь в пустыне!*
— *Как же смолчу я, как успокоюсь?*
— *Друг мой любимый стал землею!*
— *Энкиду, друг мой любимый, стал землею!*
— *Так же, как он, и я не лягу ль,*
— *Чтоб не встать во веки веков?*
— *Теперь же, скорпион, тебя я встретил, —*
— *Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!*
III, 3 К Утнапиштн, отцу моему, *иду я поспешно,*
III, 4 К тому, кто, выжив, в собранье *богов был принят и жизнь обрел в нем.*
III, 5 *Я спрошу у него* о жизни и смерти!»
III, 6—7 Человек-скорпион уста открыл *и молвит*, вещает он *Гильгамешу*:
III, 8 «*Никогда*, Гильгамеш, не бывало *дороги*,
III, 9 *Не ходил* никто еще ходом горным:
III, 10 На двенадцать поприщ *простирается* внутрь *он*:
III, 11 Темнота густа, *не видно света* —
III, 12 При восходе Солнца *открывают ворота*,
III, 13 При заходе Солнца *открывают ворота*,
III, 14 При заходе Солнца *закрывают ворота.*
III, 15 Выводят *оттуда только Шамаша боги*,
III, 16 Опаляет *живущих он сияньем*, —
III, 17 Ты же — как *ты сможешь пройти этим ходом?*
III, 18 Ты войдешь *и больше оттуда не выйдешь!*

(Далее недостает более 50 стихов).

— *Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:*

— «[. . . . . .]

IV, 33 В тоске *моей плоти*, *в печали сердца*,

IV, 34 В жару и *в стужу*, *в темноте и во мраке*,

IV, 35 Во вздохах *и плаче* — *вперед пойду я!*

IV, 36 Теперь *открой* мне *горные ворота»*.

IV, 37—38 Человек-скорпион *уста открыл и молвит, вещает он* Гильгамешу:

IV, 39 «Иди, Гильга*мей*, *путем своим трудным*,

IV, 40 Го́ры Ма́шу *ты да минуешь*,

IV, 41 Леса и горы *да пройдешь ты отважно*,

IV, 42 Да *вернешься обратно* благополучно!

IV, 43 Горные ворота *для тебя открыты»*.

IV, 44 Гильга*меш*, *когда* *услышал это*,

IV, 45 *Человеку-скорпиону* был по*слушен*,

IV, 46 По дороге Шамаша *стопы он направил*.

IV, 47 Первое поприще *уже прошел он* —

IV, 48 Темнота густа, *не видно света*,

IV, 49 *Ни вперед, ни назад* нельзя *ему видеть*.

IV, 50 Второе поприще *уже прошел он* —

V, 1 *Темнота густа*, *не видно света*,

V, 2 *Ни вперед, ни назад* *нельзя ему видеть*.

V, 3 *Третье поприще пройдя*, *он вспять обратился*.

(Далее недостает 18 стихов).

V, 22 *С духом собрался*, *вперед зашагал он*.

V, 23 Четвертое поприще *уже прошел он* —

V, 24 *Темнота* густа, *не видно света*,

V, 25 *Ни вперед, ни назад* нельзя *ему видеть*.

V, 26 Пятое поприще *уже прошел он* —

V, 27 *Тем*нота густа, *не видно света*,

V, 28 *Ни вперед, ни назад* нельзя *ему видеть*.

V, 29 *Шестое поприще* *уже прошел* он —

V, 30 Темнота густа, *не видно света*,

V, 31 *Ни вперед ни назад* нельзя *ему видеть*.

V, 32 Седьмое поприще пройдя, *он прислушался к мраку* —
V, 33 Темнота густа, не *видно света*,
V, 34 *Ни вперед*, ни назад нельзя ему *видеть*.
V, 35 Восьмое поприще *пройдя*, *в темноту* он крикнул —
V, 36 *Тем*нота густа, *не вид*но света,
V, 37 *Ни вперед*, ни назад нельзя *ему видеть*.
V, 38 На девятом поприще холодок *он почуял* —
V, 39 *Дыханье ветра* его лица *коснулось*,
V, 40 *Темнота густа*, *не* видно света,
V, 41 *Ни вперед*, ни назад *нельзя ему видеть*.
V, 42—43 На *десятом поприще* *стал выход* близок,
V, 44 *Но как десять поприщ* поприще *это*.
V, 45 *На одиннадцатом поприще* пред рассветом брезжит,
V, 46 *На двенадцатом поприще* свет появился.
V, 47 Увидев ка*менную* рощу, поспешил он:
V, 48 Сердолик плоды приносит,
V, 49 Гроздьями увешан, на вид приятен.
V, 50 Лазурит растет листвою —
V, 51 Плодоносит тоже, на вид забавен.

(Далее недостает 34 стиха).

VI, 35 Гильгамеш, проходя *по саду каменьев*,
VI, 36 *Очи* поднял *на* это *чудо*.

*

«Сидури—хозяйка богов, что живет у пучины моря...»

*

Таблица IX. «О всё видавшем» — история Гильгамеша.

Таблица X

I, 1 Сиду́ри — хозяйка богов, *что живет у пучины моря*, —
I, 2 Живет она, *брагой* *богов угощая* —
I, 3 Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу, —
I, 4 Покрывалом покрыта, *незрима людям.*
I, 5 Гильгамеш приближается *к ее жилищу* —
I, 6 Шкурой одетый, *покрытый пылью*,
I, 7 Плоть богов таится в *его теле*,
I, 8 Тоска в утробе *его обитает*,
I, 9 Идущему дальним путем он лицом *подобен.*
I, 10 Хозяйка издали *его* уви*дала*,
I, 11 Своему она сердцу, помыслив, *вещает*,
I, 12 Сама с собою *совет* она *держит*:
I, 13 «Наверное это — убийц*а буйный*,
I, 14 Куда он стремится *в своем безумье*?»
I, 15 Увидав его, хозяйка затворила *двери*,
I, 16 Затворила двери, *засов* заложила.
I, 17 А он, Гильгамеш, *тот стук* услышал,
I, 18 Поднял лицо *и к ней обратился.*

*

I, 19 Гильгамеш ей *вещает*, *хозяйке*:
I, 20 «Хозяйка, что́ увидала, *зачем затворила ты двери*,
I, 21 Затворила двери, *засов заложила*?
I, 22 Ударю я в дверь, разо*бью засовы*!
I, 23 [. . . . . .]
I, 24 [. . . . . .]»

I, 25 *Сидури-хозяйка крикнула Гильгамешу,*
I, 26 *Потомку богов вещает слово:*
I, 27 *«Почему идешь ты путем далеким,*
— *Какою дорогой меня достиг ты,*
— *Переплыл моря, где трудна переправа?*
— *Зачем ты пришел, хочу узнать я,*
— *Куда путь твой лежит, хочу узнать я».*
— *Гильгамеш ей вещает, хозяйке Сидури:*
— *«Я — Гильгамеш, убивший стража леса,*
нв, а *Погубил я Хумбабу, что жил в лесу* кедрóвом,
нв, б *Быка сразил, что спустился с неба,*
нв, в Львов *перебил на перевалах горных».*
нв, г *Хозяйка ему вещ*ает, Гильгамешу:
нв, д *«Если ты Гильгамеш,* убивший стража *леса,*
нв, е *Погубивший Хум*бабу, что жил в лесу кедрóвом,
нв, ж *Сразивший б*ыка, что спустился с неба,
нв, з Перебивший львов *на перевалах* горных, —
нв, и *Почему твои* щеки *впали,* голова поникла,
нв, к *Печально сердце,* лицо *ув*яло,
нв, л *Тоска в утробе* твоей обитает,
нв, м *Идущему дальним путем* ты лицом подобен,
нв, н *Жара и стужа* чело опалили,
нв, о *И марева ищ*ешь, бежишь по степи?»

*

— *Гильгамеш ей вещает, хозяйке:*
— *«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,*
— *Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,*
— *Тоске в утробу мою не проникнуть,*
— *Идущему дальним путем мне не быть подобным,*
— *Жаре и стуже не спалить чело мне,*
— *Не искать мне марева, не бежать по степи?*
— *Младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни,*

— *Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни,*
— *С кем мы всё побеждали, поднимались в горы,*
— *Схвативши вместе, быка убили,*
— *Погубили Хумбабу, что жил в лесу кедрóвом,*
— *Друг мой, которого так любил я,*
св, II, 1 С которым мы все труды делили,
св, II, 2 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
св, II, 3 С которым мы все труды делили, —
св, II, 4 Его постигла судьба человека.
св, II, 5 Дни и ночи над ним я плакал,
св, II, 6 Не предавая его могиле, —
св, II, 7 Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?
св, II, 8 Шесть ночей миновало, семь дней миновало,
св, II, 9 Пока в его нос не проникли черви.
II, 8; св, II, 10 Устрашился я смерти, *не найти мне жизни,*
св, II, 11 Словно разбойник, брожу в пустыне:
II, 8a Мысль о герое *не дает мне покоя* —
II, 9 *Дальней дорогой бегу в пусты*не:
II, 9a Мысль об Энкиду, *герое, не дает мне покоя* —
II, 10 *Дальним путем* скитаюсь *в пустыне*!
II, 11 *Как же смолчу я,* как успокоюсь?
II, 12 *Друг мой любимый стал* землею!
II, 12a Энкиду, друг мой любимый, ста*л землею*!
II, 13 Так же, как *он, и я не* лягу ль,
II, 14 *Чтоб не встать* во веки веков?
св, II, 12 Теперь же, хозяйка, тебя я встретил —
св, II, 13 Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!»
св, II, 14 Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
св, III, 1 «Гильгамеш? Куда ты стремишься?
св, III, 2 Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
св, III, 3 Боги, когда создавали человека,
св, III, 4 Смерть они определили человеку,
св, III, 5 Жизнь в своих руках удержали.
св, III, 6 Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок,

св, III, 7 Днем и ночью да будешь ты весел,
св, III, 8 Праздник справляй ежедневно,
св, III, 9 Днем и ночью играй и пляши ты!
св, III, 10 Светлы да будут твои одежды,
св, III, 11 Волосы чисты, водой омывайся,
св, III, 12 Гляди, как дитя твою руку держит,
св, III, 13 Своими объятьями радуй супругу —
св, III, 14 Только в этом дело *человека*!»

*

II, 15 *Гильгамеш* ей вещает, хозяйке:
II, 16 «*Теперь*, хозяйка, где путь к Утнапиштн?
II, 17 *Каков* его признак, дай ты его мне,
II, 17a Дай же ты мне пути того признак:
II, 18 Если возможно — переправлюсь морем,
II, 19 Если нельзя — побегу пустыней!»
II, 20 Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
II, 21 «Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,
II, 22 И не мог переправиться морем никто, здесь бывший издревле, —
II, 23 Шамаш-герой переправится морем,
II, 23a Кроме Шамаша, кто это может?
II, 24 Трудна переправа, тяжела дорога,
II, 25 Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
II, 26 Если ж, Гильгамеш, переправишься морем, —
II, 27 Вод смерти достигнув, что ты будешь делать?
II, 28 Есть, Гильгамеш, Уршана́би, корабельщик Утнапиштн,
II, 29 У него есть амулеты, в лесу он ловит змея;
II, 30 Найди *его* и с ним повидайся,
II, 31 *Если возможно* — с ним переправься,
II, 31a Если нельзя, то вспять обратися».
II, 32 *Гильгамеш*, как услышал эти речи,
II, 33 Боевой топор он *поднял рукою*,
II, 34 *Выхватил из-за пояса меч свой*,

II, 34a Проскользнул меж деревьев и к ним углубился,
II, 35 *Словно стрела,* *упал* между ними,
II, 36 *В буйстве своем* *амулеты* разбил *он,*
II, 37 *Змея волшебного* *нашел среди леса,*
II, 38 *Задушил его он* *своими руками.*
II, 39 *Когда ж* Гильгамеш *насытился буйством,*
II, 40 В его груди *успокоилась ярость,*
II, 41 *Сказал он в своем сердце:* *не нашел я* лодки!
II, 42 *Как одолею* *воды* смерти,
II, 43 *Как переправлюсь* *чрез* широкое *море?*
II, 44 *Гильгамеш* удержал *свое буйство,*
II, 45 *Из леса вышел,* к Реке *спустился.*
II, 46 *По водам Уршанаби* *плыл* на лодке,
II, 47 *Лодку* к берегу *он направил.*
II, 48 *Гильгамеш ему вещает,* корабельщику *Уршанаби:*
СВ, X, VI, 8 «Я — Гильгамеш, таково мое имя,
СВ, X, VI, 9 Что пришел из Урука, дома Ану,
СВ, X, VI, 10 Что бродил по горам путем далеким с восхода Солнца».
III, 1 Уршанаби ему вещает, *Гильгамешу:*
III, 2 «Почему твои щеки впали, *голова поникла,*
III, 3 Печально сердце, *лицо увяло,*
III, 4 Тоска *в утробе* *твоей* обитает,
III, 5 *Идущему* дальним путем ты лицом *подобен,*
III, 6 Жара и стужа *чело опалили,*
III, 7 *И марева ищешь,* *бежишь по степи?»*
III, 8 *Гильгамеш ему* вещает, *корабельщику Уршанаби:*
III, 9 «*Как не впасть* моим щекам, *голове* не *поникнуть,*
III, 10 *Не быть сердцу печальным,* *лицу* не увянуть,
III, 11 Тоске в *утробу* *мою не проникнуть,*
III, 12 *Идущему дальним путем* *мне не быть подобным,*
III, 13 *Жаре и стуже* не спалить *чело мне,*
III, 14 *Не искать мне марева,* *не бежать по степи?*
III, 15 *Младший мой брат,* *гонитель онагров горных,*
пантер пустыни,

III, 15a *Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров*
горных, пантер пустыни,
III, 16 *С кем мы всё побеждали, поднимались в горы,*
III, 17 *Схвативши вместе, быка убили,*
III, 18 *На перевалах горных львов убивали,*
III, 19 *Погубили Хумбабу, что жил в лесу кедрóвом,*
III, 20 Друг мой, *которого так любил я,*
III, 20a *С которым мы все труды делили,*
III, 21 Энки*ду, друг мой, которого так любил я,*
III, 21a *С которым мы все труды делили, —*
III, 22 *Его* постигла *судьба человекá!*
— *Дни и ночи над ним я плакал,*
— *Не предавая его могиле, —*
— *Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?*
III, 23 *Семь дней миновало,* семь ночей *миновало,*
III, 24 Пока *в его нос не проникли черви!*
III, 24 Устрашился я *смерти, не найти мне жизни,*
— *Словно разбойник, брожу в пустыне:*
III, 26 Мысль *о герое не дает мне покоя —*
III, 27 Дальней дорогой *бегу в пустыне!*
III, 27a *Мысль об Энкиду, герое, не дает мне покоя —*
III, 28 Дальним путем *скитаюсь в пустыне.*
III, 29 *Как* же смолчу *я, как успокоюсь?*
III, 30 Друг мой любимый *стал землею,*
III, 30a *Энкиду, друг мой любимый, стал землею!*
III, 31 Так же, как он, и я не лягу *ль,*
III, 31a *Чтоб не встать во веки веков?»*

(Далее пропущено несколько стихов?).

III, 32 Гильгамеш ему вещает, *корабельщику Уршанаби:*
III, 33 «Теперь, Уршанаби, где *путь к Утнапишти?*
III, 34 Каков его признак, дай ты его мне!
III, 35 Дай же ты мне *пути того признак:*
III, 35 Если возможно — переправлюсь морем,
III, 35a Если нельзя — *побегу пустыней».*

III, 36 Уршанаби ему вещает, *Гильгамешу*:
III, 37 «Сам, Гильгамеш, *себе путь* ты отрезал:
III, 38 Разбил амулеты, поймал *ты змéя* —
III, 39 Амулеты разбиты, змéя *не стало*.
III, 40 Боевой топор, Гильгамеш, подними-ка,
III, 41 Углубися в лес, *наруби* шестов ты, —
III, 41a *Сто двадцать шестов* по пятнадцати сажен, —
III, 42 Осмоли, сделай лопасти, *ко мне* принеси *их*».
III, 43 Гильгамеш, услышав *эти речи*,
III, 44 Боевой топор он поднял рукою,
III, 44a Вы*хватил из-за пояса меч свой*,
II, 45 Углубился в лес, *нарубил* шестов *он*, —
III, 45a *Сто двадцать шестов* по пятнадцати сажен, —
III, 46 Осмолил, сделал лопасти, *к нему* принес их.
III, 47 Гильгамеш и Уршанаби шагнули *в лодку*,
III, 48 Столкнули лодку на волны *и на ней поплыли*.
III, 49 Путь шести недель за три дня совершили,
III, 50 И вступил Уршанаби в воды *смерти*.
IV, 1 Уршанаби ему *вещает*, *Гильгамешу*:
IV, 2 «Отстранись, Гильгамеш, *и шест возьми ты*,
IV, 3 Воды смерти рукою не тронь, *берегися*!
IV, 4 Второй, третий и четвертый, Гильгамеш, возьми *ты*,
IV, 5 Пятый, шестой и седьмой, Гильгамеш, возьми *ты*,
IV, 6 Восьмой, девятый и десятый, Гильгамеш, возьми *ты*,
IV, 7 Одиннадцатый и двенадцатый, Гильгамеш, возьми *ты*».
IV, 8 На сто двадцатом кончились шес*ты* у Гильгамеша,
IV, 9 И развязал он *препоясанье* чресел,
IV, 10 Скинул одежду, *ее развернул он*,
IV, 11 Как парус, ее руками под*нял*.
IV, 12 Утнапишти издали их увид*ел*,
IV, 13 Своему он сердцу, помыслив, *вещает*.

IV, 14 Сам с собою *совет* он *держит*:
IV, 15 «Почему разбиты на ладье *амулеты*,
IV, 16 И плывет *на ней* не ее хозяин?
IV, 17 Тот, кто подходит, — не мой человек он,
IV, 17a И справа *гляжу я*, *и слева гляжу я*,
IV, 18 Я гляжу на него — и *узнать* не *могу я*,
IV, 19 Я гляжу на него — и *понять* не *могу я*,
IV, 20 Я гляжу на него — *и не ведаю, кто он*.
IV, 21 *Чего желает от* меня *его сердце*?»

(Далее недостает около 20 стихов).

IV, 42 *Утнапишти ему вещает, Гильгамешу*:
IV, 43 «*Почему твои щеки впали, голова поникла*,
IV, 44 *Печально сердце, лицо увяло*,
IV, 45 *Тоска в утробе твоей обитает*,
IV, 46 *Идущему дальним путем ты лицом подобен*,
IV, 47 *Жара и стужа чело опалили*,
IV, 48 *И марева ищешь, бежишь по степи*?
IV, 49 *Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти*:
IV, 50 «*Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть*,
V, 1 *Не быть сердцу печальным*, лицу *не увянуть*,
V, 2 *Тоске* в утробу мою *не проникнуть*,
V, 3 *Идущему дальним путем мне* не быть подобным,
V, 4 *Жаре и стуже не спалить* чело мне,
V, 5 *Не искать мне марева, не бежать* по степи?
V, 6 *Младший мой брат, гонитель онагров горных*, пантер пустыни,
V, 7 *Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров горных*, пантер пустыни,
V, 8 *С кем мы всё побеждали, подни*мались в горы,
V, 9 *Схвативши вместе*, быка убили,
V, 10 *Погубили Хумбабу, что* жил *в* лесу кедро́вом,
V, 11 *На перевалах горных* львов убивали,
V, 12 *Друг мой, которого так любил я*,
V, 12a *С которым мы* все труды *делили*,

V, 13 *Энкиду, друг мой, которого так любил я,*
V, 13a *С которым мы все* труды делили, —
V, 14? *Его постигла судьба человека*!
V, 14a? *Дни и ночи* над ним я плакал,
V, 15 *Не предавая его* могиле, —
— *Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос*?
— *Шесть дней миновало, семь ночей миновало,*
V, 16 *Пока в* его нос *не проникли черви.*
V, 17 *Умрашился я смерти, не найти мне жизни,*
— *Словно разбойник, брожу в пустыне*:
V, 18 *Мысль о герое не д*ает мне покоя —
V, 18a Дальней дорогой *бегу в пуст*ыне;
V, 19 *Мысль об Энкиду*, герое, не дает мне покоя —
V, 19 Дальним путем *скитаюсь в пустыне*!
V, 20 *Как же* смолчу я, как успокоюсь?
V, 21 *Друг мой* любимый стал землею,
V, 21a Энкиду, друг *мой любимый, стал землею*!
V, 22 Так же, как он, и *я* не лягу ль,
V, 22a Чтоб не встать во веки веков?»

(Далее недостает нескольких стихов?).

V, 23 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
V, 24 «Чтобы дойти до дальнего Утнапишти,
V, 24a Чтоб увидеть того, о ком ходит преданье,
V, 25 Я скитался долго, обошел все страны,
V, 26 Я взбирался на трудные горы,
V, 27 Через все моря я переправлялся,
V, 28 Сладким сном не утолял свои очи,
V, 29 Мучил себя непрерывным бденьем,
V, 29a Плоть свою я наполнил тоскою,
V, 30 Не дойдя до хозяйки богов сносил я одежду,
V, 31 Убивал я медведей, гиен, львов, барсов и тигров,
V, 31a Оленей и серн, скот и зверье степное,
V, 32 Ел их *мясо*, их шкурой ублажал *свое тело*;
V, 33 *При виде меня хозяйка* заперла двери,

V, 33a Смолой и киром обмазал шесты я,
V, 34 *Когда плыл на ладье*, не тронул воды я,
V, 35 [. . . .] . . . . . .[. . . . . .]»

*

V, 36 *Утнапишти* ему вещает, *Гильгамешу*:
V, 37 «*Ты*, Гильгамеш, *исполнен* тоскою,
V, 38 *Плоть* богов и людей *в твоем теле таится*:
V, 39 *Как отец* и мать тебя создали, *такова твоя доля*.

(Далее недостает 35 стихов).

VI, 25 Ярая смерть *не щадит человека*:
VI, 26 Разве навеки мы строим домы?
VI, 26a Разве навеки мы ставим печати?
VI, 27 Разве навеки делятся братья?
VI, 28 Разве навеки ненависть в *людях*?
VI, 29 Разве навеки река несет полые воды?
VI, 30 Стрекозой *навсегда ль обернется* личинка?
VI, 31 Взора, что вынес бы взоры Солнца,
VI, 32 С давних времен еще не бывало:
VI, 33 Спящий и мертвый друг с другом схожи —
VI, 34 Не смерти ли образ они являют?
VI, 35 Человек ли владыка? Когда близок он к *смерти*,
VI, 36 Анунна́ки сбираются, великие боги,
VI, 37 Ма́мет, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:
VI, 38 Они определили смерть и жизнь,
VI, 39 Смерти дня они ведать не дали».

*

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти...

*

Таблица X. «О всё видавшем» — история Гильгамеша.

Таблица XI

1 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
2 «Гляжу на тебя я, Утнапишти,
3 Не чуден ты ростом — таков, как и я, ты,
4 И сам ты не чуден — таков, как и я, ты.
5 Не страшно мне с тобою сразиться;
6 *Отды*хая, и ты на спину ложишься —
7 *Скажи*, как ты, выжив, в собранье богов был принят и жизнь обрел в нем?»

*

8 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
9 «Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
10 И тайну богов тебе расскажу я.
11 Шури́ппак, город, который ты знаешь,
12 Что лежит на бреге Евфрата, —
13 Этот город древен, близки к нему боги.
14 Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
15—16 *Совещал*ись отец их А́ну, Э́ллиль, герой, их советник,
17—18 Их гонец Нину́рта, их мираб Энну́ги.
19 Нини́гику-Эа с ними вместе клялся,
20 Но хижине он их слово поведал:
21 „Хижина, хижина! Стенка, стенка!
22 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
23 Шуриппакиец, сын Убар-Туту,

24 Снеси жилище, построй корабль,
25 Покинь изобилье, заботься о жизни,
26 Богатство презри, спасай свою душу!
27 На свой корабль *погр*узи всё живое.
28 Тот корабль, который ты построишь,
29 Очертаньем да будет четырехуголен,
30 Равны *да* будут ширина с длиною,
31 *Как* Океан, покрой его кровлей!“
32 Я понял и вещаю Эа, владыке:
33 „То слово, владыка, что ты мне молвил,
34 Почтить я должен, всё так и исполню.
35 Что ж ответить мне граду — народу и старцам?“
36 Эа уста открыл и молвит,
37 Мне, рабу своему, он вещает:
38 „А ты такую им речь промолви:
39 — Я знаю, Эллиль меня ненавидит, —
40 Не буду я больше жить в вашем граде,
41 От почвы Эллиля стопы отвращу я.
42 *Спущ*усь к Океану, к владыке Эа!
43 А над вами дождь прольет он обильно,
44 *Тайну* птиц *узнаете*, убежища рыбы,
45 *На земле будет всюду* богатая жатва,
46 Утром хлынет ливень, а ночью
47 Хлебный дождь вы узрите воочью“.

*

48 *Едва* занялось сияние утра,
49 *По зову мо*ему весь край собрался,
50 [. . . . . .] . . . . . [. . . . . .]
51 [. . . . . .] . . . . . [. . . . . .]
52 *Всех* мужей *я призвал на повинность* —
53 Дома́ *сноси*ли, *разрушали* ограду.
54 Ребенок смолу *таск*ает,
55 Сильный в *корзинах* *снаря*женье носит.

56 В пятеро суток заложил я кузов:
57 Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотою,
58 По сто двадцать локтей края его верха.
59 Заложил я обводы, чертеж начертил я:
60 Шесть в корабле положил я палуб,
61 На семь частей его разделивши ими,
62 Его дно разделил на девять отсеков,
63 Забил в него колки водяные,
64 Выбрал я руль, уложил снаряженье.
65 Три меры кира в печи расплавил,
66 Три меры смолы туда *налил я*,
67 Три меры носильщики натаскали елея:
68 Кроме меры елея, что пошла на промазку,
69 Две меры елея спрятал кормчий.
70 Для *жителей града* быков колол я,
71 Резал овец я ежедневно,
72 Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
73 Нар*од поил,* как водой речною,
74 И они пировали, как в день новогодний.
75 От*крыл я благовонья*, умастил свои руки.
76 Был готов корабль *в час* захода *Солнца.*
77 *Сдвигать его стали* — он был тяжелым,
78 Подпирали кольями сверху и снизу,
79 *Погрузился он в воду* на две трети.

*

80 Нагрузил его *всем, что имел я*,
81 Нагрузил его всем, что имел серебра я,
82 Нагрузил его всем, что и*мел* я злата,
83 *Нагрузил* его всем, что имел живой я твари,
84 Поднял *на* корабль всю семью и род мой,
85 Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
86 Время назначил мне Шамаш:
87 „Утром хлынет ливень, а ночью

87a Хлебный дождь ты узришь воочью, —
88 Войди на корабль, засмоли его двери".
89 Настало назначенное время:
90 Утром хлынул ливень, а ночью
90a Хлебный дождь я увидел воочью.
91 Я взглянул на лицо погоды —
92 Страшно глядеть на погоду было.
93 Я вошел на корабль, засмолил его двери —
94 За смоление судна корабельщику Пузур-Аму́рри
95 Чертог я отдал и его богатства.

*

96 Едва занялось сияние утра,
97 С основанья небес встала черная туча.
98 А́дду гремит в ее середине,
99 Шу́ллат и Ха́ниш идут перед нею,
100 Идут, гонцы, горой и равниной.
101 Э́рагаль вырывает мачты,
102 Идет Нину́рта, гать прорывает,
103 Подняли факелы Анунна́ки,
104 Чтоб их сияньем зажечь всю землю.
105 Из-за А́дду цепенеет небо,
106 *Что* было светлым, — во тьму обратилось,
107 *Вся* земля раскол*олась*, как *чаша*.
108 Первый день *бушует* Южный ветер,
109 Быстро налетел, *затопляя горы*,
110 Словно войною, *людей* настигая.
111 Не видит один другого,
112 И с небес не видать людей.
113 Боги потопа устрашились,
114 Поднялись, удалились на небо Ану,
115 Прижались, как псы, растянулись снаружи.
116 Иштар кричит, как в муках родов,
117 Госпожа богов, чей прекрасен голос:
118 „Пусть бы тот день обратился в глину,

119 Раз в совете богов я решила злое.
120 Ка́к в совете богов я решила злое,
121 На гибель людей моих войну объявила?
122 Для того ли рожаю я сама человеков,
123 Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!“
124 Ануннакийские боги с нею плачут,
125 Боги смирились, пребывают в плаче,
126 Тес*нятся друг к другу*, пересохли их губы.
127—128 Ходит ветер шесть дней, *семь* ночей,
128 Потопом буря покрывает землю.
129 При наступлении дня седьмого
129a Буря с потопом войну прекратили,
130 Те, что сражались подобно войску.
131 Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
135 Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
132 Я взглянул на море — тишь настала,
133 И всё человечество стало глиной!
134 Плоской, как крыша, сделалась равнина.
136 Я пал на колени, сел и плачу,
137 По лицу моему побежали слезы.
138 Стал высматривать берег в открытом море —
139 В двенадцати поприщах поднялся остров.
140 У горы Ни́цир корабль остановился.
141 Гора Ни́цир корабль удержала, не дает качаться.
142 Один день, два дня гора Ни́цир держит корабль, не дает качаться.
143 Три дня, четыре дня гора Ни́цир держит корабль, не дает качаться.
144 Пять и шесть гора Ни́цир держит корабль, не дает качаться.

*

145 При наступлении дня седьмого
146 Вынес голубя и отпустил я;

147 Отправившись, голубь назад вернулся:
148 Места не нашел, прилетел обратно.
149 Вынес ласточку и отпустил я;
150 Отправившись, ласточка назад вернулась:
151 Места не нашла, прилетела обратно.
152 Вынес ворона и отпустил я;
153 Ворон же, отправившись спад воды увидел,
154 Не вернулся; каркает, ест и гадит.
155 Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
156 На башне горы совершил воскуренье:
157 Семь и семь поставил курильниц,
158 В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
159 Боги почуяли запах,
160 Боги почуяли добрый запах,
161 Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
162 Как только прибыла богиня-матерь,
163 Подняла она большое ожерелье,
163a Что Ану изготовил ей на радость:
164 „О боги! У меня на шее лазурный камень —
164a Как его воистину я не забуду,
165 Так эти дни я воистину помню,
165a Во веки веков я их не забуду!
166 К жертве все боги пусть подходят,
167 Э́ллиль к этой жертве пусть не подходит,
168 Ибо он, не размыслив, потоп устроил,
169 И моих человеков обрек истребленью!“
170 Эллиль, как только туда он прибыл,
171 Увидев корабль, разъярился Эллиль,
172 Исполнился гневом на богов-Игигов:
173 „Какая это душа спаслася?
173a Ни один человек не должен был выжить!“
174 Нину́рта уста открыл и молвит,
174a Ему вещает, Эллилю, герою:
175 „Кто, как не Эа замыслы строит,
176 И Эа ведает всякое дело!“

177 Эа уста открыл и молвит,
177a Ему вещает, Эллилю, герою:
178 „Ты — герой, мудрец меж богами!
179 Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?
180 На согрешившего грех возложи ты,
180a На виноватого вину возложи ты, —
181 Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет *повержен*!«
182 Чем бы потоп тебе делать,
182a Лучше лев бы явился, людей поубавил!
183 Чем бы потоп тебе делать,
183a Лучше волк бы явился, людей поубавил!
184 Чем бы потоп тебе делать,
184a Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
185 Чем бы потоп тебе делать,
185a Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
186 Я ж не выдал тайны богов великих —
187 Многомудрому сон я послал, и тайну богов постиг он.
188 А теперь ему совет посоветуй!“
189 Поднялся Э́ллиль, взошел на корабль,
190 Взял меня за руку, вывел наружу,
191 На колени поставил жену мою рядом,
192 К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословил нас:
193 „Доселе Утнапишти был человеком,
194 Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
195 Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!“
196 Увели меня вдаль, при устье рек поселили.
197 Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
198 Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
199 Вот, шесть дней и семь ночей не поспи-ка!»
200 Только он сел, раскинув ноги, —
201 Сон дохнул на него, как мгла пустыни.
202 Утнапишти ей вещает, своей супруге:

203 «Посмотри на героя, что хочет жизни!
204 Сон дохнул на него, как мгла пустыни».
205 Супруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
206 «Прикоснись к нему, человек да проснется!
207 Тем же путем да вернется спокойно,
208 Через те же ворота да вернется в свою землю!»
209 Утнапишти ей вещает, своей супруге:
210 «Лжив человек! Тебя он обманет:
211 Вот, пеки ему хлеба, клади у изголовья,
212 И дни, что он спит, на стене помечай-ка».
213 Пекла она хлеба, клала у изголовья,
214 И дни, что он спит, на стене отмечала.
215 Первый хлеб его развалился,
216 Треснул второй, заплесневел третий,
216a Четвертый — его побелела корка,
217 Пятый был черствым, шестой был свежим,
218 Седьмой — в это время его он коснулся, и тот пробудился.

*

219 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
220 «Одолел меня сон на одно мгновенье —
221 Ты меня коснулся, пробудил сейчас же».
222 Утнапишти *ему вещ*ает, Гильгамешу:
223 «*Встань*, *Гильга*мош, хлеба́ сосчитай-ка,
224 *И дни*, *что ты спал*, тебе будут известны:
225 *Первый* твой хлеб *развалился*,
226 Треснул второй, заплесневел третий,
226a Четвертый — его побелела корка,
227 *Пятый* был черствым, шестой был свежим,
228 *Седьмой* — в это время ты пробудился».
229 *Гиль*гамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
230 «*Что ж* делать, Утнапишти, куда пойду я?
231 *Плотью* моей овладел Похититель,

232 *В* моих покоях смерть обитает,
233 И куда *взор я* не брошу, — смерть повсюду!»

*

234 Утнапишти *ему вещает*, корабельщику Уршанаби:
235 «Пусть *не ждет* тебя при*стань*, перевоз пусть забудет,
236 Берег моря покинь, тот берег, где ходишь!
237 Человек, которого привел ты, — рубище связало его тело,
238 Погубили шкуры красоту его членов.
239 Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
240 Пусть свое платье он добела моет,
241 Пусть сбросит шкуры — унесет их море.
241a Прекрасным пусть станет его тело,
242 Новой повязкой главу пусть повяжет,
243 Облаченье наденет, наготу прикроет.
244 Пока идти он в свой город будет,
245 Пока не дойдет по своей дороге,
246 Облаченье не сносится, всё будет новым!»
247 Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
248 Добела вымыл он свое платье,
249 Сбросил шкуры — унесло их море,
250 Прекрасным стало его тело,
251 Но*вой повязкой* главу повязал он,
252 Облаченье надел, наготу прикрыл он.
253 Пока и*дти он* *в свой город будет*,
254 Пока не дойдет по своей дороге.
255 *Облаченье не сносится*, *всё будет* новым.
256 Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
257 *Столкну*ли лодку *на волны* и на ней поплыли.

*

258 Супруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
259 «Гильгамеш ходил, уставал и трудился, —

260 Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?»
261 А Гильгамеш багор уже поднял,
262 Лодку *к* берегу он направил.
263 Утнапиштн ему *вещает*, Гильгамешу:
264 «Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился, —
265 Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься?
266 Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
267 И *тайну цветка* тебе расскажу *я*:
268 Этот цветок — как тёрн *на дне моря*,
269 Шипы его, как у розы, *твою руку уколют*.
270 Если этот цветок твоя рука достанет, —
270a *Будешь всегда ты молод*».
271 Когда Гильгамеш услышал это,
271a Открыл *он крышку колодца*,
272 Привязал *к ногам* тяжелые камни,
273 Утянули они его *в глубь* Океана.
274 Он схватил цветок, *уколов свою руку*;
275 *От ног* отрезал тяжелые камни,
276 Вынесло море его на *берег*.

*

277 Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
278 «Уршанаби, цветок тот — цветок знаменитый,
279 Ибо им человек достигает жизни.
280 Принесу его я в Урук огражденный,
280a Накормлю *народ мой*, цветок испытаю:
281 Если старый от него человек молодеет,
282 Я поем от него — возвратится моя юность».
283 Через двадцать поприщ отламывали ломтик,
284 Через тридцать поприщ на привал становились.
285 Увидал Гильгамеш водоем, чьи холодны воды,
286 Спустился в него, окунулся в воду.
287 Змея цветочный учуяла запах,
288 *Из норы* поднялась, цветок утащила,
289 Назад возвращаясь, сбросила кожу.

290 Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
291 По щекам его побежали слезы;
292 *Обращается* к кормчему Уршанаби:
293 «*Для* кого же, Уршанаби, трудились руки?
294 Для кого же кровью истекает сердце?
295 Себе самому не принес я блага,
296 Доставил благо льву земляному!
297 За двадцать поприщ теперь уж качает цветок пучина,
298 Открывая колодец, *потер*ял я орудья, —
299 Нечто нашел я, что мне знаменьем *стало*:
да отступлю я!
300 И на берегу я ладью оставил!»
300a Через двадцать *поприщ* отламывали ломтик,
301 Через тридцать поприщ на привал становились,
301a И прибыли они в Урук огражденный.

*

302 Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
303 Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам Урука,
304 Обозри основанье, кирпичи ощупай —
304a Его кирпичи не обожжены ли,
305 И заложены стены не семью ль мудрецами?
. . . . . .

*

Таблица XI. «О всё видавшем» — история Гильгамеша. Согласно древнему подлиннику списано и сверено.

ДОПОЛНЕНИЕ

Энкиду в преисподней

(Таблица XII)

«Если б сегодня барабан я в доме плотника оставил!
Плотника жену как родную мать *я стал почитать бы,*
Плотника дочь как младшую сестру *я стал почитать бы!*

Кто сегодня из Земли барабан мой достанет?
Кто барабанную палочку из преисподней достанет?»
Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш, почему ты плачешь, почему печально сердце?

Барабан твой я сегодня из Земли достану,
Барабанную палочку из преисподней достану!»
Гильгамеш ему вещает, Энкиду:
Если ты спустишься под Землю,
Моему наставленью ты следовать должен:
Чистой одеждой не облачайся:
Они узнают, что ты чужестранец.
Добрым елеем не умащайся из сосуда:
На его запах они к тебе соберутся.
Дротик на землю бросать ты не должен:
Окружат тебя те, что дротиком убиты.
Посох в руке носить ты не должен:
Привиденья тебя одолеют заклятьем.
Сандалии на ноги не надевай ты —
Шума в преисподней ты не должен делать.
Жену, что любил ты, целовать ты не должен,
Жену, что ненавидел, ударять ты не должен.

Дитя, что любил ты, целовать ты не должен,
Дитя, что ненавидел, ударять ты не должен:
Жалоба Земли тебя объемлет.
У спящей, у спящей матери Нина́зу, у спящей
Чистые плечи не покрыты одеждой,
Грудь, словно чаша, *ничем не одета*».
Совету господина не внял Энкиду,
Чистой одеждой он облачился —
Они узнали, что он чужестранец.
Добрым елеем умастился из сосуда —
На запах его они собрались.
Дротик на землю он бросил —
Окружили его те, что дротиком убиты.
Посох в руке носил он —
Привиденья его одолели заклятьем.
Сандалии на ноги надел он —
Шум в преисподней он делал ими.
Жену, что любил он, — целовал он,
Жену, что ненавидел, — ударял он,
Дитя, что любил он, — целовал он,
Дитя, что ненавидел, — ударял он:
Жалоба Земли его объяла.
У спящей, у спящей, у матери Нина́зу, у спящей
Чистые плечи не покрыты одеждой,
Грудь ее, словно чаша, *ничем* не одета.
Когда Энкиду из земли захотел подняться, —
На́мтар его не держит, демон его не держит,
Страж Не́ргала беспощадный его не держит — Земля его держит!
Там, где бьются мужи, он не пал — Земля его держит!
Тут идет сын Ни́нсун, об Энкиду, рабе своем, плачет.
К Экуру, храму Э́ллиля, он пошел одиноко:
«Отец Эллиль, сегодня барабан мой провалился под Землю,
Барабанная палочка провалилась под Землю!
Энкиду, что пошел их достать, Земля удержала!

Намтар его не держит, демон его не держит,
Страж Нергала беспощадный его не держит — Земля его держит!
Там, где бьются мужи, он не пал — Земля его держит!»
Отец Эллиль ему не ответил ни слова.
К храму Сина он пошел одиноко:
«Отец Син, сегодня барабан мой провалился под Землю,
Барабанная палочка провалилась под Землю,
Энкиду, что пошел их достать,— Земля удержала!
Намтар его не держит, демон его не держит,
Страж Нергала беспощадный его не держит — Земля его держит!
Там, где бьются мужи, он не пал— Земля его держит!»
Отец Син ему не ответил ни слова.
К храму Эа он пошел одиноко.
«Отец Эа, сегодня барабан мой провалился под Землю,
Барабанная палочка провалилась под Землю,
Энкиду, что пошел их достать, Земля удержала!
Намтар его не держит, демон его не держит,
Страж Нергала беспощадный его не держит — Земля его держит,
Там, где бьются мужи, он не пал — Земля его держит».
Как услышал Эа эти речи,
Нергалу, отважному мужу, промолвил он слово:
«Нергал, отважный муж, меня послушай:
Лишь открыл бы ты в Земле отверстье,
Дух Энкиду из Земли бы поднялся,
Брату своему закон Земли бы поведал!»
Нергал, отважный муж, его послушал,
Лишь открыл он в Земле отверстье,
Дух Энкиду из Земли, как ветер, вышел.
Обнялись они, уселись вместе,
Стали совещаться, беседовать стали:
«Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
Закон Земли, что ты видел, скажи мне!»

«Не скажу я, друг мой, не скажу я, друг мой,
Если б закон Земли, что я видел, сказал я —
Сидеть тебе и плакать!» — «Пусть сижу и плачу!»
«Друг мой, *тело мое*, которого ты касался, веселил свое сердце, —
Как старое платье, едят его черви!
Тело мое, которого ты касался, веселил свое сердце, —
Червь его пожирает, полно оно праха!»
Сказал Гильгамеш, поникнув на Землю,
Сказал царь Гильгамеш, поникнув на Землю:
«Того, кто сына родил, видал ты?» — «Видел,
Он в Земле утешен, хлеб он вкушает».
«Того, кто трех сыновей родил, видал ты?» — «Видел,
Он в Земле утешен, пьет он воду».
«Того, кто четырех сыновей родил, видал ты?» — «Видел,
Его *кормят и поят*, веселится его сердце».
«Того, кто пять сыновей родил, видал ты?» — «Видел,
Как у доброго *воина*, бока его наги,
Он в Земле утешен, во Дворец он входит».
«Того, кто шесть сыновей родил, видал ты?» — «Видел.
[. . . . . .]
[. . . . . .]
«*Того, кто семь сыновей родил, видал ты*?» — «*Видел*,
[. . . . . .]
[. . . . . .]».
«Того, кто [. . . . .], *видал ты*?» — «*Видел*,
Как значок богов, полный блага, прекрасный,
[. . . . . .]»

(Далее недостает 25 стихов).

«Того, кто мачтой убит, видал ты?» — «Видел,
Только спустится под Землю, вырывает колок он».
«Того, кто умер [. . . . . .], видал ты?» — «Видел,
На ложе ночи покоится, пьет он чистую воду».
«Того, кто в сраженье убит, видал ты?» — «Видел,

Отец и мать его утешают,
И жена его над ним *склонилась*».
«Чье тело брошено в степи, видал ты?» — «Видел,
Его дух в Земле не имеет покоя».
«Того, чей дух не чтим, видал ты?» — «Видел,
Из горшков объедки, хлебные крошки,
Что на улице брошены, ест он».

*

Таблица XII. «О всё видавшем» — история Гильгамеша. Согласно древнему подлиннику списано и сверено.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

Эпос о Гильгамеше — величайшее поэтическое произведение древневосточной литературы. Он представляет интерес для читателя нашего времени не только как высшее достижение художественно-философской мысли одной из первых цивилизаций мира и как древнейшая из известных нам крупных поэм (она старше «Илиады» более чем на тысячу лет). Особый интерес легенды о Гильгамеше заключается также и в том, что ее развитие можно проследить на протяжении длительного времени, так как до нас дошли записи эпических песен, посвященных этому герою, отстоящие друг от друга на полторы тысячи лет. Возможность изучить развитие эпического произведения на протяжении веков, разумеется, очень важна для теоретического исследования эпической поэзии вообще.

Песни о Гильгамеше записаны клинописью на глиняных «таблицах» на четырех древних языках Востока — шумерском, аккадском, хурритском и хеттском. Древнейшие тексты — шумерские, в художественном же отношении наиболее важна аккадская поэма о Гильгамеше.

Шумерские былины о Гильгамеше сложились, вероятно, еще в конце первой половины III тысячелетия до н. э., хотя дошедшие до нас записи лет на 800 моложе. К тому же времени относятся первые сохранившиеся записи аккадской поэмы о Гильгамеше, сложившейся, вероятно, в последней трети III тысячелетия до н. э. От II тысячелетия до н. э. из Палестины и Малой Азии дошли отрывки другой, «периферийной», версии аккадской поэмы, а также фрагменты ее хурритского и хеттского переводов. Наконец, от конца II тысячелетия, а также от VII и VI вв. до н. э. до нас дошел текст окончатель-

ной «ниневийской» версии поэмы, которая положена в основу настоящего перевода. Отголоски легенды о Гильгамеше доходят до нас и от более позднего времени — вплоть до раннего средневековья.[1] Таким образом, мы можем проследить жизнь легенды в художественном слове на протяжении почти двух тысячелетий и видеть как изменялся эпос в устах рапсодов различных поколений.

Необходимо сказать несколько слов о той среде, в которой зародилась сначала сама легенда, а затем и эпическая поэма о Гильгамеше.

Мир IV—III тысячелетий до н. э. — это мир конца каменного века и начала века металла. Вся огромная зона лесов Европы, Азии и Африки была заселена полудикими охотничьими племенами, и лишь в полосе сухих субтропиков, от Испании до Китая, посреди степей бродили племена овцеводов (еще не имевших ни коня, ни верблюда и потому не превратившихся в кочевников). Отдельными оазисами были расположены районы расселения примитивных земледельцев. Они жили в родовых селеньях, деревянными мотыгами возделывали поля, орошенные из запруженных ручьев, и собирали урожай полудикого ячменя, пшеницы и полбы с помощью деревянных или глиняных серпов с кремневыми зубьями; там, где естественные условия этому благоприятствовали, те же земледельцы впервые начали ковать медь, золото и серебро, а также бронзу из естественного сплава, выделывая шилья, кинжалы, мотыги, грубые украшения. Художественное чувство проявлялось в изготовлении глиняной посуды и тканей с причудливыми узорами, в геометрическом ритме которых, в стилизованном упрощении образов окружающего мира видны первые попытки обобщить накопленный человечеством опыт, внести систему в представления о наблюдаемой действительности. Пытаясь в простейших формах осмыслить некоторые, часто грозные, явления природы, они слагали предания и мифы о богах — владыках и владычицах зверей, о ежедневном воскресении солнца, о рождении и смерти луны, о ежегодной смерти и воскресении духов расти-

[1] В IX в. н. э. «Гелемгос» упоминался сирийским писателем Теодором бар Конаем.

тельности. Этот цикл легенд о смене жизни и смерти отразился и в мифе о совершившейся когда-то гибели мира после всемирного потопа или пожара, и о воскресении этого мира к нынешней жизни, на смену которой, быть может, придет новая всемирная гибель. Все эти мифы позже послужили материалом для художественного творчества народов эпохи рабовладения.

Среди оазисов, где поселились разобщенные племена древнейших земледельцев, выделялись два крупнейших, в которых развитие культуры продвинулось дальше, чем в других. Это был Египет — нижняя часть долины Нила, и Шумер — нижняя часть долины Евфрата, в современном Ираке.[2]

Оттесненные своими соседями в болотные низовья Евфрата, шумерские племена нашли здесь необыкновенно плодородную почву: даже при тех примитивных орудиях труда, какими располагали шумеры в начале III тысячелетия до н. э., с гектара снимали по 25 центнеров ячменя. Однако эта благодатная почва только тогда стала давать человеку верный и постоянный урожай, когда ему удалось обуздать стихию реки, ежегодно заливавшей низины. В некоторые годы — если половодье совпадало с ураганным ветром с Персидского залива, — вода разрушала ветхие тростниковые селения шумеров и надолго затопляла и заболочивала освоенные ими поля. Впоследствии шумерская традиция делила историю своей страны на два резко отделяющиеся друг от друга периода — мифическую древность «до потопа» и историческую эпоху «после потопа», иначе говоря, на время до создания в Шумере системы отводящих и оросительных каналов и бассейнов, и после него.

С рекой шумерам удалось в основном справиться к последней четверти IV тысячелетия до н. э. С этого времени начинается бурный рост богатства страны и развитие ее культуры. Земля теперь давала человеку больше продуктов, чем нужно было для прокормления того, кто трудился на ней. Появилась возможность содержать за счет общества известные его прослойки, которые могли специально посвятить себя делам войны и управления, религиозного культа,

[2] Более бурные и текущие в более высоких берегах воды реки Тигра были освоены несколько позже.

а также художественного ремесла. Разделение общества на трудящихся и на эксплуатирующих труд требовало насильственного принуждения большей части общества к работе и к уступке прибавочного продукта в пользу меньшинства. Начало создаваться государство с правящими чиновниками и со сборщиками налогов, с вооруженной силой, всегда находившейся в распоряжении правителей. Развивающееся стремление накапливать богатства способствует тому, что войны происходят всё чаще и становятся всё более кровавыми. Они ведутся и ради грабежа, и для присвоения соседских полей и каналов, и для того чтобы захватить женщин и заставить их работать как рабынь и рожать рабов для своих новых хозяев. Приходится возводить стены вокруг поселений, и военные вожди принуждают к этому жителей своих общин.

Огромную роль в обществе этого времени играют жречество и храмы. Считалось, что жрецы обеспечивают благополучие и плодородие общин как с помощью молитв, культовых действий, магических обрядов, — например священного брака с богиней плодородия, — так и с помощью рациональных средств — организации орошения, от которого зависел сбор урожая, а тем самым и вся жизнь общины.

В центре каждого обнесенного стенами поселения имелся огражденный участок, где помещался дом вождя, амбары, храмы и храмовая ступенчатая башня — искусственная гора «зиккурат», место обитания главного общинного божества, куда оно спускалось к людям из своего небесного жилища. Храмам принадлежали обширные земли, на которых работала едва ли не половина всего населения. Верховный жрец часто был и военным вождем-правителем. Из зависимых от него самого и от храма людей он создавал свои военные дружины. Главы знатных родов заседали в совете старейшин, призванном давать указания правителю, а свободные граждане, способные носить оружие, — члены патриархальных больших семей, или родов, — образовывали народное собрание. Правители обращались к народному собранию за подтверждением важнейших решений, которые обычно принимались криком *хэам*! — «да будет!», но могли быть и отвергнуты; однако граждане редко отваживались на противодействие могущественному и богатому правителю, который, держа

в своих руках и культ и храмовое хозяйство и опираясь на военную дружину, фактически мог делать, что хотел.

Именно такое общество рисует нам эпос. Быт этого общества во многом еще примитивен. Дома не только рядовых жителей городов, но и правителей — это грубо сложенные из сырцового кирпича или сбитые из глины постройки, а то и просто тростниковые хижины — *киккишу*; в такой хижине живет вождь города Шуриппака Утнапишти. Дома — без окон, свет в помещения проникает через дверные проемы, ведущие во внутренний двор; на этом дворе и на плоской крыше проходит вся жизнь обитателей дома. Деревянная дверь — ценность; когда покидают дом, ее уносят с собой. Грубая глиняная посуда самых различных форм и размеров служит и для варки пищи и для еды; в глиняных корчагах хранят мелкие вещи. Сидят на глиняном полу, но хозяин дома и почетные гости — на табуретках из связок тростника; спят на полу и на кровати, обычно единственной в доме. Едят ячменный чурек и ячменную кашу с кунжутным маслом, вяленую рыбу, финики, лук, чеснок, различные растительные приправы; свежая рыба (хотя ее много в реках и каналах) и баранина в пищу попадают редко: их трудно сохранять в жарком климате. Пьют сикеру (род крепкого пива), знатные люди пьют также привозное вино, но холодная вода, утоляющая жажду во время зноя, — самое желанное питье. Из шерсти ткут широкие полотнища одежды, которую носят и в виде препоясания, и в виде колоколовидной юбки — с нашитой на нее бахромой, — и в виде плащей; женщины носят еще и покрывала. Льняные одежды редки и дороги. Все ходят босые, лишь изредка привязывают кожаные подошвы — сандалии. Мыло еще не изобретено; когда нужно предстать на молитву или жертвоприношение перед богом, совершают омовение с мыльным корнем.

Орудия — медные, но и каменные не вышли еще из употребления; оружие — самое простое: медный кинжал, дротик или пика, каменная булава на палке, медный клевец — переделанная для драки мотыга. Шлем был изобретен в начале III тысячелетия, но панцирей еще не было. Их заменяют тяжелые плащи-накидки с медными бляхами. У легковооруженного воина щита не было совсем,

зато у него могла быть сеть — запутывать противника; только фаланга тяжеловооруженных воинов загораживалась тяжелыми прямоугольными щитами: их держали щитоносцы, а копьеносцы в промежутки между щитами кололи врага пиками. Знатный воин выезжал на колеснице: это двуколка на сплошных колесах, с сидением вроде седла для возничего и с приступкой сзади для копейщика, или же четырехколесная тележка; запряжена она ослами или дорогими мулами — приплодом от скрещивания с редкими полудикими конями (которых называли «горными ослами»); впереди колесницы — «рога», через перекладину между ними переброшены вожжи; здесь же прикреплены колчаны для дротиков. Лук и стрелы применялись больше на охоте, чем в бою.

Вокруг возделанных полей и рощ финиковых пальм, у подножья которых росла редкая сухая трава и кишели скорпионы и сколопендры, простирались сухие степи и болотистые тростниковые заросли, изобиловавшие дикими зверьми; во множестве водились львы, дикие ослы — онагры, антилопы, пантеры; но страшнее льва был свирепый дикий бык. Пастух был и охотником из-за необходимости постоянной войны со степным зверьем.

Жили патриархальными семьями; жены и дети были в полной власти главы семьи — их можно было даже продать. В распоряжении мужчин были многочисленные храмовые и внехрамовые проститутки. Акт размножения был священен — шумерам смутно казалось, что от него зависит не только плодородие семьи, но каким-то образом и общее плодородие страны; и вождь-правитель, олицетворявший общину перед лицом бога, гордился не только своим богатством, отвагой в бою и мудростью, но и своей мужской силой.

Работа грубыми орудиями под палящим зноем (работа, как необходимая для себя, так и принудительная), поборы жречества и правителя, антисанитарные условия существования в тесноте за глинобитными стенами города в глинобитных же домишках, частые губительные эпидемии — всё это делало жизнь людей невероятно тяжелой; еще более трудной делали жизнь постоянные страхи перед враждебными демонами и духами, от которых приходилось ограждаться амулетами, заклинаниями и колдовскими обрядами; каждый

поступок человека, каждое самое простое его действие сопровождалось заклинаниями и магией; каждый шаг был регламентирован жрецами. Ни одно важное предприятие не начиналось без запроса к оракулу и гадания по печени ягненка, по поведению птиц и насекомых, по небесным явлениям.

Грамота была уже известна — писали на глиняных плитках (так называемых «таблицах» или «таблетках») тростниковой палочкой, сначала рисуя значки, изображавшие разные предметы и явления, потом упростив эти рисунки до комбинаций клинообразных углублений на глине; значки этой «клинописи» лепятся один на другой на тесном пространстве маленькой глиняной плитки, так что даже умеющий читать должен всматриваться в каждый знак и вертеть в руках таблетку, чтобы тени становились отчетливее в углублениях знака. Были жреческие и светские писцовые школы для мальчиков, некоторых будущих жриц тоже обучали грамоте. Писцы должны были уметь написать хозяйственный документ, письмо, составить надпись. Но литература — предания, песни, молитвы, басни — еще долго была устной; только описание благочестивых и военных деяний царей и их молитвы с середины III тысячелетия записывались на каменных или глиняных плитках, кирпичах, конусах и цилиндрах, и лишь к концу этого тысячелетия стали записывать также религиозные, а потом и другие поэтические сочинения. Начиная со II тысячелетия в Вавилонии развивается богатая литературная и научная письменность.

В начале III тысячелетия до н. э. в Шумере наибольшее значение имели два города-государства — Урук на юге и Киш на севере. Оба являлись центрами военных союзов. Шумерская историческая традиция перечисляет царей-вождей этих двух городов, и среди вождей Урука упоминается Бильгамес, которого в позднейшее время называли Гильгамешем. Рассказывали, что он не покорился кишскому гегемону Акке, сыну Эн-Менбарагеси, обнес стеной обе составные части Урука — общины Куллаб и Эанну, и прославился многочисленными подвигами. Археологические раскопки подтвердили, что стены Урука были построены около того времени, когда должен был, по традиции, жить Бильгамес, и до нас дошла

подлинная надпись Мебарагеси, — очевидно, Эн-Менбарагеси, отца Акки.

В середине III тысячелетия до н. э., вскоре после I династии Урука, к которой принадлежал Бильгамес—Гильгамеш, в Шумере наступает длительная пора войн; военные вожди-правители, усилившись благодаря постепенному захвату храмовых хозяйств, стараются завоевать соседние общины, чтобы освободиться от опеки местного совета старейшин и создать большое государство. В этом их, по-видимому, нередко поддерживали широкие массы свободных, которые видели в силе правителя залог усмирения знати, возможность прекращения постоянных стычек с соседями и создания более рациональной системы орошения всей страны. Такое объединение удалось создать в XXIV в. до н. э. Саргону, по происхождению семиту, — из той семитской народности, которая впоследствии стала называться аккадцами по имени столицы, основанной Саргоном.

Семиты составляли издревле скотоводческое население Передней Азии. В долине Тигра и Евфрата, особенно к северу от основных центров Шумера, они давно сосуществовали с шумерским населением; в середине III тысячелетия они представляли важную часть также и оседлых жителей севера страны, где семитские и шумерские роды тесно перемешались друг с другом. Ни одно из государств Двуречья III тысячелетия не было чисто семитским, но семитский язык постепенно вытеснял древний язык шумеров, который в начале II тысячелетия окончательно вышел из живого употребления по всей стране, сохранившись только как мертвый язык религии и науки.

По преданию, Саргон Древний вышел из народа — был приемным сыном водоноса и садовником, потом слугой царя Киша. Так или иначе, при Саргоне и его преемниках многие незнатные люди получили возможность выдвинуться в войске и в администрации; постепенно родовая знать отходит на задний план, и создается знать бюрократическая из приближенных царя.

Примечательно, что для нового стиля в искусстве, сложившегося при Саргоне и просуществовавшего около двухсот лет, характерен интерес к человеческой, и в особенности к героической, личности; раньше изображения человека в скульптуре и в глиптике (всегда

только бога, героя, жреца или вождя) носили преднамеренно абстрактный, неподвижный характер, и им придавалось ровно столько человеческих черт, сколько было нужно, чтобы изображение могло быть отождествлено как человекоподобное; старались освободить образ от всего, что напоминало бы о живом и повседневном. Новое искусство, напротив, изображает героев в самый напряженный момент действия, в бытовой одежде, стремится найти средства портретного изображения. Всё это указывает на то, что в период владычества Саргонидов были прорваны какие-то политические и идеологические преграды, появились какие-то новые возможности для развития личности.

При Саргонидах купцы, торговые агенты храмов, которые уже и ранее совершали далекие путешествия в горы Ирана, Сирии и Малой Азии, основывали фактории, через которые доставлялся лес, камень и металлы, необходимые для развития хозяйства страны. Укрепило свое положение жречество, взявшее на себя новую функцию идеологического обоснования и прославления единой царской власти, выдвинулась прослойка чиновников-писцов, целиком зависящих от царя. Храмовые хозяйства были присвоены царями, а работники этих хозяйств постепенно стали низводиться до положения рабов.

Для обеспечения безопасности караванных путей, по которым снабжалось Двуречье, и накопления богатств Саргон и его преемники, — особенно внук его Нарам-Суэн, — совершали большие военные походы; воины из Двуречья впервые достигли горных кедровых лесов Сирии и серебряных рудников Малой Азии. Внутри страны преемники Саргона установили режим жесточайшего деспотизма, а многочисленные попытки противодействия подавлялись кровавыми расправами, жертвой которых пали десятки тысяч аккадцев и шумеров.

После столетия владычества горных племен, которые смели государство Саргонидов, цари города Ура восстановили в XXI в. до н. э. деспотическое государство и еще более усовершенствовали его систему. Было выработано учение о вечности и непрерывности царской власти, о предназначении людей быть рабами богов и царей, со-

здана система единого пантеона богов. Из изобразительного искусства тщательно было вытравлено всё живое; так, единственным содержанием рельефов и изображений на печатях стали стандартные сцены поклонения богам и прославления царей-жрецов.

После краха урского государства и, в особенности, насаждавшейся им системы гигантских рабовладельческих царских хозяйств, при царях старовавилонского периода (XX—XVII вв.) возникли некоторые возможности для развития частных хозяйств рабовладельцев. Это привело к подъему в развитии права и некоторых областей науки, но в политической области система царского деспотизма прочно укрепилась в Вавилонии (так по имени новой столицы — Вавилона — принято с этого периода называть Двуречье Тигра и Евфрата).

Развитие частных хозяйств привело к развитию товарных отношений и кредита, а это привело к расцвету ростовщичества, которое всё более разоряло земледельцев Вавилонии. К тому же нерациональное использование почвы и оросительных вод вело к засолению почвы и запустению ранее цветущих районов. Поэтому начиная с XVI в. до н. э. в истории Вавилона начинается период длительного и глубокого упадка.

Тем временем севернее, на Тигре, возвысилось другое аккадское государство — Ассирия. Выросшее на транзитной торговле товарами, необходимыми земледельческой Вавилонии, это государство, стремясь завладеть всеми караванными путями, постепенно создало военно-грабительское объединение всего Ближнего Востока. Языком Ассирии был диалект того же аккадского языка, который был распространен и в Вавилонии; ассирийцы не создали ничего значительного в собственной литературе, но тщательно переписывали и изучали памятники литературы Вавилонии. Именно ассирийские библиотеки VII в. сохранили нам бóльшую часть фрагментов величайшей аккадской эпопеи — эпоса о Гильгамеше.

Такова, в самых общих чертах, была та историческая обстановка, в которой создалась и развивалась эта эпическая поэма.

Для ее понимания необходимо не только общее знакомство с историей страны, но и некоторое представление о мировоззрении ее народа.

Само собой разумеется, в этой глубокой древности религиозные и магические верования не могли не пронизывать всего мышления шумеров и аккадцев. Перед лицом грозных природных явлений — палящего зноя, выжигающего всё живое, зимнего холода, разливов рек, бурь, — и прежде всего перед неизбежностью болезней и смерти, которую нельзя отвратить ни культовыми действиями, ни добродетельной жизнью, перед лицом не менее грозных общественных явлений — разорения, социальной несправедливости, войны — древний человек был бессилен, бессилен не только бороться, но и объяснить происходящее.

В представлении древнего жителя Двуречья мир населен был духами, добрыми и злыми, и могущественными божествами, управляющими всеми явлениями природы. Каждый род, община, город-государство имели своих богов-покровителей, иногда считавшихся предками; каждый человек имел своих духов-хранителей — *шêду* и *ламáссу* — и покровительствующих бога и богиню; но жизни его угрожали злобные демоны: инкуб — *лилý* и суккуба — *лилúт* и загадочная дева — *ардат лилú*, всяческие демоны болезни и смерти. Судьба человека была записана клинописью у богов в «таблице судеб»; в час смерти за ним приходила олицетворенная Судьба — бог Нáмтар, или *Эккêму* — Похититель, и человек был обречен на жалкое существование в вечной темноте города преисподней, где правят бог Нéргал (Эрагаль) и богиня Эрешкигаль вместе с советом богов земли — Ануннаков. При мысли о безрадостном посмертном существовании человек мог утешить себя только тем, что в зависимости от рода смерти он получит более или менее милостивый приговор от суда Ануннаков и сможет пользоваться едой и питьем от жертв, приносимых оставшимися на земле родичами и потомками — если будут у него потомки-жертвователи.

На небе — тоже свой город-государство с советом богов — Игигов. Главный из них — Э́ллиль, бог земли и воздуха, бог древнего шумерского племенного союза, чтившийся в Нúппуре, — царь богов и покровитель земных цáрей; но не менее важны Áну, бог небосвода, и мудрый и благосклонный к людям бог Э́а, божество подземных вод и мирового Океана. К сильнейшим богам принадлежат также Шáмаш,

всеведущий бог солнца, блюститель справедливости, вместе со своей подругой Айей открывающий людям будущее в гаданиях и предсказаниях оракулов; и синебородый бык — бог Луны Син; и своенравная богиня Йштар, богиня планеты Венеры, богиня плотского вожделения и раздора, богиня земного плодородия; и громовник Áдду, приводящий грозовые тучи и «воды Адду» — дождь; и воинственный сын Эллиля, Нинýрта, и бог чумы и болезней Э́ра.

В каждой общине чтили своего местного покровителя — бога или богиню — прежде всего как бога плодородия. Нередко о таком божестве рассказывалось, что он сходит в преисподнюю, умирает или исчезает, и потом снова возрождается к новой жизни вместе с хлебом. Своего бога, — особенно в ранний период, когда еще не была создана единая система пантеона, — чтили больше чужих, ставя его иногда наряду с самим Эллилем. Так, в Уруке главными божествами были Ану и его дочь Иштар, сходившая в преисподнюю и едва не задержанная там царицей Эрешкигаль, которой она отдала в виде выкупа своего возлюбленного Думузи (Таммуза). Впрочем, по другим мифам Иштар была не дочерью Ану, а его женой или же внучкой, дочерью бога Луны Сина.

Земля представлялась вавилонянам плоской, плавающей на поверхности пресноводной Великой Реки, или мирового Океана, из которого в колодцы просачиваются подпочвенные воды; где-то на краю земли, — не то по ту сторону Океана, не то по эту, — есть Плотина или Основание Небес, на котором покоится небосвод, — или, вернее, несколько небосводов, так как по каждому из них движутся особые светила — Син по своемý, Шамаш — по своемý, Иштар—Венера и другие планеты — по своим; выше всего небосвод неподвижных звезд — небо Ану.

На краю света — горы-близнецы, горы Мáшу с воротами, через которые проходит Солнце—Шамаш, совершая свой ежедневный путь. Судя по тому, что в ранних шумерских погребениях иногда находили лодочки, в этот период существовало поверье, что мертвые должны переправляться в город Эрешкигаль через Великую Реку или через воды смерти; тот же путь совершал, вероятно, и Шамаш—Солнце, проходя ночью путь через преисподнюю от заката до восхода, хотя

в более поздних текстах об этом не сохранилось воспоминаний и путь солнца представлялся уже как-то иначе.

Люди, по велению богов, были созданы богиней Ару́ру из глины, в которую была замешана кровь падшего бога, или же рождены богиней Мах, или Мамой (Маме́ту). По позднейшему жреческому учению, они были созданы специально с той целью, чтобы служить для богов рабами и кормить их своими жертвами.

Таков был тот фантастический мир, в котором, по представлениям вавилонян, развертывались события жизни героев, прославлявшихся эпическими песнями.

Шумерские представления были целиком восприняты аккадцами и лишь с небольшими изменениями вошли в верования вавилонского периода. От первоначальной религии бродячих семитских скотоводов почти не осталось следов. Мы излагали вавилонскую религию, пользуясь аккадскими именами богов, упоминаемыми в эпосе о Гильгамеше; у шумеров были те же боги, но они носили другие имена.[3] Когда же столицей страны стал город Вавилон, его городской бог Ма́рдук, сын Эа, был вознесен превыше всех остальных богов, и даже выше Эллиля.

Каков был тот материал, из которого слагались эпические песни? Прежде всего это были мифологические, сказочные мотивы. Сложение этих мотивов имеет свои закономерности: есть своя «мифологическая логика». Первобытный человек думает так же, как мы, нет особого «первобытного мышления», отличного от мышления цивилизованного человека. Но в распоряжении первобытного человека часто нет средств для оценки связей между явлениями, для того чтобы выделить существенную связь среди несущественных. Сходство, смежность явлений, причинность — всё это связи между явлениями, но они неравноценны; именно этого часто не может учесть мышление первобытного человека. Проверка истинности, в том числе и основания наших суждений о связи между явлениями, лежит

[3] Акк. Ану, Эллиль и Эа — шум Ан, Энлиль и Энки; акк. Шамаш — шум. Уту; акк. Син — шум. Зуэн или Нанна; акк. Иштар — шум. Иннин, с ней слились также богини Мах или Нинмах, или Нинхурсаг, — аналогичные богини других шумерских общин; акк. Адду или Адад — шум. Ишкур и т. д.

в опыте; но опыт первобытного человека однообразен и ограничен, он передается в одном и том же объеме по традиции от деда к внуку; накопление опыта идет бесконечно медленно, а ошибочные умозаключения закрепляются и освящаются традицией, тем более, что они по большей части воспринимаются на веру, даже непосредственно внушаются религией и потому нередко не подлежат никакой критике; да и самая идея критики не скоро приходит в голову. И там, где мы наблюдаем в те времена элемент критики, — это уже огромный подвиг человеческого духа.

Большинство мифологических мотивов представляет собой объяснение явлений природы и общества, — причем не всяких, а только тех, которые имеют прямое отношение к общественной практике человека. И большинство таких объяснений антропоморфно, потому что в своей практике первобытный человек наблюдает причинно-следственную связь преимущественно в своей деятельности и деятельности себе подобных; закономерные действия не отличимы для него от разумных действий, поэтому за каждым закономерным и влияющим на его жизнь явлением природы, полезным или вредным ему, он видит сознательное намерение разумного существа, управляющего этим явлением. Объясняя первобытные верования, мы часто называем эти фантастические существа духами, но первобытный человек — материалист, и эти воображаемые личности для него представляются материальными, подобно реальным людям и животным; даже те неуловимые образы, которые мы видим во сне, даже те «души мертвых», существование которых он признает после смерти живого человека, представляются материальными существами, нуждающимися в еде и питье и действующими так же, как живые люди.

Свет и тьма, день и ночь, — почему они сменяются? Потому, что существо, управляющее Солнцем, проходит ежедневно свой путь по небу, а потом движется в обратном направлении под землей. В землю мы хороним мертвых — значит, под землей страна мертвых; материальное существо в стране мертвых — мертвое существо; значит, бог Солнца, ежедневно уходя под землю и вставая из-под земли, умирает и воскресает; нельзя ли и человеку, умерев, воскреснуть?

Ежегодно растения умирают, подобно человеку, их зерно хоронят в земле, как в могиле, но весной оно воскресает из своей могилы и возрождается вновь. Значит, такова судьба существа, порождающего растительность, — отсюда бесчисленные мифы о юноше, убитом безжалостным оружием, разрезанном на части, погребенном, пережившем различные страшные приключения в стране мертвых, и вновь воскресшем, — его смерть оплакивают и радуются его воскресению.

Таинственный акт размножения порождает свои мифы, как и та таинственная и противоречивая пора страстей, которая предшествует ему и следует за ним; мать-земля нуждается в оплодотворении небом или подземными водами, чтобы произвести на свет свое потомство — хлеб; не так ли были сотворены ею и первые люди? Она рождает хлеб для человека, для общины, — следовательно, и оплодотворить ее должен вождь общины, и если он немощен, то можно ожидать неурожая, — и снова создаются мифы о древних предках общины, разделивших любовь богини плодородия.

Солнце затмилось, вода в источнике иссякла — это борьба сверхъестественного существа с чудовищем, со змеем, поглощающим солнце или стерегущим воду, — источник мифа и о героях-змееборцах.

Непонятны и неисповедимы пути зверей в степи и в лесу; от кого зависит добыча охотника? Великая мать, предок человечества, предок рода, становится хозяйкой зверей; благополучие охотничьей общины связано со зверем: если «он», или его хозяйка, либо хозяин благосклонны, то добыча будет; хозяин или хозяйка зверей заботится о людях, как отец или мать, и потому и представляется как предок рода. Но в то же время хозяйка зверей — опасное существо, она создает оборотней; если неосторожный охотник исчез — это хозяйка зверей превратила его в животное.

Круг мифологических мотивов, при всем разнообразии сказочных деталей, довольно ограничен. Все мифы тесно связаны с обществом, которое их породило, и варьируют в зависимости от конкретных условий хозяйства и конкретной истории общества. Миф о гибели людей от потопа примет более конкретные формы и займет в мифологии более важное место там, где катастрофические наводнения разрушают

хозяйство людей. Там, где земля орошается из каналов, бог Неба реже будет выступать в качестве супруга матери-земли. В земледельческом обществе особое развитие получат мифы об умирающем и воскресшем божестве растительности, а в охотничьем обществе умирать и воскресать будет солнечный герой или дух леса, и важное место в мифологии займут животные-предки и хозяйка зверей.

Мифы строятся в первобытном обществе не так, как это изложено нами выше — путем умозаключений, а по интуитивным ассоциациям, причем миф, родившийся в виде объяснения явления природы, потом живет еще столетиями в виде сказки даже тогда, когда породившие его условия изменились, а само объяснение мира заменилось уже более совершенным. Умирающий и воскресающий бог, или Солнце, проходящее преисподнюю, превращается в сказочного героя, вынужденного идти за золотыми яблоками за тридевять земель, его смерть заменяется походом в подземелье или сном в заколдованной пещере, и т. п. Где божество было зверем, там зверь делается спутником героя или побежденным им чудовищем.

Люди задумывались и над возникновением человеческого общества. Как рассказывает относительно поздний библейский миф, первоначально человек жил среди животных, не зная человеческих забот. Мудрость человеческого образа жизни была куплена ценой грехопадения: первая женщина соблазнила первого мужчину — со страстями он приобрел и мудрость, вкусив от плода древа познания добра и зла. Отголоски такого же мифа мы встречаем и в эпосе Гильгамеша.

О мифах и сказках древнего Шумера мы знаем главным образом по резным изображениям на цилиндрических печатях того времени, по терракотовым фигуркам, рельефам. В начале III тысячелетия до н. э. на печатях изображали божественного героя среди стад и цветов; или нагого героя—предка, защищающего газелей, на которых нападают львы или леопарды; или дикаря, соединяющегося с женщиной в любовной сцене; или героя, взлетающего на небо на орле; или героя, плывущего на лодке, — с ним какие-то магические предметы, — быть может, он переправляется через воды смерти или спасается от потопа; на рельефах нередко изображалась также бо-

гиня в пышной одежде, с лучами сиянья или пучками колосьев за плечами, — таков репертуар важнейших раннешумерских мифологических изображений, которые позволяют нам представить себе круг шумерских мифов.

Со времен аккадской династии, с XXIII вв. до н. э., в изобразительном искусстве получают отражение другие мифы — здесь мы видим нагую, торжествующую богиню; и бога Солнца в одежде царя, в рогатой шапке богов, выходящего из распахнутых дверей из-за гор-близнецов; и человекобыка с длинной бородой — подобие древнего божества Месяца;[4] и героя в борьбе с быком, или с человекобыком, или со львом.

Некоторые из мифов дошли до нас и в поэтической записи на шумерском языке — таков миф о хождении богини Иннин в преисподнюю, миф о мудреце Зиусудре, «нашедшем жизнь дней дальних», спасшемся в ковчеге, когда мир погиб от потопа.

Сказка была идеологическим оружием, которым пользовались для насаждения определенных идей. Так, уже в классовом Шумере возникает целая серия этиологических мифов — о происхождении земледелия и скотоводства, культурных изобретений, о возвышении тех или иных городов. Действующими лицами здесь оказываются боги, а люди играют пассивную роль. Этиологические мифы явились материалом для целого ряда шумерских эпических и дидактических поэм, записанных раньше других или, во всяком случае, записывавшихся чаще других.

Наряду с мифом и сказкой материалом для эпоса явились исторические легенды. Каждый город-государство имел свой круг легенд о любимых героях. В Кише рассказывали об основателе царства Этане, «летавшем на небо и обошедшем все страны»; о корчмарке Ку-Бау, которая стала царицей; в Эреду рассказывали о рыбаке Адапе, сломавшем крылья Южному Ветру и приглашенном быть гостем богов. Но лучше всего нам известен круг легенд города Урука —

---

[4] Месяц в южных широтах лежит на небосводе горизонтально, как лодочка или рога быка; поэтому божество Месяца часто связывали с образом дикого быка, а божество Солнца — с золотистым львом.

о мудром и могущественном правителе Эн-Меркаре, о змееборце Лугальбанде, обошедшем далекие страны, и особенно о Гильгамеше.

Как мы теперь знаем, Гильгамеш (или Бильгамес) был, по-видимому, исторической личностью — жрецом и военным вождем Урука, жившим около 2800—2700 г. до н. э. От начала II тысячелетия до н. э. до нас дошла шумерская таблетка, перечислявшая постройки и посвятительные надписи в храме Туммаль в Ниппуре. В ней упоминаются, между прочим, и постройки Гильгамеша и его сына Ур-Нунгаля. Однако Гильгамеш рано стал представляться божественным героем, и вокруг его имени сплелись многочисленные легенды.

В конце III тысячелетия до н. э. и позже Гильгамеш считался сыном героя Лугальбанды и богини Ни́нсун или богини Нинсун и духа «лилу́», жрецом пригорода Урука — Куллаба.

Имя Гильгамеша в форме «Бильгемес» или «Бильгамес» встречается в числе имен шумерских божеств уже с XXVII в. до н. э. Оно становится довольно частым в составе теофорных (включающих наименование божества) собственных имен в правление царя III династии Ура—Шульги, в XXI в. до н. э. В форме «Гиш», «Гишгиммаш», «Гильгамеш» имя Гильгамеша как героя было очень популярно во все эпохи вавилонской, хеттской и ассирийской истории. С этим именем, по-видимому, связался образ героя — борца со зверьми, спутником которого являлся герой полубык-получеловек — образ, известный по изображениям на эламских и шумерских печатях еще с конца IV—начала III тысячелетия до н. э. В позднейшее время Гильгамеш считался благодетельным божеством — защитником людей от демонов, справедливым судьей загробного мира. Изображения его помещались у входа в жилище для защиты от злых духов. В официальном культе он, однако, не играл почти никакой роли.

Некоторые из легенд о Гильгамеше дошли до нас от шумерского времени в виде эпических песен или былин.

Шумерские и аккадские эпические песни могут быть разделены на несколько типов. Оставляя в стороне эпосы космогонического содержания и посвященные мифам о богах, мы остановимся на тех из них, которые имеют отношение к созданию аккадской поэмы о Гильгамеше.

Один из типов эпоса — это историко-героический. Предметом его являются подвиги царей-полководцев; содержание их реалистично в том смысле, что фантастический элемент отсутствует совсем или очень мало вводится; можно предположить, что это — дружинный эпос, первоначально складывавшийся в непосредственном окружении самого полководца.

Примером такого шумерского эпоса является поэма о Гильгамеше и Акке, царе Киша. Содержание ее следующее.[5] Послы Акки, сына Эн-Менбарагеси, пришли из Киша к Гильгамешу в Урук. Гильгамеш обратился к старейшинам Урука с речью: «Чтобы сооружать колодцы... и черпальные ведра в стране, чтобы сооружать колодцы, чтобы изготовлять (для них) веревки, мы не должны склонять голову перед домом Киша, мы должны поразить его оружием». Старейшины Урука «в устроенном собрании» отвечают Гильгамешу: «Чтобы сооружать колодцы... и черпальные ведра в стране (и т. д.—повторяется тот же текст), мы должны склонить голову перед домом Киша, мы не должны поражать его оружием». Тогда Гильгамеш дословно повторяет свою речь перед народным собранием Урука, и народное собрание поддерживает его: «Те, что стоят, те, что сидят, те, что вознесены с царскими сынами, те, что ездят верхом (?) на ослах, те, в чьих руках жизнь (города), — не склоняйте голову перед домом Киша, пусть мы поразим его оружием! Урук — создание богов; Эанна — храм, спустившийся с небес; боги создали его части, его великая стена касается туч, его великое жилище создано богом Ану. Ты, (Гильгамеш), ты заботился о нем, вождь и герой. Как же ты боялся прихода (врага)? Его войско мало, позади будет рассеяно, его люди действуют необдуманно». Тогда Гильгамеш обращается к своему рабу Энкиду со словами: «Пусть мотыга (?) уступит место ярости боя, пусть боевое оружие вернется в твою руку» — и грозит

[5] Мы отказались от мысли привести шумерские песни о Гильгамеше в поэтическом переводе, так как шумерские литературные тексты до сих пор остаются во многом темными и неясными, толкование многих мест — слишком спорным, а сами законы шумерского стихосложения пока не нашли объяснения. Однако всюду, где это было возможно, наше переложение текста является почти дословным.

уничтожить врага и смутить его мудрость. «Не прошло пяти дней, не прошло десяти дней», как Акка осадил Урук. Город в смятении, и Гильгамеш, «жрец Куллаба», вызывает желающих из числа своих воинов пойти к Акке. Пойти решается некий Бирхуртур. Как только он вышел из ворот, он был захвачен в плен и приведен к Акке. В это время один из воинов Гильгамеша (названный по имени) перевесился через стену города, и Акка спросил Бирхуртура, не Гильгамеш ли это. Неясно, отрицал ли это Бирхуртур (текст очень темен), но вид воина Гильгамеша не произвел никакого впечатления на войско Киша — «причал кораблей не был обрублен, и Акка, военный вождь Киша, не сдержал свое воинственное сердце. Они его били, его ударяли, Бирхуртуру они плоть сокрушали». Но стоило появиться самому Гильгамешу, как Акка сдался и признал его главенство над собой. Песня кончается похвалой Гильгамешу.

Жанр историко-героической песни получил особенное развитие в эпоху Саргона и его преемников. Нам известен героический эпос о походе Саргона в Малую Азию через Сирию, к местам добычи кедра и серебра, известен эпос о его внуке Нарам-Суэне, известны поэмы, облеченные в форму якобы подлинных надписей этих царей. По мнению чешского исследователя Л. Матоуша, именно в это время в цикле преданий о Гильгамеше появляется легенда о его походе против чудовища Хувавы (или Хумбабы), хранителя кедрового леса, причем, по крайней мере в аккадской поэме, местопребывание Хувавы точно локализуется в горах Ливана. Тогда же, как полагает Л. Матоуш, в легенде о Гильгамеше начинает играть важную роль бог Солнца — шумерский Уту, аккадский Шамаш, пользовавшийся особым почитанием именно при Саргонидах.

Связанная с этим походом Гильгамеша шумерская поэма, условно называемая «Гильгамеш и Гора живых», ближе всего по своему духу к аккадскому эпосу.

Она начинается с того, что «Жрец к Горе живых [6] обратил свой замысел, жрец Гильгамеш к Горе живых обратил свой замысел, говорит рабу своему Энкиду: „Энкиду, . . . я хочу вступить в горы, я хочу

[6] «Гора живых» — место обитания чудовища Хувавы.

установить мое имя (славу); в тех местах, где превозносили имена, я хочу превознести мое имя, в тех местах, где не превозносили имен, я хочу превознести имена богов". Его раб Энкиду отвечает: „Мой господин, если ты хочешь вступить в горы, сообщи богу Солнца, сообщи богу Солнца, богу Солнца, герою: го́ры — в ведении бога Солнца, горы . . . кедра — в управлении бога Солнца, сообщи богу Солнца"». Гильгамеш приносит жертву и просит бога Солнца быть его союзником. Бог спрашивает — зачем? Гильгамеш отвечает следующей знаменательной речью: «Солнце, я хочу сказать тебе слово, — ухо твое (склони) к моему слову. . . В моем городе люди умирают, сердце печально! Люди умирают, на сердце тяжело! Я взглянул со стены, увидел трупы . . . плывущие (?) по реке; что́ до меня, то и со мной случится то же, поистине так. Самый высокий человек не может достичь неба, самый широкий человек не может покрыть землю. . . я хочу вступить в горы (кедра), я хочу установить мое имя (славу); в местах, где превозносили имена, я хочу превознести мое имя, в местах, где не превозносили имен, я хочу превознести имя богов». Бог Солнца соглашается помогать Гильгамешу и дает ему в помощь семь богатырей-чудовищ, а сам Гильгамеш выбирает себе дружину из пятидесяти холостых воинов, «граждан своего города». Далее следует чрезвычайно темное и непонятное описание событий похода к кедровому лесу. В конце концов герои рубят кедры и берут в плен Хуваву, хранителя кедров. Хувава молится своему создателю, богу Солнца, и просит Гильгамеша пощадить его: «Он заклинал Гильгамеша жизнью неба, жизнью земли, жизнью преисподней, взял его за руку . . . сердце Гильгамеша исполнилось жалостью . . . он говорит своему рабу Энкиду: „Энкиду, пойманная птица пусть идет на свое место, пойманный муж пусть вернется в объятия своей матери". Энкиду отвечает Гильгамешу: „Самого могучего, но не имеющего разумения, — Намтар (бог смерти) пожрет его, Намтар, что не ведает различий (?): если пойманная птица пойдет на свое место, если пойманный муж вернется в объятия своей матери, сам ты не вернешься в город матери, родившей тебя"».

Тогда Энкиду отрубает Хуваве голову, и герои приносят ее верховному богу Энлилю и его жене Нинлиль. Энлиль, поручивший

в свое время Хуваве хранить кедровый лес, проклинает Энкиду семью проклятиями; следует описание его болезни, смерти и погребения, весьма сходное, по-видимому, с VII песнью аккадского эпоса, хотя сохранившееся очень плохо. Поэма кончается похвальным гимном.

Поэма «Гильгамеш и Гора живых» — это песнь того типа, который можно назвать героико-мифологическим. В нем, однако, уже есть зачаток того философского раздумья, которое столь характерно для аккадской поэмы, — мысль о смертности человека и бессмертии славы.

Другими эпическими поэмами того же типа из цикла Гильгамеша являются «Гильгамеш и небесный бык» и «Гильгамеш и ива».

Поэма «Гильгамеш и небесный бык», несмотря на большие стилистические отличия, по содержанию очень близка к Таблице VI аккадского эпоса. Сюжет ее — любовь богини Иннин к Гильгамешу, посрамление ее Гильгамешем и битва Гильгамеша и его раба Энкиду с чудовищным небесным быком, которого богиня наслала на Урук. Мотив посрамления древней богини, владычицы зверей, характерен для времени перехода к патриархальному строю и сочетается здесь с мотивом битвы героя с чудовищем, выпившим реку.

Содержание поэмы «Гильгамеш и ива» следующее. «Когда небо отдалилось от земли, земля отделилась от неба, люди получили имя, когда Ану взял себе небо, Энлиль взял себе землю, Эрешкигаль отдали преисподнюю . . . тогда было некое дерево; этим деревом была ива, что была посажена на берегах чистого Евфрата; Евфрат поил ее своею водою, Южный Ветер стремительно вырывал ее коренья, ломал ее крону, Евфрат уносил ее на своих волнах».

Богиня Иннин (Иштар) нашла дерево и пересадила его в Урук с тем, чтобы впоследствии изготовить из него кресло и ложе. Но в дереве поселились чудовища — львиноголовый орел и лилит. Тогда Иннин обратилась за помощью к Гильгамешу, и он изгнал чудовищ, изготовил для Иннин кресло и ложе, а для себя — барабан и палочку. Этим барабаном он созывал жителей Урука на работу, но по молитве дев Урука барабан провалился в преисподнюю. Гильгамеш послал за ним в преисподнюю своего раба Энкиду, но тот нарушил необходимые для такого путешествия табу и остался в преиспод-

ней. После долгих просьб Гильгамеша боги разрешили духу Энкиду посетить Гильгамеша. Поэма оканчивается вопросами Гильгамеша о судьбе мертвых и ответами Энкиду.

Мы не знаем, когда были сочинены шумерские мифологические песни о Гильгамеше (они дошли до нас в записях начала II тысячелетия до н. э.), но во всяком случае они были сложены тогда, когда память о Гильгамеше как об историческом лице окончательно померкла. В то же время они поражают примитивизмом своего содержания, архаизмом формы. На фоне этих песен особенно ясно видно, каким огромным художественным достижением была аккадская поэма о Гильгамеше. Между тем по времени своего создания она не на много отстоит от своих шумерских прототипов.

Наиболее старые фрагменты списков аккадского эпоса о Гильгамеше относятся, по-видимому, к XVIII в. до н. э.; однако многочисленные описки и неточности, допущенные писцами, а также самый характер языка, несколько архаичного даже для того времени, заставляют думать, что поэма много старше. В ней (кроме, может быть, одного сомнительного случая) ни разу не упомянут бог Мардук, объявленный в XVIII в. до н. э. царем богов; но и бог Эллиль, занимавший до Мардука — особенно в период господства династии Ура — ведущее место в пантеоне, хотя и играет важнейшую роль, однако уступает в значении местному урукскому небесному богу Ану; поэтому мы склонны полагать, что поэма сочинена до XXI в., т. е. до установления при царях Ура единства пантеона. Но на юг Двуречья, где расположен Урук, аккадский язык стал распространяться только после Саргона, в XXIV—XXIII вв. до н. э. Поэтому мы полагаем, что создание аккадской поэмы нужно датировать периодом между XXIII и XXI вв. до н. э.

Имеется несколько попыток датировать поэму точнее. Один из ее наиболее основательных исследователей, А. Шотт, обратил внимание на популярность теофорных имен, составленных с именем Гильгамеша, в определенный период правления династии Ура. Носители этих имен должны были родиться при втором из царей этой династии, Шульги. А. Шотт отметил также явно отрицательное отношение автора поэмы к царскому деспотизму: поэма как бы полемически

заострена против теории божественности деспотической власти, насаждавшейся царями Ура. Всё это заставило А. Шотта полагать, что поэма создана при царе Шульги, т. е. в начале XXI в. до н. э. Однако популярность имени «Гильгамеш» в это время можно объяснить тем, что основатель династии Ура, Ур-Намму (отец Шульги), был родом из Урука и возводил свой род к Гильгамешу.

Другой исследователь поэмы, Ф. М. Т. де Лиагре Бёль, обратил внимание на исключительную роль, которую в поэме играет бог Солнца, Шамаш. Так как Шамаш почитался в двух центрах Двуречья, в Сиппаре на севере и в Ларсе на юге, и так как, по мнению лучшего знатока аккадского языка В. фон Зодена, язык поэмы ближе к южному, чем к северному говору, то Бёль предложил считать местом создания поэмы Ларсу, издревле связанную с родиной Гильгамеша, Уруком. Бёль полагает, что при Шульги определились «шумерские начала литературно-исторического процесса» сложения эпоса о Гильгамеше, и даже связывает возникновение этого процесса с моментом, когда Шульги, которого жрецы объявили богом, процарствовав свыше 40 лет, всё же умер, чем была как бы опровергнута божественность царской власти. После падения династии Ура «возникло новое, молодое население, другой язык, новый образ мышления».[7] Теперь-то, в XVIII в. до н. э., — при царе Ларсы Рим-Сине I, долговечном, как и Шульги, — и именно в среде жрецов, сторонников его врага Хаммураби, по мнению Бёля, сложился аккадский вариант эпоса.

С этой датировкой мы не можем согласиться по изложенным выше соображениям. Помимо того, каждый непредубежденный читатель поэмы должен прийти к заключению, что она не могла сложиться в жреческой среде. Отношение автора к богам и весь тон поэмы находится в самом резком противоречии со всей вавилонской официальной жреческой литературой, особенно с литературой послеурского периода, где люди рассматривались как покорные и безгласные рабы богов, созданные для того только, чтобы обслуживать их и приносить им пищу в виде жертвоприношений. Поэтому, с нашей

[7] F. M. Th. de Liagre Böhl. Het Gilgamesj epos. 3. vermeerderde druk, Amsterdam, 1958, стр. 117.

точки зрения, создание поэмы не может иметь никакого отношения к жреческим спекуляциям по поводу жизни и смерти царя-деспота Шульги. О царском достоинстве Гильгамеша в поэме почти и не упоминается, — во всяком случае, не это в ней главное, и вряд ли поэма, связанная с вопросом продления жизни обожествленного деспота, имела бы такую широкую и многовековую популярность.

Исследователи вавилонской литературы, пытаясь определить «мышление шумеров» или «мировоззрение вавилонян», обычно стараются найти какую-то единую его характеристику, не учитывая того, что в древнем Двуречье, так же точно как и в позднейшие времена, разные социальные группы — разного общественного и имущественного положения, различных устремлений и неодинакового воспитания — несомненно отличались по своим политическим и идеологическим взглядам. Достаточно сравнить ту же поэму о Гильгамеше с любым произведением жреческой поэзии, — с поэмами-надписями правителя Гудеи (XXII в. до н. э.) или с эпосами о богах.

Из аргументации Шотта и Бёля нам кажется правильным, во-первых, что в поэме действительно содержится протест против царского деспотизма и, во-вторых, что следует учитывать место, которое в ней уделяется богу Шамашу. Как отметил Л. Матоуш, особое значение культ Шамаша имел при аккадской династии, когда, между прочим, именно и развертывается впервые борьба за установление царского деспотизма в ущерб пережиткам военной демократии. При этом трудно себе представить, чтобы поэма о Гильгамеше, с ее драматизмом действия, человечностью внутренних характеристик героев, была бы современна иератическому искусству времени династии Ура и послеурского периода, с ее застывшими, стандартными сценами поклонения божествам. Напротив, искусство аккадского и послеаккадского периода, с его драматизмом боевых и мифологических сцен, с попытками портретной характеристики человеческого образа кажется порождением той же идеологической струи, что и наша поэма. Вершина аккадского искусства — время Нарам-Суэна, вторая половина XXIII в. до н. э. Кстати, именно Нарам-Суэн (до Шульги!) был первым из царей Двуречья обожествлен при жизни, и именно он наиболее энергично насаждал деспотические порядки,

внутренний протест против которых слышен в поэме. Наконец, характерно, что неопределенная «Гора живых» шумерского эпоса заменена в аккадской поэме конкретными горами Сирии — Ливаном и Гермоном; Сирия входила в состав территории, на которую распространялось политическое влияние династии Аккада; цари ее совершали туда походы; но ни цари Ура, ни цари Ларсы туда не добирались. По всем этим причинам нам кажется правильным датировать создание аккадской поэмы временем Нарам-Суэна или несколько позже — XXIII—XXII вв. до н. э. Пантеон поэмы, с нашей точки зрения, не оставляет сомнения в том, что она была написана в Уруке.

Одна из исследовательниц шумерского искусства, Г. Оффнер, обратила внимание на то, что изображения Гильгамеша в глиптике, очень популярные вплоть до династии Аккада, исчезают к тому времени, от которого до нас дошли списки поэмы. Это вполне понятно — резные печати изготовлялись в храмовых и царских мастерских, художники находились в полной зависимости от жречества, и поэтому в их искусстве со времени III династии Ура совершенно исчезают все сюжеты, кроме чисто культовых. Иное дело художественное слово — поэма о Гильгамеше, видоизменяясь в течение веков от поколения к поколению, продолжала жить в устах рапсодов и пережила падение многих царств и официальных идеологий.

До нас дошло три версии поэмы на аккадском языке. Наиболее старая из них («старовавилонская») называлась, по первому стиху, «Велик он более [всех человеков]»; она представлена шестью дошедшими до нас отрывками списков XVIII—XVII вв. до н. э.: 1) «Пеннсильванская таблица», соответствующая I—II песням позднейшей версии, изданная впервые С. Лэнгдоном; 2) «Иэльская таблица», соответствующая II—III песням позднейшей версии и относящаяся, по-видимому, к тому же списку; издана Ястровом и Клэем; 3) первый фрагмент из Телль-Хармаля, изданный ван Дейком; соответствует IV песне позднейшей версии; 4) второй, еще неизданный фрагмент из Телль-Хармаля; 5) «Таблица Бауэра», соответствует V песне; 6) «Таблица Мейснера», соответствует X (и, возможно, частично VIII) песне позднейшей версии.

Нет двух старовавилонских фрагментов, относящихся к одному и тому же месту поэмы, поэтому мы не можем быть уверены, что все они действительно относятся к одной и той же версии, а не к двум или более одновременным. Всё же следует отметить, что стилистически и в языковом отношении они очень близки между собой. К сожалению, все они написаны очень беглым, неразборчивым почерком, трудны по языку; лишь от «Пеннсильванской таблицы» сохранилось четыре пятых текста, все остальные таблички в очень плохой сохранности.

Текст, параллельный сохранившимся стихам позднейшей версии, лишь частично дают «Пеннсильванская» и «Иэльская» таблицы и «Таблица Мейснера», в остальных случаях в позднейшей версии на соответствующих местах — лакуны.

Вторую версию поэмы можно назвать «периферийной»; она представлена небольшим фрагментом, найденным в столице Хеттского царства (ныне городище Богазкёй), — этот фрагмент соответствует VI—VII песням позднейшей версии, но содержание их изложено гораздо короче; второй фрагмент найден в Палестине, в древнем городе Мегиддо; он соответствует VII песне. Оба относятся к XV—XIV вв. до н. э.

К «периферийной» версии можно отнести также хеттский и хурритский переводы поэмы, от которых сохранились небольшие фрагменты, соответствующие I, V и X песням; они также относятся к XIV в. до н. э.

В основу настоящего издания положена третья версия, называемая условно «ниневийской», — по месту первой находки, — иначе «ассирийской». К ней относятся четыре группы списков.

1. Фрагменты из г. Ашшура XIII—XII в. до н. э.; они дают вместе довольно хороший текст VI песни.

2. Более ста фрагментов, относящихся чуть ли не к десятку списков, хранившихся в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала в Ниневии (VII в. до н. э.); до нас дошли фрагменты всех песен, а песни I, VI, XI и XII сохранились целиком, лишь с небольшими повреждениями. Восемь фрагментов еще не опубликовано.

3. Ученическая копия, сделанная под диктовку, найденная на городище Султан-Тепе в Северной Месопотамии (VII в. до н. э.) — фрагменты VII и VIII песен.

4. Небольшие фрагменты VI в. (?) до н. э., найденные в Уруке.

Разночтения всех фрагментов этой группы очень незначительны.

Наиболее отлична от других «периферийная» версия; она значительно короче, в ней были, по-видимому, опущены некоторые эпизоды, имевшие специфически вавилонское значение (все события, предшествовавшие появлению Энкиду в Уруке, разговоры со старейшинами и т. п.) или неприемлемые с религиозной точки зрения (посрамление богини Иштар). Даже те эпизоды, которые имеются и в «периферийной», и в собственно вавилонских версиях, в первой из них изложены другими словами. Это полная переработка старовавилонской версии, — в сущности, другая поэма на ту же тему.

Старовавилонская и «ниневийская» версии гораздо ближе между собой. Разночтения здесь сводятся: 1) к замене некоторых слов (главным образом архаических) синонимами; 2) к сокращению или расширению текста; расширение идет отчасти за счет умножения эпических формул или повторов (некоторые из этих эпических формул встречаются не только в эпосе о Гильгамеше, но и в других поэмах, откуда они, вероятно, в отдельных случаях, и были заимствованы; в других случаях возможны обратные заимствования); 3) к перестановкам отдельных менее важных эпизодов или отрывков; 4) к интерполяциям. В очень многих случаях (из тех, о которых мы, по состоянию сохранности оригиналов, можем судить) текст практически совпадает в старовавилонской и «ниневийской» версиях. Очевидно, «ниневийская» версия — это позднейшая частичная переработка старовавилонской; последняя была положена в основу этого нового варианта.

Нововведением «ниневийской» версии является вступление к поэме (а также, вероятно, и заключение); вследствие этого поэма получила теперь название по первому стиху вступления — «О всё видавшем».

Судя по языку и по урукскому патриотизму, еще более усиленному в «ниневийской» версии, это (несмотря на место находки) — вавилонская, а не ассирийская поэма.

Самая поздняя часть поэмы, XII песня, представляет дословный перевод части древней шумерской песни «Гильгамеш и ива», механически присоединенный к тексту «ниневийской» версии эпоса (уже после заключения, каковым первоначально, очевидно, была в этой версии концовка XI песни).

Древний материал мифов и легенд в аккадской поэме был использован по-новому.

С точки зрения мифологии содержание поэмы разъяснялось в ряде исследований. Не представляет, по-видимому, сомнения, что образы Гильгамеша и Энкиду (в фольклоре называвшихся часто «родными братьями» или «близнецами») — это образы солнечного и лунного божеств, принявших также черты духов плодородия. На характер героев как божеств Солнца и Луны указывает связь в изобразительном искусстве Гильгамеша со львом, а Энкиду — с быком (бык — лунное животное в шумерской мифологии), смертность Энкиду и бессмертие (не в поэме, но в мифе) Гильгамеша и т. д. Характерно, что Гильгамеш постоянно связан с богом Солнца — Шамашем. Путешествие Гильгамеша за вечной жизнью — это подземное путешествие Солнца (в образе мертвеца Гильгамеш проходит ворота заката Солнца, идет через темное подземелье, переправляется через воды смерти, — ср. лодочки, которые клали в ранние шумерские погребения). Все время подчеркивается, что этим путем ходил один только Шамаш. Если Шамаш — судья небес и земли, то Гильгамеш в мифе — судья преисподней.

Не представляют ничего оригинального и другие встречающиеся в поэме мотивы — сотворение человека из глины, невинность первобытного человека, пребывающего совместно со зверьми в степи, грехопадение, потоп, битва с чудовищем, хранящим древо жизни,[8] коварная богиня любви, обращающая своих любовников в зверей, — общеизвестная «владычица зверей», Кирка греческой мифологии, — и т. д.

---

[8] Мифологические мотивы эпизодов с Хумбабой и с Небесным быком подробно освещены В. В. Струве в статье «Иштарь—Исольда в древневосточной литературе» (сб. «Тристан и Исольда». Л., 1932).

Однако существенно важно, что во времена сложения поэмы указанные мифы уже были лишены того значения, которое они имели с точки зрения первобытных верований. Гильгамеш для вавилонянина и даже для шумера вовсе не был солнечным божеством. С Солнцем у них были связаны уже совсем иные представления, в частности отсутствовало и представление о прохождении Солнца через преисподнюю от заката до восхода. Верование о переправе через реку смерти на пути к преисподней тоже исчезло в Шумере, по крайней мере с середины III тысячелетия до н. э.; Гильгамеш поэмы представлялся теперь древним царем, могущественным и благодетельным и по смерти героем, но в ней он — не божество.[9]

В то же время, если поэма о Гильгамеше — не изложение солнечного мифа, то, как мы увидим, она и не просто песня о деяниях чтимого героя старины.

Для того чтобы установить характер использования мифологических мотивов в поэме как литературном произведении, следует прежде всего попытаться установить, какие части поэмы являются ее органическими составными частями и какие — интерполяциями.

К заведомым интерполяциям можно отнести только вступление и повторяющие его строки заключения (поскольку вступление отсутствовало в старовавилонской версии) и пространную историю потопа, отличающуюся от основного текста как стилистически, так и по составу пантеона. История потопа, как ее рассказывает Утнапишти в Таблице XI «ниневийской» версии, — несомненно, первоначально была отдельной поэмой, существовавшей самостоятельно; хотя и в первоначальной версии должен был иметь место разговор Гильгамеша с Утнапишти и рассказ последнего, но весь эпизод был, вероятно, короче.

Предполагалось выделить в составе поэмы о Гильгамеше следующие четыре первоначально самостоятельные песни.

1. «Энкидиада» — повесть о герое-дикаре и его обращении к культуре.

[9] Культ Гильгамеша, однако, засвидетельствован, но как весьма второстепенный. Как божества Гильгамеш и Энкиду были главным образом божествами плодородия.

2. Поход против Хумбабы (Хувавы).

3. Эпизод с Иштар (шумерской Иннин) и битва с быком.

4. Путешествие Гильгамеша в поисках бессмертия.

Мы действительно знаем теперь шумерские прототипы песен о походе против Хумбабы и о битве с быком. Однако ни ту, ни другую нельзя просто изъять из состава эпоса: когда они не входили в поэму, не было и самой поэмы. Мифологически более поздний характер содержания эпизода с Иштар (дискредитация великого женского божества времени матриархата) не означает, что этот эпизод — поздний в составе эпоса; торжество патриархата в Месопотамии намного предшествует написанию не только аккадской поэмы, но и шумерских эпических песен.

Но становление аккадской поэмы нельзя рассматривать и как механическое соединение четырех самостоятельных эпических песен. Эти четыре части находятся в глубоко продуманной композиционной и идейной связи, спаяны единым авторским замыслом. Это станет особенно ясно при сравнении отдельных эпизодов с их шумерскими прототипами. Анализ использования этих более древних эпических песен для большой аккадской эпической поэмы весьма любопытен.

Уже упоминалось, что пока известны четыре самостоятельные шумерские «былины» о Гильгамеше; попытаемся сравнить их с соответствующими эпизодами аккадской поэмы.

1-я шумерская песня («Гильгамеш и Акка»)	Аккадская поэма
Город Урук подчинен Акке, правителю Киша. Гильгамеш, правитель Урука, поддержанный своим рабом Энкиду и народным собранием Урука против мнения совета старейшин, отлагается от Акки. Борьба завершается победой Гильгамеша.	Этот эпизод не использован, как не имеющий отношения к идее поэмы, посвященной общим вопросам человеческой судьбы.
2-я шумерская песня («Гильгамеш и Гора живых»)	
Гильгамеш, угнетенный мыслью о смертности человека, отправляется в поход против чудовища Хувавы, обитающего в кед-	Этот эпизод имеется (III—V таблицы), но из него исключены все второстепенные пер-

ровом лесу, для того чтобы добыть «вечное имя». В походе участвует доверенный раб Гильгамеша — Энкиду, дружина, семь богатырей и т. д.

За противный воле богов совет убить Хуваву Энкиду проклят и должен умереть. Песня кончается сентенциями Гильгамеша о тщете человеческой жизни, добра и зла и т. п.

сонажи (дружина, богатыри). Философская идея песни значительно более развита. Энкиду не раб, а любимый друг Гильгамеша.

3-я шумерская песня («Гильгамеш и небесный бык»)

Очень близка по содержанию (но не по форме) VI песне аккадского эпоса, однако некоторые черты более примитивны, например Иннин (Иштар) запугивает богов угрозой истребить их, чтобы добиться от них создания быка, и т. п.

Этот эпизод использован (Таблица VI), хотя и с изменениями. Он составляет композиционный центр всей поэмы, ибо здесь решается судьба героев и определяется дальнейшее развитие произведения.

4-я шумерская песня («Гильгамеш и ива»)

Богиня Иннин находит дерево, из которого она желает изготовить кресло и ложе, и для этой цели пересаживает его. Однако в дереве поселяются чудовища. Гильгамеш изгоняет чудовищ, изготовляет для Иннин кресло и ложе, за что получает магический барабан, который затем проваливается в преисподнюю.

Эта часть песни не вошла в поэму, как явно не вяжущаяся с общим ее содержанием.

Слуга Гильгамеша Энкиду решает спуститься за барабаном в преисподнюю, но при этом он должен выполнить ряд магических действий, чтобы отрешиться от страстей, свойственных живому человеку. Нарушив эти магические запреты, он не может выйти обратно. После обращения Гильгамеша к разным богам, благодаря заступничеству бога Энки (Эа), ему удается вызвать дух Энкиду; этот дух рассказывает о безра-

Эта часть шумерской песни в дословном переводе составляет Таблицу XII «ниневийской» версии, где она является позднейшим добавлением. Хотя мотивировка смерти Энкиду не вяжется с остальным содержанием поэмы, однако в общем Таблица XII имеет целью под-

достной судьбе мертвых, которую может скрасить только исполнение обрядов заупокойного культа.

черкнуть важнейшую для всей поэмы мысль о неизбежности смерти. Это, очевидно, и позволило интерполировать аккадский перевод этой шумерской нравоучительной песни в аккадский эпос.

Помимо материала героического эпоса, автор аккадской поэмы (или редактор «ниневийской» версии) пользовался и мифологическим эпосом — дважды дословно повторяется текст из поэмы «Хождение Иштар в преисподнюю», — и дидактической литературой, к которой, по-видимому, восходит речь героя потопа, Утнапишти, в X песне.

Из приведенного выше сопоставления шумерских песен о Гильгамеше с аккадским эпосом видно, что отбор материала автором аккадской поэмы производился сознательно, причем он руководствовался соображениями не только формально-литературного порядка (исключение композиционно лишних эпизодов и персонажей), но и литературно-философского (исключение всего, что противоречит общей идее человеческой судьбы, доминирующей в поэме).[10]

Если мы внимательно рассмотрим мифологический состав аккадской поэмы, то убедимся, что он представляет беспорядочное нагромождение мифологических мотивов, не имеющих друг к другу никакого отношения, часто без конца и без начала.

---

[10] Каталог библиотеки Ашшурбанапала сообщает, что поэма о Гильгамеше была записана «из уст Синли́киунни́нни, заклинателя». Имя это очень редкое, по своему типу не старше середины II тысячелетия до н. э. Вплоть до второй половины I тысячелетия н. э. некий Синликиуннинни считался предком одного из видных семейств в Уруке. Конечно, этот Синликиуннинни не может быть автором поэмы,— он был в лучшем случае обработавшим ее сказителем, например, составителем «рамки» — вступления и заключения, для которых характерен ярко выраженный урукский патриотизм, или автором-редактором последней, «ниневийской», версии эпоса. Что касается таблицы XII, то она была, как полагают некоторые исследователи, прибавлена к поэме неким ассирийским жрецом конца VIII в. до н. э. по имени Набу́зукупке́ну, известным переписчиком и собирателем литературных и религиозных текстов.

Будь то поэма, будь то сказка, будь то любое поэтическое или вообще литературное изложение мифа, — они непременно должны быть подчинены внутренней логике мифа, поскольку миф является не чем иным, как выражением первобытного понимания того или иного явления объективной действительности — природы или общества. Если, например, сказка (или поэма) излагает просто солнечный миф, мифологическую «биографию» Солнца, его странствования по подземному миру от заката до восхода, то она должна окончиться восходом, «воскресением» Солнца, обретением солнечным героем жизни. Ни одна сказка не оканчивается поражением героя. Между тем поэма о Гильгамеше оканчивается именно таким образом; следовательно, здесь мифологический материал подчинен иным, литературно-философским целям — нечего говорить, что создание человека, его грехопадение, превращение героев в зверей богиней и тому подобные мифологические мотивы по своему происхождению не имеют отношения к солнечному мифу.

Но если с точки зрения мифологии поэма о Гильгамеше представляет собрание разрозненных, не связанных между собой мифологических мотивов, то с литературной точки зрения она поражает стройностью композиции, подчиненной единой идее.

Не случайно поэма начинается с истории Энкиду. «Энкидиада» — вовсе не лишнее звено в поэме. Образ Энкиду, друга и побратима героя поэмы, нужен автору с двух точек зрения:

1) Судьба Энкиду — судьба всего человечества. Подобно всему человечеству он сотворен из глины, он пережил (обязательные для человечества, с точки зрения людей древнего Востока) периоды развития: невинную жизнь со зверьми, грехопадение, пастушескую жизнь, «городскую цивилизацию»; Энкиду — не только человек, он — типичный человек.

2) Судьба Энкиду — типичная судьба индивидуального человека. Подобно всякому человеку, Энкиду знал любовь женщины и дружбу с товарищем, совершал дела, подобающие мужу, и был побежден неизбежной смертью.

Именно вследствие такой трактовки образа Энкиду восклицание Гильгамеша: «Не умру ли и я, как Энкиду? . . . Разве когда-нибудь

мертвый увидит сияние солнца?» — воспринимается не как выражение индивидуального переживания героя, а приобретает трагическое общечеловеческое значение, которое и делает поэму выдающимся произведением мысли. Слушатель уже готов к такому восприятию смерти Энкиду — для него, как и для Гильгамеша, судьба Энкиду — судьба всего человечества.

Вся первая часть поэмы, вплоть до кульминационного пункта, — битвы героев с небесным быком, которого наслала на Урук разгневанная богиня Иштар, чью любовь отверг Гильгамеш, — очень искусно подводит к этой критической точке; даже эпизод с предсмертным видением Энкиду, подчеркивающий общий и неизбежный удел всех людей, введен как нельзя более кстати.

Весьма любопытно трактован и образ Гильгамеша. Прежде всего, в отличие от обычных сказочных персонажей, он имеет некоторое внутреннее развитие. Юный Гильгамеш в Таблице I, не знающий, куда девать свои силы и угнетающий свой народ, — не тот Гильгамеш, который в Таблице III, когда герои намерены «все зло, мерзкое Шамашу, уничтожить в мире», говорит Энкиду о неизбежности смерти и о бессмертии славы, или который утешает друга и плачет о нем в Таблицах VII и VIII. Образ героя претерпевает дальнейшее изменение, когда он, полный философского отчаяния, бежит в пустыню (Таблица IX). Всего этого, конечно, нет в шумерских прототипах поэмы.

Отметим две черты, характерные для аккадского эпоса о Гильгамеше. Во-первых, грубовато-примитивное, чисто народное отношение к богам. Автор поэмы не боится представить могущественную богиню Иштар в смешном виде; к Лугальбанде, своему родовому богу, Гильгамеш относится с пиететом, но следует помнить, что Лугальбанда — предок героя (по некоторым вариантам мифа — даже отец). Уважительно относится герой к доброму и справедливому, но, увы, не всемогущему, богу Солнца Шамашу; однако это не мешает ему вступать с ним в спор; да и к другим богам отношение героев не слишком уж почтительное. Ничего подобного мы не встретим во всей обширной вавилонской религиозной литературе. Отсутствие чувства приниженности человека перед богами — характер-

ная черта поэмы. Образ Гильгамеша очень мало походит на образ человека, единственная функция которого кормить богов своими жертвами, как это проповедуется вавилонскими официальными культовыми поэмами (однако отзвук такой точки зрения на человека ясно слышен во вставной песне о потопе).

Во-вторых, то обстоятельство, что Гильгамеш — царь, совершенно не привлекает внимания автора поэмы. Человеческие, а не царские или божественные черты Гильгамеша играют в поэме главную роль, хотя про ее героя и говорится, что он «на две трети — бог, на одну — человек». Царствует он только над «краем Урука», — не над «Шумером и Аккадом», и не над «вселенной» или «четырьмя странами света», как провозглашали относительно себя цари Аккада и Ура, — причем его царская деятельность выражается (по-видимому) в постройке стен и в угнетении жителей Урука, у которых он, вследствие буйства своих юных сил, отбивает женщин. К постройке стен отношение автора двойственное: с одной стороны, это и есть то великое дело, которое сохранит память о Гильгамеше, с другой стороны, оно творится путем угнетения, и потому осуждается. К другой стороне царской деятельности Гильгамеша автор относится явно отрицательно: функция Гильгамеша-царя — олицетворять плодородие общины — выступает в поэме только как тирания. Если тенденцию поэмы и нельзя назвать антимонархической, то она, во всяком случае, антидеспотическая. Вместе со всей бытовой и общественной обстановкой поэмы, проявление этой тенденции переносит нас в эпоху создания первой деспотической монархии Саргона, когда еще продолжалась активная общественная жизнь отдельных городов-государств, не полностью еще поглощенных деспотией и помнивших свое независимое прошлое.

Под воздействием дружбы с диким, но человечным Энкиду Гильгамеш перестает быть тираном. Пусть он ищет славы для себя, и бессмертия — тоже для себя, но так или иначе вся его деятельность идет на пользу людям — истребляет ли он «всё зло, мерзкое Шамашу», идет ли в поход за кедром, ищет ли вечную жизнь. При этом в своей деятельности он — богоборец: чудовище Хумбаба, убитое им и его другом Энкиду, находится под покровительством одного из трех

верховных богов, Эллиля; в лесу Хумбабы герои раскрывают тайное жилище богов земли; Гильгамеш бросает вызов богине Иштар, отвергает совет сочувствующего ему бога Шамаша, вопреки многократно объявленной ему воле богов продолжает поиски вечной жизни. Образ Гильгамеша не укладывается в обычное представление об искусстве древнего Востока, как об искусстве, лишенном интереса к проявлению человеческой личности.

Мы не можем согласиться с Бёлем, который полагает, что содержанием поэмы является борьба двух религиозных концепций — этической религии бога Солнца Шамаша, представленной самим Гильгамешем, и аморальной религии божества плодородия, представленной блудницей Шамхат, самой богиней Иштар и корчмаркой Сидури. Поэма отнюдь не содержит осуждения блудницы: именно ее любовь сделала Энкиду человеком, и когда больной Энкиду проклинает ее в своем отчаянии, то никто иной, как Шамаш заступается за нее, да и сама профессия блудницы была, по вавилонским понятиям, вполне почтенной и вовсе не вызывала осуждения. Нам кажется, что автор поэмы безразличен к религиозным концепциям, хотя, будучи человеком своего времени, он полностью разделяет общую веру в богов и демонов. В центре поэмы — иная проблема: проблема тщетности человеческой жизни и неизбежной несправедливости человеческих страданий и смерти, которая уравнивает всех.

Эта проблема занимает большое место в литературе древнего Востока. Можно назвать в вавилонской литературе эпос об Адапе, поэму «О невинном страдальце» и «Разговор господина с рабом», в древнееврейской — «Экклесиаста» и «Иова», в египетской — «Беседу разочарованного со своим духом», «Песнь арфиста» и «Ответ на песнь арфиста» («Похвалу писцам»). Все эти произведения решают проблему либо утверждением неисповедимости путей божества, либо плоско гедонистически: «Ешь, пей и веселись, ибо завтра умрешь».[11] Несомненно, что поэма о Гильгамеше стоит выше этих произведений. Несмотря на ее трагизм, на поражение героя, она не оставляет пес-

[11] Исключение составляет «Ответ на песнь арфиста», противопоставляющий смертность личности бессмертию творений человеческого ума.

симистического впечатления. Решение, которое ею дается, — это бессмертие славных дел. Какова бы ни была первоначальная концовка, сказитель, добавивший заключение Таблицы XI, выдержал его вполне в духе поэмы: потерпевший поражение в поисках физического бессмертия, герой указывает своему спутнику на стены Урука — бессмертное творение своих рук и рук предков — «семи мудрецов» Шумера. Мотив славы, памяти людей проходит через всю поэму: о ней говорит Гильгамеш своему другу Энкиду перед походом на Хумбабу, о ней же говорит Гильгамеш у его смертного одра. Значение ее нигде не оспаривается, по существу не оспаривается и тогда, когда Гильгамеш бросается в степь в поисках жизни. Точка зрения автора поэмы о Гильгамеше на смерть и жизнь и мужественнее и вернее точки зрения в других древневосточных произведениях. Она отвергает и легкомысленный гедонизм, рекомендуемый корчмаркой богов Сидури, встреченной Гильгамешем во время его странствий, и жалкую покорность божеству. Гильгамеш остается героем и в своем поражении.

Проблема и не имеет другого решения, чем то, которое, хотя и не высказанное всеми словами, содержится в поэме. Пессимизм поэмы — если его можно назвать пессимизмом, — не равносилен примирению с бессилием человека. Конечно, древний Восток не знал атеизма, ни даже философского скептицизма, и победа природы над человеком в поэме о Гильгамеше представляется победой порядка, установленного богами. Но правыми оказываются все-таки не боги, установившие этот несправедливый порядок, а человек, который не может ему покориться и идет в своей борьбе до конца.

По глубине постановки вопроса, глубине трагизма поэму о Гильгамеше в литературе древности можно, с нашей точки зрения, сравнить с одной только аттической трагедией рока, с которой она философски имеет много общего. Нужды нет, что для древних слушателей поэмы, — как, впрочем, и для слушателей аттической трагедии, — герои представлялись реальными существами, полубогами, могущими реально воздействовать на жизнь слушателя, а для нас они — лишь фантастические образы; нужды нет, что понятия, содержащиеся в поэме, нами невольно воспринимаются с нашей современной точки

зрения, а древними понимались несколько иначе; что, например, память потомства мыслилась ими как вечное существование «имени», а само «имя» — как некая реальная часть субстанции своего носителя; тем не менее гениальное произведение седой древности, поэма о дружбе, о героизме, о величии человеческого духа, несмотря на архаизм многих ее понятий и наивность выразительных средств, находит отклик и у современного читателя: звучные, точные строки, которыми в подлиннике изложена речь Гильгамеша к Энкиду перед походом на Хумбабу, жалоба Ни́нсун к богу Солнца, плач об Энкиду, речь Утнапишти о бессмертии и многие другие места поэмы не теряют и сейчас, через четыре с лишним тысячи лет после написания, своей силы воздействия на слушателя.

Мысли поэмы содержались в зародыше уже в шумерском эпосе, в особенности в песне о «Гильгамеше и Горе живых», которая и в сюжетном и в идейном отношениях должна считаться главным источником аккадского эпоса. Уже здесь ставится вопрос о неизбежной несправедливости смерти и о «вечном имени», о памяти потомства, как единственном подлинном бессмертии. Но лишь в аккадской поэме эти мотивы получили полное выражение.

Мы приходим, таким образом, к следующим заключениям.

Хотя материалом для поэмы о Гильгамеше послужили мифологические мотивы, — в частности, в передаче шумерских песен, — действительным содержанием поэмы является тема судьбы человека, разрешаемая не в мифологическом, а в литературно-философском плане. Использование готовых эпических песен не мешает композиционной и идейной целостности поэмы. За время своего существования поэма претерпела чрезвычайно мало изменений, — таким изменениям подвергаются в течение ряда поколений и лирические песни в устах народа, что не мешает каждой из них иметь своего автора, хотя обычно и неизвестного. Поэтому и поэму о Гильгамеше можно считать единым произведением е д и н о г о автора.

Наличие в поэме преимущественно мифологического фабульного материала объясняется характером творчества вообще в древневосточном искусстве. Отдельные композиционные и фабульные элементы берутся здесь в готовом виде либо из народного творчества

и народных представлений, либо из канонов, освященных религиозной традицией, но в свою очередь тоже восходящих к народным сказаниям; новые создания индивидуального или коллективного творчества также затем повторяются снова и снова мастерами и сказителями. Элементы народного творчества и религиозные каноны на практике тесно переплетаются благодаря тому, что воззрения масс были пронизаны формами идеологии, переработанной верхами господствующего класса.

Так обстоит дело и с отдельными техническими приемами, и с целыми описаниями, эпизодами,[12] и даже сюжетами. Но эти готовые элементы осмысляются и строятся автором в нужном ему духе и служат для выражения желательных ему идей. Именно здесь открывается широкий простор для творчества и идейного развития искусства.

В этом смысле поэму о Гильгамеше смело можно считать народной. Индивидуальное авторство не лишает эпос права считаться народным, как оно не лишает этого права и лирическую песню.

Однако в рабовладельческом обществе между рабовладельцем и свободным, не имеющим рабов, проходит только имущественная грань, а не сословная, и любой свободный при удаче может стать рабовладельцем. Поэтому нет и резкой грани между идеологией массы свободных и официальной религиозной идеологией рабовладельцев, и само народное творчество неизбежно должно быть глубоко пропитано религиозной идеологией. Поэма о Гильгамеше в этом отношении выше других произведений, но и она не лишена религиозных черт не только по материалу, но и по своему идейному содержа-

[12] В поэме без конца повторяются отдельные поэтические обороты, эпитеты, ритмические приемы; так, целое готовое описание преисподней, переходящее из одной эпической поэмы в другую, использовано в поэме о Гильгамеше и играет в ней свою, вполне конкретную идейно-психологическую роль. Аналогичные явления наблюдаются и в изобразительном искусстве. Например, характерные своей живостью и выразительностью изображения львов на рельефах дворца Ашшурбанапала в Ниневии на самом деле оказываются составленными из каноничных иконографических элементов (замечено Б. Б. Пиотровским). Иначе и не могло быть в условиях, когда искусство было видом передававшегося по наследству ремесленного мастерства.

нию. Но, во всяком случае, существенно то, что поэма о Гильгамеше — довольно редкий на древнем Востоке образец светского литературного произведения, не имеющего прямого отношения к культу.

Вероятно, поэма предназначалась для пения или торжественной рецитации. Читалась ли она на совете, на пирах или в других особых случаях общественной жизни — нам неизвестно. Но хотя стихотворному и вообще необыденному слову на столь ранней ступени развития, надо полагать, приписывалась особая благотворная или магическая сила, поэма о Гильгамеше прежде всего явно рассчитана на идеологическое воздействие не религиозно-магического характера.

Итак, эта древнейшая из известных нам эпических поэм мира, сохраняя народность, является композиционно единым произведением сознательного литературного творчества, отражающего философскую по своему существу идею автора. Несмотря на мифологический материал, аккадский эпос о Гильгамеше — не изложение мифа, и его автор — не мифограф. Поэтому, хотя ценность мифологического анализа эпоса, являющегося неисчерпаемым кладезем мотивов, восходящих к древнейшим представлениям, неоспорима, однако кажется правильным при рассмотрении эпоса как литературного произведения исходить не из того, каков был смысл соответствующих мифологических представлений в то время, когда они возникли в сознании первобытного человека, а из того осмысления, которое давал им автор эпоса. Необходимо учитывать, что для автора эпоса эти мифологические мотивы уже не были объяснениями явлений окружающего мира, а были материалом для выражения новых общественных представлений совсем иного порядка. Уже при самом своем возникновении — безразлично, устном или письменном — эпос отражал существующую в обществе борьбу идей. Не случайно в позднейшее время один из редакторов поэмы счел нужным присоединить к ней в виде Таблицы XII перевод шумерской «былины», главная мысль которой — необходимость соблюдения заупокойных обрядов, как единственного средства облегчить судьбу мертвого.[13] Этим

[13] Не случайно также, что черты человечности отсутствуют в образе Гильгамеша, как он передан на рельефе дворца Саргона II, царя Ассирии, в конце VIII в. до н. э.

отвлекалось внимание от основного тона поэмы, и ей придавалась необходимая для официальной идеологии пессимистическая концовка, призывающая человека к покорности.

Начало изучению эпоса о Гильгамеше[14] положил выдающийся ассириолог-самоучка Джордж Смит, который обнаружил в 1872 г. среди клинописных таблеток Британского музея (составлявших когда-то библиотеку ассирийского царя Ашшурбанапала) описание потопа из Таблицы XI древнего эпоса. Находка эта вызвала сенсацию, и Смит был командирован одной английской газетой в Ниневию, где ему удалось найти еще фрагмент этой же таблицы.

Вскоре все фрагменты «ниневийской» версии поэмы о Гильгамеше (имя которого тогда ошибочно читали «Издубар», сопоставляя самого героя с библейским Немвродом) были изданы американским исследователем Паулем Хауптом.

Основа исследования текста была заложена Петером Иенсеном в его фундаментальном издании транскрипций и переводов ассиро-вавилонских мифов и эпических текстов. В течение трех четвертей века учеными была проделана головоломная и кропотливая работа по выяснению порядка, в котором должны располагаться отдельные фрагменты (всего более сотни!), по уточнению чтения и перевода отдельных мест сохранившихся отрывков.

В начале и середине XX в. были найдены отрывки старовавилонской и «периферийной» версий поэмы, а также фрагменты хеттского и хурритского переводов. В 1930 г. Р. Кэмбелл-Томсон издал новый свод всех известных до тех пор фрагментов эпоса в прорисовке и транскрипции. С тех пор, однако, было найдено и издано довольно много новых фрагментов, были изданы также шумерские прототипы поэмы, ранее известные лишь в незначительных и малопонятных отрывках.

Поэма породила множество исследований, которые появляются и в наши дни; в 1958 г. в Париже состоялась специальная международная сессия, посвященная изучению эпоса. Тем не менее далеко не всё в нем ясно и сейчас.

---

[14] Краткая библиография работ по эпосу приложена в конце книги.

Существует немало переводов поэмы о Гильгамеше на современные языки, не считая пересказов, переделок и подражаний; на ее тему была даже написана опера. Оставляя в стороне переделки, не представляющие большого интереса, мы приводим перечень важнейших переводов, имеющих научное значение.

1) На немецкий язык: П. Иенсена (1900), А. Унгнада (1911, 1921), Э. Эбелинга (1926), А. Шотта (1934); последний перевод существенно переработан В. фон Зоденом (1958). 2) На французский: Э. Дорма (1907), Ж. Контено (1939). 3) На английский: Р. Кэмбелл-Томсона (1928); А. Хейделя (1946), Э. А. Спайзера (1950, 1955). 4) На голландский: Ф. М. Т. де Лиагре-Бёля (1941, 1958). 5) На датский: О. А. Равна (1935). 6) На финский: А. Салонена (1943). 7) На шведский: К. Таллквиста (1945). 8) На чешский: Л. Матоуша (1958). 9) На итальянский: Дж. Фурлани (1958).

Кроме того, эпос переводился на иврит, а также на грузинский и армянский языки (за рубежом).[15]

На русском языке до сих пор появился только перевод-переложение Н. С. Гумилева (1919), основанный на французском переводе Дорма; недостававшие в то время части поэмы досочинены переводчиком.

К сожалению, принятый Дормом, а за ним Н. С. Гумилевым порядок фрагментов во многих частях ошибочен, и досочиненные переводчиком части дают часто совершенно превратное понятие о содержании поэмы.

Выдающийся русский ассириолог В. К. Шилейко, бывший также поэтом, создал в 20-х годах прекрасный художественный перевод поэмы, для своего времени очень точный, но, к сожалению, рукопись его была утеряна; мне пришлось ознакомиться лишь с одной из песен перевода (Таблица VI). В 40-х и 50-х годах в различных изданиях появились отрывки из нашего перевода поэмы о Гильгамеше; и он, однако, сейчас устарел; предлагаемый в настоящей книге перевод сделан совершенно заново, с учетом новейших исследований.

---

[15] Эти переводы, а также переводы Контено, Равна, Салонена и Таллквиста мне были недоступны.

Прежде чем перейти к вопросу о принципах нашего перевода, необходимо сказать несколько слов о форме аккадской поэмы и об аккадском стихосложении вообще.

Как все языки, для которых характерно сильное экспираторное ударение, аккадский язык пользовался тоническим стихосложением, основанным на счете ударных слогов. Число неударных слогов безразлично. Для наиболее обычного эпического размера характерен стих, содержащий четыре ударения, разделенный цезурой на два полустишия. В хороших списках цезура отмечается пробелом между полустишиями. Этому обыкновению мы следовали и в нашем переводе.

Все стихи и полустишия — за немногими исключениями (в поэме о Гильгамеше их полдесятка) — имеют женские, т. е. неударные, окончания. Если в стихе есть имя собственное, то он может иметь пять ударений, — дополнительным ударением в этом случае выделяется имя.

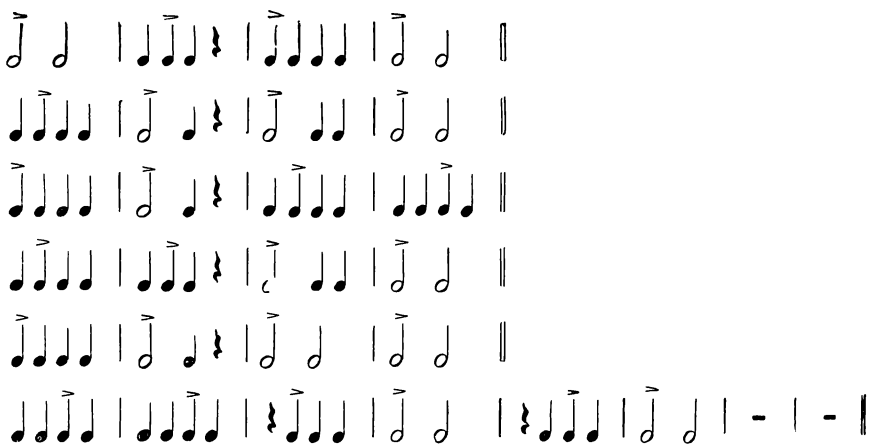
«Книжные», культовые эпосы обычно довольно строго выдерживают этот размер, но в народной поэзии, к которой нужно причислить и эпос о Гильгамеше, разрешаются отступления от него. Сюда относятся: 1) стихи с пятью ударениями (2+3, реже 3+2). Такие стихи редки (за исключением стихов, где встречаются собственные имена) и иногда заставляют видеть в них ошибку писца; 2) стихи с тремя ударениями без цезуры; 3) стихи с шестью ударениями с одной цезурой (3+3) или с двумя (2+2+2). Так как правила аккадского ударения нам в некоторых случаях неясны, то иногда могут быть сомнения, имеем ли мы дело, например, с трехударным или четырехударным стихом.

Следует подчеркнуть, что речь идет о логических ударениях, поэтому слова, логически тесно связанные между собой, например определяемое с определением, имя с эпитетом, предлог с именем, могут нести не два, а только одно ударение; это зависит от конкретных условий дикции, от логического построения фразы и т. д. В то же время на длинных словах в отдельных случаях могут лежать (и идти в счет) два ударения — основное и вспомогательное.

Хотя для счета стоп неударные слоги и не имеют значения, тем не менее они играют важную роль в ритмике стиха. Можно считать, что обычный четырехударный стих составляет четыре музыкальных такта (следует учесть, что поэма, по всей вероятности, пелась или по крайней мере читалась нараспев в сопровождении музыкальных инструментов). Но каждый такт может быть заполнен либо четвертями, либо восьмыми, либо шестнадцатыми долями, и т. п. Это создает либо ускорение, либо замедление темпа речи, чем поэт широко пользуется для придания своему стиху эмоциональной окраски.

Для пояснения мысли приведем образец (ради простоты приводим аккадский текст в русской транскрипции):

И́мси малёшу, у́ббиба бёлёшу,
Уна́ссис кимма́ссу э́лу цёри́шу,
И́дди маршу́ти́шу, итта́льбиша заку́ти́шу.
Аца́ти (и)ттахлипа́мма, ра́кис агу́хха, —
Ги́льгамеш ага́шу и́тепра́мма —
Ана ду́нки ша Гильга́меш и́на итта́ши рубу́ту И́штар.[16]



[16] Ударение в аккадских словах и именах собственных лежит на втором слоге от конца, если этот слог закрытый или содержит долгий гласный, в противном случае — на третьем слоге от конца. В некоторых случаях ударение может лежать на долгом гласном последнего слога. Менее ясно, где

На этом примере видно, как спокойная размеренность речи (еще подчеркнутая внутренней рифмой) постепенно несколько ускоряется. Во втором периоде идет новое замедление речи, которое затем завершается шестиударным стихом. Слух, привыкший к четырем тактам, требует после шести тактов шестиударного стиха большой паузы, как бы заменяющей два пропущенных такта. И действительно, шестиударные стихи используются обычно как подводящие итог определенному логическому развитию мысли, как ее разрядка перед переходом к новому моменту изложения.

Мы не можем подробнее останавливаться на ритмике поэмы; тут еще много неясного, так как при чтении несомненно происходили многочисленные элизии неударных гласных. На это указывают фонетические написания старовавилонских списков и ученической копии из Султан-Тепе. Здесь важно лишь подчеркнуть, что кажущиеся неправильности обычно имеют определенное функциональное назначение.

В приведенном нами примере видно, что аккадский поэт сознательно применяет рифму и ассонанс, однако они являются лишь приемом, применяемым время от времени, а не общим правилом стихосложения. То же касается аллитерации, которой поэт широко пользуется:

Ма̄ти ми́ту и́ммарӯ ша́рӯр ша́мши?
Можно ли мертвому видеть сияние солнца?

Прямая речь героев обычно вводится прозаической формулой: «Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он Энкиду», «Энкиду уста

лежало ударение в именах шумерского происхождения. Перед паузой и перед энклитической частицей ударение может передвигаться на один слог ближе к концу. В переводе ударение в собственных именах ставится согласно этим правилам, но без учета передвижения ударения в паузе. Это создавало некоторые трудности при склонении имен («Ги́льгамеш» род. падеж — «Ги́льгамеша», что с трудом втискивается в размер), поэтому мы сделали несколько отклонений от правил в угоду установившейся в русской науке традиции, применяя паузальные формы «Энки́ду», «Хумба́ба», «Суму́зи», «Суму́кан» (вместо «Э́нкиду», «Ху́мбаба», «Су́мукан») или формы, вовсе не оправданные оригиналом («Гильгаме́ш», «Уру́к» вместо «Ги́льгамеш», «У́рук»).

открыл, вещает Гильгамешу», и т. п. Эти вводные фразы выпадают из размера и, по всей вероятности, произносились обыкновенной разговорной дикцией, а не пелись. Это придает всему повествованию драматический характер. Вообще сменяющаяся прямая речь персонажей занимает в тексте очень много места по сравнению с описательными отрывками; поэтому прав Бёль, когда говорит, что эпос о Гильгамеше, как и другие аккадские, а также угаритские (в Финикии) эпические тексты, является предшественником драмы. Не исключена возможность, что эпос читался на два голоса.

Древнейшие эпические песни не разделялись на главы; по-видимому, и древнейшая версия аккадской поэмы не имела подразделений, а распределение текста по отдельным таблицам целиком диктовалось соображениями места: новая таблица начиналась тогда, когда предыдущая была записана полностью. Поэтому, например, Таблица II старовавилонской версии кончается посреди речи Энкиду, и т. п. Но уже, во всяком случае, в «ниневийской» версии отдельная таблица — это песнь, и деление поэмы выдержано достаточно стройно:

I. Буйство Гильгамеша и создание Энкиду.
II. Приход Энкиду в Урук и дружба героев.
III. Приготовления к походу против Хумбабы.
IV. Поход против Хумбабы.
V. Битва с Хумбабой.
VI. Иштар и Гильгамеш. Борьба с небесным быком.
VII. Болезнь и смерть Энкиду.
VIII. Оплакивание и похороны Энкиду.
IX. Странствие Гильгамеша до берега Мирового Океана.
X. Переправа Гильгамеша через Океан.
XI. Гильгамеш на острове Утнапишти. Возвращение.
XII. Вызов духа Энкиду из преисподней.[17]

Текст каждой таблицы разделяется горизонтальными линиями на короткие сюжетные разделы, однако это деление довольно произвольно. Разные писцы разделяли текст по-разному. Учитывая эту вольность древних писцов, и мы не строго следовали за делением,

[17] Эта таблица, не относящаяся к основному тексту поэмы, приводится в нашем переводе отдельно, как «Дополнение».

данным в том или ином списке, если оно казалось неубедительным. Разделы в переводе выделены звездочками.

В настоящем переводе поэмы о Гильгамеше мы ставили перед собой двоякую задачу. Во-первых, нам хотелось довести до современного читателя эту древнюю поэму как целостное художественное произведение, так как мы убеждены, что она не потеряла силы эстетического воздействия. При этом мы старались максимально сохранить и передать те именно художественные средства, которыми пользовался древний автор. В отношении аккадской поэзии это задача более легкая, чем в отношении античной, или, например, арабской и персидской поэзии, так как аккадскому языку свойственно распространенное и в русском тоническое стихосложение.

Во-вторых, наш перевод должен был в максимальной степени отвечать требованиям научной точности, так как до сих пор еще нет полного научного перевода поэмы на русском языке. Сочетание этих двух задач в стихотворном переводе более сложного в формальном отношении поэтического произведения сделало бы их неразрешимыми. Общеизвестно, что поэтический перевод во многих случаях вызывает неизбежные потери в передаваемом содержании. Эти потери объясняются тем, что слова, достаточно точно передающие понятия и образные ассоциации оригинала, могут не ложиться в требуемый ритм и рифмы, а также тем, что слова языка оригинала и языка перевода могут быть различной длины, так что в строку одинакового размера укладывается неодинаковое количество слов.

В нашем случае эти трудности в значительной мере отпадают. Тонический размер поэмы со счетом логических ударений позволяет широко варьировать длину слов при сохранении размера, а рифма применяется только спорадически; аккадские слова в среднем ненамного короче русских, а отсутствие постоянного места ударения в русском языке позволяет довольно свободно подбирать нужное расположение ударений.

Поэтому по-русски можно достаточно точно передать размер подлинника и все его вариации. Мы пытались хотя бы в общих чертах передавать и ритмический ход подлинника — сокращение и увеличение числа неударных слогов между ударениями. В отличие от всех

предшествующих переводов, мы строго придерживались правила женского окончания стиха, что и является наиболее важным средством, связывающим стихи поэмы в единое целое и придающим им упругость; при несоблюдении этого правила стих поэмы превращается в рыхлую ритмическую прозу. Однако нам не удалось выдержать правило, согласно которому цезура всегда следует только после неударного слога.

При этом, как общее правило, нам удавалось почти дословно передать содержание стиха, избегая замены одного образа или эпитета другим, и т. п. Лишь синтаксический порядок предложений оригинала и идиомы мы не всегда считали нужным воспроизводить. В востоковедении чрезвычайно распространен тот взгляд, что для научной точности перевода необходимо соблюдать порядок слов оригинала и характер его синтаксических конструкций. Нам этот взгляд кажется ошибочным. Синтаксические средства языка — такое же грамматическое явление, как морфология, и оставлять синтаксис без перевода — значит не завершить перевода. В самом деле, значение того или иного расположения слов в разных языках различное. Так, нормально в аккадском языке прилагательное располагается после существительного; если в поэтическом языке допускается вынос прилагательного перед существительным, то этим на прилагательное переносится логическое ударение; по-русски же наоборот. Šarru dannu (в подстрочном переводе «царь сильный») следует по-русски переводить «сильный царь»; перевод «царь могучий» неправилен, потому что в нем логическое ударение переносится на прилагательное, чего нет в оригинале. Другими словами, порядок слов, который для языка оригинала является нормальным, следует передавать таким порядком слов, который нормален для языка переводчика; те или иные отклонения в оригинале от нормального синтаксиса нужно переводить стилистически адекватными отклонениями от нормального синтаксиса языка перевода.

Для семитской поэзии чрезвычайно характерны приемы параллелизма и хиазма, например:

Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, что там издревле. (*Параллелизм*).

Остановились, дивятся лесу,
Кедров высоту они видят. (*Хиазм*).

В целях соблюдения русского ритма мы иной раз в переводе позволяли себе переставить члены параллелизма в пределах одного стиха, или заменить параллелизм хиазмом, или наоборот. В редких случаях из тех же соображений мы заменяли трехударный или шестиударный стих четырехударным; однако мы нигде не пытались сделать древний стих более гладким, чем он является в подлиннике. Все более серьезные случаи отклонения перевода от дословного содержания текста (потери отдельных эпитетов, нарушения стиховой формы и т. п.) мы оговаривали в комментарии; таким образом, привлекая примечания, читатель в каждом случае получит представление о точном словоупотреблении подлинника.

О степени точности передачи ритмики и содержания можно судить из сравнения двух взятых наудачу отрывков, которые мы даем в звучании подлинника (в русской транскрипции), в подстрочном и в стихотворном переводе:

Оригинал:

Иззизу́ма, ина́ппату ки́шта,
Ша эре́ни иттана́пласу мёла́шу,
Ша ки́шти иттана́пласу нёре́бшу, —
Ашар Ху́мбаб(а) итта́ллаку ша́кин ки́бсу, —
Харра́на́ту шутёшура́ма ту́ббат ги́рру.
Э́мару шад эре́ни, му́шаб ила́ни па́рак Ирни́ни.

Подстрочный перевод:

Встали и (затем) дивятся лесу,
Кедра наблюдают (рассматривают) высоту его,
Леса наблюдают (рассматривают) проход его,
Где Хумбаба ходит (взад и вперед) положен шаг, —
Дороги выпрямлены и удобен путь.
Видят гору кедра, жилище богов, возвышение (для трона) Ирнини.

Стихотворный перевод:

Останови́лись, дива́тся ле́су,
Ке́дров высоту́ они видят,
Ле́са они видят прохо́ды,

Где Хумба́ба, броде́я, протопта́л тропи́нки, — [18]
Доро́ги пря́мы, пути́ удо́бны.
Го́ру ке́дра зрят, жили́ще бого́в, престо́л Ирни́ни.

Более значительные отклонения от текста допущены в тех редких случаях, когда в подлиннике — рифмовка, которую желательно было сохранить. Так, приведенный выше (стр. 135) отрывок дословно переводится следующим образом:

Вымыл грязь (рубище) свою, начистил оружие свое,
Стряхнул пряди свои на спину свою,
Сбросил грязное свое, оделся (в) чистое свое,
(В) «ацати» облачившись, и (при этом) повязан перевязью(?), —
Гильгамеш (царской) шапкой своей увенчался и (вследствие этого)
На красоту Гильгамеша глаз подняла государыня Иштар.

В стихотворном переводе это звучит так:

Он умы́л свое те́ло, всё ору́жье блесте́ло,[19]
Со лба́ на спи́ну власы́ он заки́нул,[20]
С гря́зным он разлучи́лся, чи́стым он облачи́лся.[19]
Как наки́нул он пла́щ и ста́н подпоя́сал,[20]
Как венча́л Гильгаме́ш себя́ тиа́рой [20] —
На красоту́ Гильгаме́ша по́дняла о́чи госуда́рыня И́штар.

Из всего сказанного видно, что наш перевод носит экспериментальный характер. В нем мы стремились наиболее точно передать форму оригинала, включая все ее непоследовательности и неровности. Переводы Гумилева, Унгнада, Шотта, Спайзера (отчасти), Бёля и Матоуша — ритмические, однако без соблюдения правила женских окончаний и обычно даже без строгого соблюдения числа ударений на стих. Перевод Р. Кэмбелл-Томпсона сделан гекзаметром. Наилучший в смысле передачи ритмики подлинника — чешский перевод Л. Матоуша.

«Ниневийская» версия поэмы в своем первоначальном виде содержала около 3000 стихов; из них до нас дошло более или менее

[18] Расхождение с оригиналом оговорено в комментарии.
[19] Отступление от текста ради рифмовки оговорено в комментарии.
[20] Отступление от текста оговорено в комментарии.

полностью около 1200, еще примерно столько же стихов дошло частично или восстанавливается благодаря эпическим повторам. Стремясь передать художественное звучание поэмы, мы встали перед проблемой — как быть с местами, которые совсем не дошли до нас, с поврежденными и неполностью сохранившимися стихами, и стихами, точный перевод которых спорен (а таких довольно много)? Обычно спорные переводы даются со знаком вопроса в скобках, восстановление разрушенных мест — в квадратных скобках; там же, где связный текст невозможно восстановить с уверенностью или где вовсе отсутствует кусок текста, переводчики обыкновенно прерывают стихотворное повествование и дают прозаический пересказ предполагаемого содержания разрушенного отрывка.

Нам казалось, что все эти средства рассеивают внимание читателя и разрушают целостное впечатление. Поэтому восполнения разрушенного текста мы давали тут же, но выделяли другим шрифтом (курсивом); некоторые из этих восполнений, как читатель заметит, основаны на эпических повторах и потому вполне достоверны, другие более или менее произвольны, и их так и следует рассматривать — как домысел переводчика; однако шрифт ясно отделяет то, что действительно сохранилось в тексте и что имеет полноценное научное значение, от более или менее условных предположений переводчика. Что касается спорных мест, то мы выбирали какой-либо один вариант перевода, никак не оговаривая в тексте его спорности; но в комментарии читатель найдет и другие предложенные варианты объяснений этого места.

Наконец, в случаях, когда тот или иной отрывок текста совсем не сохранился, мы прибегали к различным решениям.

Если отрывок не имел большого значения или если мы не имеем никакого представления о том, что он содержал, то мы указываем, сколько стихов недостает.

Если отрывок не сохранился в «ниневийской» версии, но известен соответствующий отрывок из старовавилонской или «периферийной» версии, или хотя бы из хеттского перевода (хурритский перевод, к сожалению, непонятен), то мы дополняли «ниневийский» текст, вставляя стихи из более старой версии (в отдельных случаях мы

добавляли оттуда же и некоторые представляющие интерес отрывки, почему-либо опущенные редактором «ниневийской» версии, если это было целесообразно для более полного раскрытия содержания поэмы).

Мы сознавали, что этот прием (в котором мы следовали А. Шотту) может вызвать нарекания, так как не позволяет читателю воспринимать старовавилонскую, «периферийную» и «ниневийскую» версии как самостоятельные произведения, каковыми они являются на самом деле. Но мы полагали, что при современном уровне наших знаний независимое изучение первых двух фрагментированных версий еще невозможно — более важным нам казалось представить поэму современному читателю как цельное художественное произведение. Нумерация строк на полях перевода всюду позволяет установить, относится ли стих к основной версии или дополнен по одной из более старых версий. Это также подробно оговорено в комментарии.

Если же отрывок хотя и не сохранился полностью ни в одной из версий, но есть возможность пересказать его содержание, то мы, чтобы не разрушать единства впечатления, пересказываем предполагаемое его содержание не прозой, а стихами же, — разумеется, и в данном случае курсив указывает на то, что данный отрывок в подлинном тексте не сохранился.

Как нам кажется, читатели, интересующиеся поэмой как источником для научного изучения мифологии и фольклора, смогут найти в переводе и в комментарии достаточно данных, чтобы судить о точном содержании текста. В то же время переводчик надеется, что русский текст эпоса о Гильгамеше сможет дать хотя бы некоторое представление и о художественном звучании этой древнейшей эпической поэмы мира.

И. М. Дьяконов.

КОММЕНТАРИЙ

О воспроизведении текста поэмы в переводе

Нумерация частей поэмы (I—XII) соответствует делению текста на отдельные таблицы в «ниневийской» версии (XII—VI вв. до н. э.; большинство списков найдено в Ниневии и восходит к VII в. до н. э.). Эта версия положена в основу перевода, и к ней относится нумерация строк на полях (римские цифры означают номера столбцов, на которые разбивался текст, арабская — строки; если строка не совпадает со стихом, дается двойная цифра или цифра с буквой).

В ряде случаев текст взят не из «ниневийской», а из других версий поэмы; в этом случае перед номером столбца и строки на полях ставится сокращенное обозначение версии: СВ — старовавилонская, ХВ — хаттусская («периферийная»), ХТ — фрагмент хеттского перевода, А — ашшурские фрагменты, СТ — фрагменты из раскопок Султан-Тепе, НВ — нововавилонские фрагменты; А, СТ и НВ являются вариантами основной, «ниневийской», версии. Если отнесение фрагмента к определенной версии сомнительно, он обозначается как «Фр».

В старовавилонской версии иногда указывается две римских цифры: первая — номер таблицы, не совпадающий с нумерацией таблиц «ниневийской» версии, а вторая — номер столбца. Если неясно отнесение фрагмента к определенному столбцу, то номер столбца дается под вопросом, или заменяется буквой. Если неясно, сколько строк было в данном столбце перед сохранившимся фрагментом, то нумерация строк фрагмента начинается с $x+1$, $x+2$ и т. д. Если положение фрагмента вообще неясно, или он относится к другому списку, а не к основной версии, то номера строк даются со знаком штриха. В маленьких фрагментах, место которых в поэме совсем неясно, строки обозначаются буквами алфавита.

Пробел между полустишиями, в соответствии с обыкновением вавилонских писцов, означает цезуру.

Текст перевода следует читать так, чтобы на каждое полустишие падало во всяком случае два ударения, ускоряя или замедляя темп чтения, в зави-

симости от длины строки; отдельные слова могут произноситься бегло, без ударения; в некоторых случаях на одно длинное слово может падать два ударения. В длинных (шестиударных) стихах и в ряде случаев в стихах, содержащих собственные имена, на полустишие падает по три ударения. Стихи, не делящиеся на полустишия, имеют также по три ударения.

Слова, выделенные курсивом, в оригинале не сохранились; они либо восстановлены на основании эпических повторов или по смыслу, либо представляют домыслы переводчика или предшествующих исследователей.

Если текст восстановить совершенно невозможно, то лакуна обозначена строками точек в квадратных скобках; каждая строка соответствует пропущенному стиху оригинала; если от строки в оригинале сохранились слова или части слов, не поддающиеся связному переводу, то они обозначаются точками без скобок. Большие лакуны оговорены в тексте.

Помимо условных обозначений, принятых в тексте, в комментарии используются еще следующие.

В транскрипции или в дословном переводе квадратные скобки [ ] означают несохранившийся в оригинале текст (если в скобках стоят точки) или реконструкцию несохранившегося текста (если в скобках имеется текст).

В круглых скобках ( ) даются авторские пояснения к тексту, а также варианты перевода.

В ломаных скобках ⟨ ⟩ указываются знаки или слова, пропущенные древним писцом по недосмотру.

Знак вопроса означает неуверенное чтение знака или слова или неуверенный перевод. Буквой *x* обозначен знак, который не удалось прочитать.

Восклицательный знак означает, что предлагается читать предыдущий знак или слово иначе, чем написано древним писцом.

Косая черта означает деление текста на стихи или строки в тех случаях, когда стихи даются в подборку.

Таблица I

I, 1—3. Разрушенные первые три строки поэмы восстанавливаются и понимаются по-разному. Так, Бёль переводит:

Что глуби видал [до кра]я мира,
[Что вс]ё изучил, что всё изв[едал],
И также [тайное] равно он [постигнул].

Э. Спайзер переводит:

Тот, кто всё видел [до конц]ов земли,
[Кто вс]ё изведал, [обдум]ал всё,
[. . . . . .] совместно [. . . . . .],
и т. д.

В. фон Зоден переводит:

Кто всё видал [в облас]ти страны,
[Кто] знал [мо]ря, всякое [знал],
[Он проницал тьму] точно так же,
и т. д.

Л. Матоуш переводит:

О том, кто всё видел [до кра]я земли,
[И мо]ре всё познал, [хочу пе]ть [я].
[Все видел и всё он] равно [изведал],
и т. д.

Б. Ландсбергер (по сообщению А. Шотта) переводит:

Того, кто всё видел, [зна]й, моя страна
[Кто] изведал всё, [хочу восхвали]ть я . . .

Р. Кэмбелл-Томсон переводит:

Сущность всех вещей усмотревший пусть [поведает]
стране (народу),
[Всё] познавший этому пусть [научит] (народ),
[Он внушит мудрость], и он[и разделят] его вместе,
и т. д.

I, 9. Г. Ленцен, раскапывавший городище Урука, считает, что около 2800—2700 г. до н. э., во времена так называемой I династии Урука (к которой, согласно традиции, принадлежал и Гильгамеш), два первоначальных селения, Куллаб и Эанна, были впервые обнесены одной стеной, образовав город Урук. Это было одно из первых огороженных поселений древнего Двуречья, вступавшего в это время в период войн, сопровождавших образование классового общества. Урук был центром важных военных и государственных объединений.

I, 11. «Зубцы» — точнее «карниз, фриз».

I, 12. «Цоколь», вероятно, точнее, чем «вал».

I, 13. Askuppatu — скорее, не порог, а камень, в котором вращается подпятник ворот.

I, 15. Дословно: «Которой царь позднейший не сделает подобной, (и) никакой человек».

I, 16. В тексте ошибочно im-ta-lak «обсудил» вместо itallak «пройди», но ср. таблицу XI (строка 303).

I, 17. Дословно: «кирпичи исследуй (рассмотри)».

I, 18. В действительности в стене Урука не было применено обожженных кирпичей; быть может, под agurru здесь разумеются необоженные квад-

ратные кирпичи крупного формата, так называемые Patzen; есть данные, что agurru первоначально означало именно квадратный крупноформатный кирпич.

I, 19. Дословно: «Фундамент его заложен не семью ли [мудрецами]?» О легендарных семи мудрецах Вавилонии см.: H. Zimmern. Zeitschrift für Assyriologie, XXV, 1923, стр. 151 сл.

I, 1—19. Весь пролог сочинен позднее остальной поэмы: в начале II тысячелетия до н. э., как показывает название старовавилонской версии, поэма начиналась прямо со слов «Велик он более . . .» В «периферийной» версии середины II тысячелетия пролога также не было. Предположительно далее начинался текст старовавилонской версии, из колофона которой и взят стих СВ, I, 1. Следующие два стиха условно добавлены нами для связи. После строки I, 19 в «ниневийской» версии лакуна приблизительно в 30 строк. В начале текста хеттского перевода имеются следующие строки, относящиеся, может быть, к сотворению Гильгамеша (так, между прочим, полагали Ф. М. Т. Бёль и Л. Матоуш), но более вероятно — к сотворению Энкиду (Х. Оттен): «Геройские боги/Гильгамеша (Гильгамешу?) сотворили его подобьем . . . . . Шамаш небесный (бог Солнца) ему доверил красоту, /Тешуб (бог бури) одарил его отвагой. /Великие боги в подобие его Гильгамеша сотворили, /Божественной силой его наделили. /Двенадцать локтей в ширину была размером его грудь (*или* тело), /В три локтя (девять пядей) был длиной его член (?) . . . . . И все исходил он земли, /Пока не достиг до града Урука». Возможно, в хеттском переводе этот текст заменял всю I и всю II таблицы ниневийской версии.

II, 4—6. К этой лакуне, по-видимому, относятся мелкие фрагменты, содержащие слова: «Урук огражденный», «покров» и т. п.

II, 7. Восстановление этой строки в высшей степени сомнительно. Возможно, что «буйство» Гильгамеша заключалось вовсе не в том, что он заставлял граждан трудиться над постройкой стен, а в безудержных плотских удовольствиях.

II, 8. Мы переводим как «тур» или «буйвол» слово rīmu, означающее ныне вымершего дикого быка, в изобилии водившегося в древней Месопотамии.

II, 9. Дословно: «Не имеет равного натиск его оружия».

II, 11. В. фон Зоден на основе другого восстановления лакуны переводит: «Постоянно волновались мужи Урука . . .»

II, 13. Быть может, «буйствует мышцей» было бы точнее, если считать, что речь идет о постройке стен Урука. Л. Матоуш читает: «Днем и ночью и детей к труду принуждает».

II, 15. Л. Матоуш переводит: «Он, вместо того чтобы быть хранителем дев». В оригинале сохранилось только «Он (ли) пастырь» или «Он же пастырь», остальная часть строки разбита.

II, 19. Эта строка вызывает сомнение. Наш перевод исходит из того, что «владыка Урука» — это Áну, как бог-покровитель Урука. Затем Ану присоединяется к жалобе богов и обращается к Аруру. Однако, по другому толкованию, «боги небес [возопили о] владыке Урука», т. е. о Гильгамеше, и их дальнейшая речь непосредственно обращена к Аруру.

II, 20. Читаем вслед за Шоттом:

tul-tab-ši-ma-a ri-ma kad-ra [: ri-ma-niš ša-ḳu-ú re-ši-šu]
Не ты ли создал буйного тура? [. . . . . .].

II, 31. Zikru — собственно «слово», «имя», «название», вторая сущность человека или божества, его двойник? Иной перевод здесь и ниже дает В. фон Зоден, исходящий из значения zikru «слово, приказ»:

Аруру, ты создала, [что приказал Ану],
И теперь создай, что он приказывает (*дословно* его приказ).

II, 32. В подлиннике здесь не обозначено начало нового раздела.

II, 33. Дословно: «Аруру это в услыхании своем».

II, 34а. Вторую часть строки дословно переводят: либо «бросила в степь (наружу)», либо «плюнула на нее» (ittadi), либо «вдавила в нее» (ittaṭi).

II, 35. Другое восстановление: «В степи Энкиду создала, героя».

II, 35а. Ilitti ḳulti kiṣir Ninurta — дословно «порождение молчанья (пустыни), сущность (или полк) Нинурты». Строка допускает и различные другие толкования. Ḳultu может также означать последнюю стражу ночи. Слово kiṣru имеет много значений, ни одно из которых не кажется дословно подходящим в контексте поэмы: «то, что скреплено, связано; скала, материк (под строением); полк». Предполагалось также значение «твердь (небесная?)», или «(магическая) сущность». Мы исходим из значения «полк, воинство», выбирая, в зависимости от контекста, условный перевод «воинство», «воины» или «воин».

II, 37. Дословно: «Пряди волос густы, как Нисаба». Нисаба — богиня хлебов.

II, 38. В подлиннике: «ни людей, ни страны». Под «страной» подразумевается обитаемая земля речных долин, а иногда и вообще обитаемый мир.

II, 40—41. Звери, живущие с Энкиду, в подлиннике называются būlu «скот», būl ṣēri «скот степи», nammašššû «зверье, тварь, пресмыкающиеся (и вообще дикие) существа». В переводе терминологическое соответствие не соблюдено: мы переводим безразлично «скот», «зверье степное», «звери» и т. п., в зависимости от размера.

II, 50. «Идущий дальним путем» — перифраза, обозначающая мертвеца.

III, 1. В подлиннике начало раздела обозначено после строки III, 12.

III, 24. В подлиннике: «Станет враждебен ему (чужд ему) его скот, который возрос в его степи». Слово ṣēru мы, как правило, переводим «степь», но иногда — по требованию стиха — «пустыня».

III, 41. Ḫarimtu Šamḫat. Ḫarimtu означает «блудница», šamḫatu (в старовавилонской версии šamkatu) — «веселая женщина». Повторение этих двух синонимов вызывало недоумение комментаторов. Нам кажется наиболее вероятным, что Šamḫat здесь — имя собственное блудницы (поэтому это слово употреблено в беспадежной форме, как часто бывает в аккадских собственных именах). Постановка приложения ḫarimtu впереди имени собственного, а не позади, что обычно для аккадского языка, представляет поэтическую вольность, примеры которой имеются в вавилонской поэзии. Еще А. Шотт заметил, что в обращении ее всегда называют просто «Шамхат» (в переводе это передано не везде). Имя собственное видел здесь и П. Иенсен.

III, 45. В подлиннике начало нового раздела не обозначено.

III, 49. Дословно: «Охотник и блудница на место своего сидения сели».

IV, 2. Дословно лучше, может быть: «И он, Энкиду, порожденный также в горах».

IV, 9. Дословно: «да возьмет (воспримет) твою сладострастность (прелесть)».

IV, 13. Дословно, скорее всего, надо переводить: «Сделай ему, дикарю, работу (дело) женщины».

IV, 15. Дословно: «Его любовные силы (? — dādū) будут ласкаться на тебе».

IV, 16—СВ, II, II, 5. Эти два стиха взяты нами из старовавилонской версии. В «ниневийской» версии один стих: «Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила, он (вос)принял ее сладострастность».

IV, 21. Дословно: šeššu urri ū sibū mušāti «шесть дней и семь ночей». По-аккадски это составляет полный стих из двух полустиший.

IV, 21а. Дословно: «Энкиду бодрствовал и оплодотворял Шамхат».

IV, 25—26. Дословно: «Вскочил Энкиду — ослабело его туловище (тело) [*или* «удерживал(?) Энкиду свое (ритуально) очищенное тело» — В. фон Зоден], /Остановились ноги, потому что ушел его скот».

IV, 29. Дословно: «Но сам он возымел разум, расширил ухо (понимание)».

IV, 32. В подлиннике начало нового раздела не обозначено.

IV, 34. Восстанавливается [dam-]ḳa-ta «ты красив» или, по Бёлю и другим, [en-]ḳa-ta «ты мудр».

IV, 36. Старовавилонский вариант. В «ниневийской» версии: «К светлому дому, жилищу Ану и Иштар». Так же в строке IV, 44.

IV, 39. Или, по Бёлю: «И, как тур, он мощнее могучих».

СВ, I, II, 20—23. Эти два стиха отсутствуют в «ниневийской» версии и взяты нами из старовавилонской.

IV, 41. Другой перевод: «Понимающего его сердце он ищет друга».

IV, 47. Дословно: «сильно, мощно».

V, 8. ^{TUG}TUM. LA^{meš} (акк. nēbeḫē) — название царской одежды или перевязи. Стих читается, по В. фон Зодену: a-š[ar e]ṭlē^{meš} us-[s]u-ḫu nēbeḫē^{meš}; дословно: «г[де му]жи по[вяз]аны перевязями».

V, 9. Этот разрушенный стих восстановлен произвольно; ясно только слово assinnu «педераст».

V, 11—12. Дословно: «Сладострастьем (прелестью) [укра]шены(?), [пол]ны радостью (*или* благоуханьем), /С ложа ночи заставляют выйти великих», т. е. заставляют покинуть дом и постель?

V, 13—14. Читаю: ^{d}En-ki-dù [šá la ti-]du-ú ba-la-ṭa/ lu-kal-lim-k[a ^{d}] Gilgameš ḫa-di 'u-ú-a amīla «Энкиду, [ты, который не зна]ешь жизни, /Да покажу я те[бе] Гильгамеша, радующегося „увы" человека». Аналогично у Бёля. При другом толковании, опирающемся на вариантное написание ḫa-di-i'-a amīla, переводят: «Да покажу я те[бе] Гильгамеша, радостного человека». Строка V, 13 в подлиннике трехударная.

V, 20. Дословно: «измени твое преступное намерение».

V, 22. Дословно: «расширили его ухо».

V, 27—38. Привожу дословный перевод этого отрывка:

Были для меня звезды небес,
Словно воинство Ану падало на меня,
Я его поднял и он(о) был(о) сильнее меня,
Я старался одолеть его и не мог стряхнуть его,
Урук, вся страна стояла (служила) к [нему],
[Страна была собрана] к [нему]
[Теснится нар]од (войско) на него,
[Мужи со]брались к нему,
[. . . . . това]рищи мои целуют его ноги,
[Я же ка]к к жене к нему ласкался,
[А затем по]ложил его под [тобой],
[. . . . . т]ы сравняла его со мной (*или* дала ему встретиться, *или* соревноваться со мной).

В данном случае мы позволили себе ритмическое расхождение с оригиналом в строке 34, где только три ударения. Строка 27 перевода взята из старовавилонской версии. «Воинство Ану» — это, возможно, звезды.

СВ, II, I, 17—20. Эти стихи добавлены из старовавилонской версии. В строке СВ, II, I, 20 дословно: «Ты увидишь его, [как жене?] ему рад ты будешь». В «ниневийской» версии, V, 47: «Как к жене, к нему прильнул ты».

VI, 5—СВ, II, I, 23. Строки 4 и 5 в оригинале в обратном порядке. Последние две строки добавлены из старовавилонской версии, где дословно:

«Мужи (герои) поцелуют его ноги», и т. д. Последний стих в подлиннике с аллитерацией: teṭṭeráš[šu tut]túšu tattarráššu ana ṣēríja, или по В. фон Зодену: tétṭeraššúma tattaráššu ana ṣēríja.

СВ, II, I, 27—VI, 9. Из старовавилонской версии. В «ниневийской» версии один стих:

В огражденном Уруке топор упал, а вокруг столпились.

СВ, II, I, 31—36. Добавлено из старовавилонской версии.

VI, 13. «Ниневийская» версия прибавляет: «[И], как к жене, к нему прильнул я».

Колофон. «История» — собственно «серия таблеток». Внизу подлинной таблицы, ниже колофона — штамп библиотеки ассирийского царя Ашшурбанапала.

Таблица II

В «ниневийской» версии от этой таблицы сохранились только небольшие фрагменты.

Перевод дается по старовавилонской версии, но из нее выпущен отрывок, соответствующий описанию снов Гильгамеша и разговора с Шамхат в строках IV, 16 — VI, 29—30 Таблицы I «ниневийской» версии. Пропущенный отрывок, несколько отличающийся от изложения этого эпизода в «ниневийской» версии и очень существенный для понимания соотношения между текстами древней и поздней версии, приводим здесь:

СВ, II, I, 1 Встал Гильгамеш и сон толкует
I, 2 Вещает матери он своей:
I, 3—4 «Мать моя, ночью весел хожу я
I, 5—6 Среди мужей; собрались небесные звезды.
I, 7 Создание Ану на меня упало,
I, 8 Я его поднял — тяжел для меня он,
I, 9 Тряхнул я его — стряхнуть не смог я,
I, 10 Край Урука к нему собрался,
I, 11 Мужи целовали его ноги,
I, 12—13 Лоб я напряг — и мне подсобили,
I, 14 Поднял его и тебе принес я».
I, 15 Всеведущая мать Гильгамеша
I, 16 Гильгамешу вещает:
I, 17 «Верно, Гильгамеш, то тебе подобный,
I, 18—19 В степи родился, его горы взрастили.
I, 20 Ты увидишь его — *как жене* ему рад ты будешь,
I, 21 Мужи поцелуют ему ноги,
I, 22 Ты его обнимешь, ты его *полюбишь*
I, 23 И его ко мне приведешь ты».

I, 24 Лег он и сон другой увидел,
I, 25 Матери своей *его* рассказал он:
I, 26 «*Мать моя*, сон другой я увидел —
I, 27—28 *Среди* смятенья на улице Урука
I, 29—30 Топор упал, а вокруг столпились.
I, 31 Этот топор был странен видом,
I, 32 Я его увидел и рад ему был я,
I, 33—34 Полюбил, и словно к жене, к нему льну я,
I, 35—36 Поднял его, на боку повесил».
I, 37—38 Всеведущая мать Гильгамеша *Гильгамешу вещает*:
I, 39—40 *Человек — тот топор*, *который ты видел*,
II, 1 Ибо я его *сра*вняла с тобою».
II, 2 Так Гильгамеш свой сон толкует.
II, 3 *Си*дит Энкиду перед блудницей, —
II, 4 *Раскрыла Шамкату груди*, свой срам обнажила, —
II, 5 *Увидал Энкиду*, забыл, где родился.
II, 6 Шесть дней миновало, семь ночей миновало —
II, 7—8 Неустанно Энк*иду* познавал бл*удницу*.
II, 9—10 Блу*дница уста* открыла и вещает Энкиду:
II, 11 «Я гляжу на тебя — ты как бог, Энкиду!
II, 12—13 Зачем со зверьем в степи ты бродишь?
II, 14—15 Давай, введу тебя в *Урук* огражденный,
II, 16 К *свет*лому дому, жилищу Ану,
II, 17 Энкиду, встань, тебя поведу я
II, 18 К храму *Ан*не, жилищу Ану,
II, 19 Где *Гильгамеш* *со*вер*шенен* в деяньях:
II, 20—21 Ты *его увидишь* — *как* себя *полюбишь*!
II, 22—23 Встань с земли, с пастушьего ложа!»
II, 24 Услыхал ее слово, воспринял речи,
II, 25—26 Женщины совет запал в его сердце.

Примечания:

I, 12—13. В Ираке тяжести носят на спине, поддерживая их ремнем, натянутым на лоб.

I, 28. Дословно: «Урука площадного».

II, 4. В. фон Зоден переводит: «. . . они обняли друг друга».

II, 6. См. примечание к строке IV, 21 Таблицы I.

II, 7—8. Дословно: «Энкиду бодрствовал и оплодотворял Ша[мкату]».

II, 14—15. Дословно: «Урук площадной». Так всюду в старовавилонской версии. Мы везде в переводе выдерживаем единообразный эпитет «Урук огражденный».

II, 23. Перевод спорный.

В ряде случаев в переводе трехударные стихи заменены четырехударными.

I, 1. Строка из «ниневийской» версии, сохраненная колофоном Таблицы I.

СВ, II, 35. Дословно: «Между ними пастухи собралися».

НВ, а-е. Отрывок взят из нововавилонского фрагмента. В старовавилонской версии здесь лакуна в два-три стиха (четыре-пять строк).

СВ, III, 12—14. Дословно: «Ешь хлеб, Энкиду — подобающее жизни,/Сикеру пей, — судьбу страны (обитаемого мира)».

СВ, III, 15—16. Или: «По семи раз хлеба ел Энкиду».

СВ, III, 19. Дословно: «Развязались его печени, взыграли». Печень в представлении древних вавилонян — обиталище чувств.

СВ, III, 37. Восстановление «Гильгамешу» — ненадежное. Следует лакуна примерно в 13 строк, или около 8 стихов.

СВ, IV, 13. Дословно: «пригони человека».

СВ, IV, 17. А. Шотт читает: i-ku-uš-šu-um-ma i-ta-wa-šu «Она пошла к нему и заговорила с ним», что не вяжется с предыдущей строкой. Возможно чтение: i-ba-uš-šu-um-ma i-ta-wa-šu «Он подошел к нему и заговорил с ним», т. е. к Энкиду, с которым и начинается разговор.

СВ, IV, 20. Отсюда начинается едва ли не самый трудный отрывок в поэме, породивший множество разноречивых толкований. Исходим из следующего восстановления и толкования текста (учитывающего новейшие исследования, в частности В. фон Зодена):

22 bi-ti-iš e-mu-tim ik(?)-[lu ur-ḫa(?)]
23 ši-ma-a-at ni-ši-i-ma (24) tu-ša-ar e-lu-tim
25 a-na ālim ṭup(!)-šak-ki-i e-ṣe-en
26 uk-la-at ālim e-mi‹-id› ṣa-a-a-ḫa-tim
27 a-na šarrim ša Uruk^{ki} re-bé-tim
28 pe-ti pu-uk ni-ši a-na ḫa-a-a-ri
29 a-na ^{d}GIŠ šarrim ša Uruk^{ki} re-bé-tim
30 pe-ti pu-uk ni-ši (31) a-na ḫa-a-a-ri
32 aš-ša-at ši-ma-tim i-ra-aḫ-ḫi
33 šu-ú pa-na-nu-um-ma (34) mu-tum(!) wa-ar-ka-nu
35 i-na mi-il-ki ša ilim ḳá-bi-ma
36 i-na bi-ti-iḳ a-bu-un-na-ti-šu (37) ši-ma-az-zù

Bītiš emūtim — «в дом свойствá»; что такое представляет собой «дом свойства» — неясно; «дом» может означать и «род», т. е. род, с которым данное лицо находится в свойстве? С другой стороны, из дальнейшего видно, что в bīt emūtim совершался брак Гильгамеша с богиней Ишхарой (СВ, V, 28—29; ср. примечания к СВ, V, 21 — VI, 23) и что благодаря заступничеству Энкиду жители Урука совершали браки со своими женами в bīt

emūtim. В Уруке прекратились браки — граждане отправлены на работу, вместо законных жен их кормят блудницы. Право свершения брака в bīt emūtim принадлежит только Гильгамешу. Tūšarum=labān appim (B. Meissner. Beiträge zum assyrischen Wörterbuch, I. Oriental Institute of Chicago, Assyriological Studies, I, 1, Chicago, 1932, стр. 11) «преклонение, падение ниц; поражение, подчинение». Поэтому читаю e-lu-tim «высшим, высоким», а не kal-lu-tim (по Лэнгдону), т. е. «состояние жениха и невесты, обручение». Граждане Урука вынуждены подчиниться высшим? В. фон Зоден переводит здесь: «Судьба людей — избрание невест». Строки 25—26 перевожу по В. фон Зодену: «Городу он нагрузил строительные корзины,/Пропитание города он возложил на веселых (женщин)». Формы ē ṣēn и ē meṣā могли бы рассматриваться и как староаккадские запретительные формы (W. v. Soden. Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952, § 81, k) «пусть не грузится», «пусть не находится». Ana ḫajjāri = ana ḫā'irim «для молодого мужа», «для молодожена», или ana ḫajārim = ana ḫi'ārim «чтобы брачиться». Сложнее обстоит дело с puk nišī. Дословно это значит «барабан людей» (см. выше). Из Таблицы I (II, 10), мы знаем, что барабаном созывались люди Урука (на работу?). Отсюда понимание глагола petûm как «освобождать», «отменять»: «Для царя площадного Урука/Отменен барабан, (созывающий) людей, чтобы он мог сочетаться браком,/И он сожительствует с суженой (ему) женой». С другой стороны, возможно, что барабанный бой — здесь часть свадебного обряда, как мне предложила понимать Н. М. Постовская. Перевод строк 29—30 В. фон Зодена: «Для царя площадного Урука/Открыта сеть людей, для жениха! (Erstwerber)». Однако, если pukku здесь «сеть», но нельзя выше (I, II, 10) переводить то же слово как «барабан», как это делает Зоден. Свой перевод он поясняет следующим образом: «Гильгамеш присвоил себе jus primae noctis; мужи Урука должны были держать перед ним открытыми свои дома». Šū panānum-ma, mutum warkānu(m) «Он пусть (так поступал) прежде, (но и всякий) муж потом». Не обязательно видеть здесь указание на jus primae noctis. Отсюда получается следующее толкование отрывка, в котором мы видим обращение граждан Урука к Энкиду за заступничеством:

В дом свойства́ за[крыты пути(?)] —
Судьба людей — (не что иное, как) подчинение высшим!
Он нагрузил для города строительные корзины,
Кормление города он возложил на веселых женщин,
(А) для царя площадного Урука «открыт» (отменен) барабан, (созывающий) людей, чтобы (он) мог сочетаться браком,
Для Гильгамеша, царя площадного Урука, «открыт» барабан, (созывающий) людей, чтобы (он) мог сочетаться браком, —
(Только) он (пусть так поступал) прежде, (но и всякий) муж — потом:

В совете богов (так) сказано,
При перерезании его пуповины (такова) его (*т. е.* всякого мужа) судьба.

Понимая этот отрывок, как обращение жителей Урука к Энкиду за помощью, мы поймем, почему Энкиду после этого разговора отправляется в Урук. Перевод в тексте — приблизительный, передающий общий смысл отрывка согласно нашему толкованию.

СВ, III, 38 — СВ, IV, 7. Здесь Энкиду, вероятно, высказывал свое намерение пойти в Урук и сразиться с Гильгамешем.

СВ, V, 15. a-na-mi ^{d}GIŠ ma-ši-il pi-x-tam «На Гильгамеша, мол, похож . . . . .» Шотт восстанавливает pi-ri-tam «волосами».

СВ, V, 19. Читать: [i-na ma-a-ti da-an] e!-mu!-ḳí-i-šu(?).

СВ, V, 22. ka-a-a-na i-na [libbi] Uruk^{ki} ni!-ḳí-a-tum «Постоянно в Уруке (будут) благодарственные жертвы (возлияния)». Эту строку мы переставили по смыслу после стиха 23—24.

СВ, V, 25. Дословно: «для мужа, черты лица которого правильны».

СВ, V, 26—27. В подлиннике начало нового раздела не обозначено.

СВ, V, 31—32. Дословно: «Ночью соединялся (inne[m]ed) и futuebat eam». Речь идет об обряде священного брака, который Гильгамеш совершал с богиней Ишхарой. Из «ниневийской» версии видно, что священный брак Гильгамеша происходил в «доме свойства́» (см. ниже комментарий к строкам СВ, V, 21 — VI, 23).

СВ, VI, 11. Дословно: «Встретились на широкой улице (площади) страны».

СВ, VI, 12—13. Имеется в виду дверь «дома свойства́» (в нашем переводе «свадебного покоя»).

СВ, VI, 15—16. Дословно: «как быки преклоняли колени» (? — ilūdu; по В. фон Зодену).

СВ, VI, 17—18. Sippu — «помещение внутри башни городских ворот: дверной косяк».

СВ, V, 21 — СВ, VI, 23. В «ниневийской» версии сохранился фрагмент, соответствующий этим стихам (II, 35—50):

. . . . . .

Вышел Энкиду на улицу *огражденного* Урука:
«Назови *мне* тридцать могучих — *сражусь я с ними*!»
К дому свойства́ преградил дорогу,
Край Урука *к нему* поднялся,
Против него весь край собрался,
Народ *к нему* толпою теснится,
Все мужи *его* окружили (?) —
Как слабые ребята цел*уют его ноги*.

Для Ишхары было *постелено ложе* —
У Гильгамеша, как бог, появил*ся со*перник.
Энкиду дверь дома свойства́ преградил ногою,
Гильгамешу войти он не дал.
В двери дома свойства́ они схватились,
Сцепились на улице, на широкой дороге,
*Обруш*ились *сени*, стена содрогнулась.
. . . . . .

Примечание:

II, 36. [. . . . .]-e-(?) i-bi XXX (?) dan-nu-ti-ma [. . . . .].

Толкование очень сомнительное.

СВ, VI, 34. В подлиннике «Нинсу́на вместо «Ни́нсун».

СВ, VI, 37. Здесь кончается Таблица II старовавилонской версии и имеется колофон: «Таблица II. „Велик он более [всех человеков]“. 240 (строк)». Далее в старовавилонской версии начинается Таблица III. От всего первого и большей части второго столбца этой таблицы почти ничего не сохранилось, кроме отдельных слов, из которых видно, что речь шла о каком-то желании (или, может быть, о прежнем поведении Гильгамеша), от которого его кто-то отговаривает. По-видимому, Энкиду уговаривал Гильгамеша отстать от пороков. Два стиха (СВ, III, I, 13—14 и СВ, III, I, 19—20) приведены в тексте. Затем речь идет о Шамхат и о матери Гильгамеша. Далее идут строки, приведенные в тексте после отрывка «ниневийской» версии. В «ниневийской» версии (и соответственно в нашем переводе) этим отрывкам соответствует продолжение II песни. По-видимому, Гильгамеш решил изменить свое поведение. Он приводит Энкиду к своей матери. Далее следуют строки, приведенные в тексте (III, 43—IV, 13), продолжением которых и служит текст старовавилонской версии, начиная с СВ, III, II, 32.

IV, 10—13. В старовавилонской версии этим стихам соответствует:

Очи *его* *наполнились* сле*зами*,
О*печалилось* сердце, вздыхает *он громко*,
*Очи Эн*киду наполнились слезами,
Опечалилось сердце, вздыхает *он громко*.

IV, 11. В подлиннике: aḫā-šu irmā «опустились его руки». Эти идиоматическое выражение в аккадском языке означает не растерянность, а отсутствие дела, безделие (ср. выражение aḫā-šu iddī «бросил (положил) свои руки» в смысле «не сделал чего-то, бездельничал»). Услышав похвалу своей мощи, Энкиду огорчен, что не может ее применить к какому-либо делу.

IV, 12. Дословно: «Обнялись вместе, с[ели]».

IV, 13. В «ниневийской» версии следует разрушенная строка, затем сразу речь Энкиду, соответствующая строкам СВ, III, II, 38—39 старовавилонской версии.

СВ, III, II, 40—41. Дословно: «Вопли (?), друг мой, связали мои шейные жилы». Другой предложенный перевод этого темного стиха: «Подруги, друг мой, обнимали мои плечи(?)».

СВ, III, II, 45. Следует лакуна приблизительно в 4 строки (около 2 стихов). Эту лакуну мы заполнили условно двумя стихами, введенными для связности изложения. Что Хумбаба жил на Ливане, видно из дальнейшего.

СВ, III, III, 5. В старовавилонской версии — «Хувава», в «ниневийской» — «Хумбаба». Нами всюду единообразно переведено как «Хумбаба».

СВ, III, III, 16. Дословно: «На 10 000 (или «на 1»?) „бэру" кругом лес».

СВ, III, III, 17. Бёль восстанавливает: «[Один] проникал я в середину леса (?)».

СВ, III, III, 18. Дословно: «Хувава — гром его — потоп».

СВ, III, III, 23—24. В. фон Зоден (по Стивенсу) переводит: «Не устоять в сражении за жилище Хумбабы» (šu-pa-at вместо šu-ba-at).

СВ, III, III, 28—31. Восстановление произвольное.

СВ, III, III, 41. В подлиннике: «Могуч, не ложится», что составляет только одно полустишие; второе, по-видимому, ошибочно опущено писцом.

СВ, III, IV, 1. Отсюда начинается текст фрагмента «ниневийской» версии (V, 1); его первые два стиха совпадают со старовавилонской версией.

V, 2. Здесь и ниже в «ниневийской» версии: «для Ужасов людей судил его Эллиль», в старовавилонской версии (СВ, III, IV, 2): «Ужасы людей судил ему Эллиль». В шумерской версии (см. выше, стр. 110 сл.) говорится о «семи блесках Ужаса». Под «Ужасами» или «Страхами», видимо, разумеются лучи-духи, о которых идет речь ниже в Таблице V.

V, 3—6. Этот отрывок отсутствует в старовавилонской версии.

Фр. 4—11. По-видимому, в «ниневийской» версии был еще третий, не сохранившийся обмен репликами между Гильгамешем и Энкиду; от речи Энкиду остался небольшой фрагмент. От первых трех стихов его сохранились только слова «изобилие» и «гордый». Последний стих фрагмента повторяет выражение «Уста его — пламя, смерть — дыханье», содержащееся также в первой и второй репликах Энкиду. Это позволило нам вставить сохранившиеся стихи фрагмента третьей реплики Энкиду перед соответствующим выражением во второй реплике, соединив, таким образом, вторую и третью реплики воедино. Нам казалось нецелесообразным выбрасывать этот выразительный отрывок, между тем как на своем действительном месте он был бы окружен большими лакунами и потерял бы для читателя связь с контекстом.

Фр. 5. Дословно: «[Как бу]ря устраивает сраженье».

Фр. 7. Дословно: «[Буй]ный(?) [. . . . .], чей гнев — потоп».

Фр. 9. Дословно: «[Горы] сотрясаются, колеблются лесистые холмы».

Фр. 11. Знаки в этой строке сохранились, но смысл их непонятен.

V, 4. Дословно: «Слышит (*непонятное слово*) в пути [. . . . .] леса».

V, 5 В оригинале слово «кедровый» пропущено.

V, 7; СВ, III, IV, 3—4. В «ниневийской» версии «уста открыл» пропущено. Далее в этой версии шел, по-видимому, еще один обмен репликами между Гильгамешем и Энкиду, сохранившаяся часть текста которого использована выше (Фр. 4—11). Отсюда в переводе продолжается старовавилонская версия.

СВ, III, IV, 5. Или: «Кто, мой друг, из людей вознесся?»

СВ, III, IV, 14—15. Дословно: «Гильгамеш, мол, у свирепого Хувавы пал».

СВ, III, IV, 15—17. В подлиннике: (iš-tu?)/i-wa-al-dam-ma tar-bi-a i-na bīti-ja/iš-ḫi-iṭ-ka-ma *x x* ka-la-ma ti-di «После того как(?) / родился (бы?) мой потомок в моем доме (роде), / он прыгал (бы?) на тебя: „ . . . . всё ты знаешь!“». Более распространен перевод: «Много позже, когда / родился мой потомок в моем доме. . .» (следующая строка оставляется без перевода). Однако «много позже» смерти Гильгамеша в его доме не могут родиться потомки (о том, что у Гильгамеша уже были дети, в других местах поэмы не говорится, поэтому вряд ли здесь имеются в виду его будущие внуки).

СВ, III, IV, 26. Глагол lu-mu-ḫu переведен «я дам» (точнее: «пусть я дам», «я хочу дать») условно: точное значение его неизвестно.

СВ, III, IV, 37—38. Обычно переводят «[В в]оротах [Ур]ука, что́ о семи засовах / [. . . . .] услыхав, народ собрался». Но [. . . a-bu]-ul-la š[a Ur]uk^{ki} 7 i-di-il-šu (строка 37) можно перевести только «[. . . во]рота (вин. пад.) Урука, 7 засовов их». Поэтому мы предполагаем восстановление [ip-tu-ú] «открыли» либо в первой лакуне (строка 37), либо во второй (строка 38). В последнем случае нужно предполагать, что писец перенес конец стиха 37 в строку 38.

СВ, III, V, 2. Дословно: «Чьим именем постоянно дрожат (? wamālu) стра́ны» (по В. фон Зодену). Этот и следующий стихи в подлиннике трехударные.

СВ, III, V, 6. Дословно: «Пусть я наложу руку, пусть нарублю кедра».

СВ, III, V, 11. Стих в подлиннике трехударный.

СВ, III, V, 22—25. В подлиннике Гильгамеш явно шутит, говоря, что он боится Хумбабы, но содержание шутки не сохранилось. Наш перевод — условный.

СВ, III, V, 38. Дословно: «Отныне пусть я буду благополучен ду[шой]». Слово «душа» (napištu) часто употребляется в аккадском языке в смысле «жизнь».

СВ, III, V. 42. Tērtu — собственно ответ оракула, даваемый при гадании по печени ягненка. Шамаш был богом оракулов, и в гадании был заключен

ответ Шамаша на мольбу Гильгамеша. Гадание было, по-видимому, неопределенным и не содержало ни положительного, ни отрицательного ответа на запрос героя. Поэтому он решает отправиться в поход на свой риск и страх.

СВ, III, VI, 2—7. Эти сильно разрушенные строки восстанавливаются по-разному. Наше толкование условно.

СВ, III, VI, 3. В подлиннике разрушено только начало первого полустишия, но и оставшиеся знаки непонятны, кроме слов la i-di «не знаю» в конце строки. Наше восстановление очень условно.

СВ, III, VI, 5 Сохранившееся ina ḫud libbi дословно значит «в радости сердца», но идиоматически это выражение употребляется в смысле «добровольно». По другому толкованию содержание этой строки: «[То я буду тебя хвалить] в радости сердца».

СВ, III, VI, 8—11. В тексте сохранилось только:

[. . . . .]u-nu-zu	[. . . .] его утварь (снаряжение)
[. . . pa-aṭ]-ru ra-ḫu-tum	[. . . . кин]жалы большие (*именит.*, *не винит. падеж!*)
[. . . . .] ù iš-pa-tum	[. . . . .] и колчан» (*именит.*, *не винит. падеж*!)
[. . .] ḳá-ti iš-ku-nu	[. . . в] руку вложили» (*или* [что́ в] руку вложил»).

Таким образом, кинжалы, [лук] и колчан — не прямое дополнение к слову «вложил(и)», как в переводе.

СВ, VI, 14. An-ša-ni-tu — по Шотту «аншанский (лук)». Аншан — область в горах Элама, к востоку от Вавилонии.

Таблица III

Первая строка Таблицы III «ниневийской» версии соответствует строкам 17—20 VI столбца Таблицы III старовавилонской версии. Текст начала Таблицы III в «ниневийской» версии близок к тексту старовавилонской, но значительно короче. Поэтому в переводе мы продолжаем здесь следовать старовавилонской версии.

СВ, XI, 17—18. Сохранилось: « . . . . . приблизились . . . . . вернул в Урук».

СВ, VI, 21—22. В соответствующем месте «ниневийской» версии (I, 2—3): «На всю твою силу, Гильгамеш, не надейся, / Пусть насытятся очи, надежным сделай удар твой».

СВ, VI, 22. Дословно: «[Глаза] твои пусть будут зорки (?), береги себя самого».

СВ, VI, 25—26. Дословно: «[. . . . .] лéса проходы, / [X]увавы все (*непонятное слово*)». Высказывалось предположение, что непонятное слово значит «дай ему проскользнуть». Соответственно давался перевод: «[Внутри] леса (во) все проходы Хумбабы дай ему проникнуть». Но В. фон Зоден читает последнее слово как šibḳī «намерения, покушения».

СВ, VI, 30. Дословно: «Высказывание уст твоих пусть очам твоим покажет».

СВ, VI, 34—35. Дословно: «Ночь твоя слово, которому ты порадуешься, пусть принесет». Мы отнесли этот стих к Шамашу, так как он — бог предсказаний.

СВ, VI, 35—36. Дословно: «Лугальбанда да стоит с тобой в твоем желании».

СВ, VI, 37. Дословно: «В качестве юного победы достигни».

СВ, VI, 38—39. В подлиннике: ša tuṣammaru «как ты желаешь» — лишнее с точки зрения размера.

СВ, VI, 43. [. . . . .] ta-ḫa-za-as ^{d}Lugal-bànda «[. . . . .] ты будешь помнить Лугальбанду». Размер требует ударного слова в лакуне.

СВ, VI, 23—43. В «ниневийской» версии (III, I, 4 и сл.) короче:

Спасает товарища впереди идущий,
Кто знает тропу — охраняет друга.
Пускай Энкиду идет пред тобою, —
Знает он путь до кедрового леса,
Видел он битвы, бой ему ведом.

I, 9—12. Эти строки отсутствуют в старовавилонской версии.

I, 9. Дословно: «Энкиду пусть охраняет друга, товарища пусть бережет».

СВ, VI, 44—64. Этот отрывок взят из старовавилонской версии. Он либо вовсе отсутствовал в «ниневийской» версии, либо был перенесен после эпизода с Нинсун (I, 13—IV, 30).

СВ, VI, 48. В подлиннике, по-видимому, трехударный стих.

СВ, VI, 49. Сохранилось: «[. . . . .] скажи, и ты [. . . .] им».

СВ, VI, 50—52. В тексте лакуна в 3 строки и, вероятно, в 3 стиха.

СВ, VI, 53. Восстанавливаю: [šum-ka matātim it-ta-]nam-ma-la по аналогии с СВ, III, V, 2.

СВ, VI, 53—56. Сохранились настолько незначительные фрагменты текста, что наш перевод может быть только в высшей степени условным.

I, 22. Дословно: «Гильгамеш встал и вошел вн[утрь дома] цариц[ы]».

I, 26. Следует лакуна не меньше чем в 5 строк (и столько же стихов), восстанавливаемых на основании II, 15—18. Остатки строк, нумерованных нами как 30—33, находятся на обломке Британского музея K. 4474, точное место которого определить трудно. Но перед этим на том же фрагменте

сохранились концы двух строк, и текст, возможно, нужно восстанавливать так:

[a-di a-kaš-ša-du a-na ^{giš}kišti ^{giš}erē]ni (!)
[a-di ^{d}Ḫum-ba-ba da-pi-nu a-n]a-[a]r-šú
[. . . . .]-ta lab-ši
[šuk-ni a-na ^{d}Samaš ḳut-rin-]na ina maḫ-ri-ki
[. . . . .] šá ^{d}Gilgameš māri-ša
[. . . . . i]š iš-te-nem-me

Если такое восстановление правильно, то эти строки соответствуют I, 28—33 (или 34), как и считает Кэмбелл-Томсон, и частично перекрывают лакуну.

II, 10а. В подлиннике трехударный стих.

II, 18. В подлиннике пятиударный стих.

II, 19—22. Смысл этих плохо сохранившихся строк, по-видимому, следующий: когда завершается день, и Шамаш, бог солнца, не может более хранить Гильгамеша, пусть его супруга Айа (носящая постоянное прозвище «невесты») напомнит ему, чтобы он поручил хранить Гильгамеша звездам («стражам ночи») и (по Шотту) Месяцу — богу Сину, отцу Шамаша. Толкование это следует считать очень условным. — Следует лакуна не менее чем в 90 строк. Сохранились отдельные обрывки: «К пр[оходам . . .]», «Горы . . .», «Скот степи . . . .», «Ждет: . .», затем, после большого перерыва: «Мертвый . . .», «Наве[ки . . .], «К восходу [Солнца . . .]», «Анунна[ки . . . .]», «Пусть она не . . .», «Его (самого) . . .» (по-видимому, эпический повтор строк II, 20—21), « . . . путь» (повтор строк II, 13—14?), «Коснись, и . . .», «Чтобы он . . .», «Доро[га . . .]», «И . . .», «Пока Г[ильгамеш ходит и назад не вернется, пока не достигнет кедрового леса (?)]», «[День] ли . . . .», «[Месяц] ли . . . .», «[Год] ли . . .». Кэмбелл-Томсон относит сюда и фрагмент Британского музея 34191 (Sp. 297 = K 8573):

По слову Шамаша ты . . .
В воротах Мардука . . .
У края воды . . .
С тыла (?) он . . . .
В воротах (из) кедра . . .
Гильгамеш пе[ред . . . .]
А Энкиду . . .

Однако не только отнесение данного отрывка к этому месту, но и вообще к поэме представляется сомнительным. Упоминание Мардука, бога города Вавилона, являлось бы в ней анахронизмом и мыслимо было бы

только в поздней интерполяции. Перед началом приведенных далее в текст стихов (начиная с IV, 15) имеются еще остатки двух разрушенных строк:

[Шамаш (?) с не]бес к [. . . . . .]
[. . . . . .] Гильгамеша сделал [. . . . . .]

Здесь, по-видимому, заканчивается длинная речь — молитва Нинсун, предсказывающей героям их подвиги и наставляющей Энкиду.

IV, 17. Дословно: «Энкиду могучий, ты не выходец из моего срама».

IV, 18—20. Дословно: «Ныне я провозгласила тебя (*или, по Бёлю*: Отныне твоя слава — atmū) вместе с иеродулами (?) Гильгамеша, / Верховными жрицами, священными женщинами (храмовыми проститутками) и жрицами kulmašītu» (род жриц, которым было запрещено деторождение или дети которых, даже рожденные в браке, делались храмовыми рабами?).

IV, 21. Значение слова indi неясно, «талисман» — условный перевод. Ясно, что это какой-то символ посвящения Энкиду в культ.

IV, 22. «Жены бога» — верховные жрицы. Перевод строки условный.

IV, 23. «Дочери бога» — по-видимому, младшие жрицы. Глагол ú-rab-b[a-(?)-a(?) . . . . . .] может означать и «воспитывали», но в переводе принято прямое и первоначальное значение «возвеличивали».

IV, 24. Бёль восстанавливает иначе: «Я Энкиду [в сыновья] взяла».

IV, 28а. Этот стих в подлиннике отсутствует, но восстановлен нами на основании фрагмента Британского музея S. 2097, строка 13. Этот фрагмент, по-видимому, относится к речи Нинсун с наставлением Энкиду, строки же IV, 27—30 являются эпическим повтором этого наставления.

IV, 30. От дальнейшего текста Таблицы III сохранились только жалкие и по большей части непереводимые фрагменты. Так, сохранилось: «[Гиль]-гамеш . . . . . / . . . . . [. . . . .] / В воротах (из) кедра [. . . . .] / Энкиду в храме (?) [Шамаша устроил воскуренье], / А Гильгамеш в Эгаль[махе (?) (*или* во дворце . . .)] / [Устр]оил (?) воскуренье [. . . . .] / [. . . . .] . . . . . [. . . . .] / [. . . . .] . . . . . [. . . . .]».

Затем, после очень большой лакуны:

Пока не достигнет кедрового *леса*,
Пока не сразит он *свирепого Хумбабу* . . .

Затем идет фрагмент, относимый Кэмбелл-Томсоном к VI столбцу Таблицы III:

«*Энкиду*, *бере*ги товари*ща*, *храни ты друга*,
Переноси через рвы *его тело* —
Мы в совете *тебе* *царя поручаем*,
Как вернешься ты — *нам царя поручишь*!»

Энкиду уста *открыл и молвит*, вещает он *Гильгамешу*:
«Друг мой, обрати *лицо на дорогу к Хумбабе*,
Дороги не *бойся*, *на меня полагайся*
. [ ]».

Однако нам кажется маловероятным, чтобы здесь снова появлялись старейшины. Речь Энкиду явно соответствует строкам VI, 44 и следующим старовавилонской версии. Либо это вариантный текст к I, 9—12 «ниневийской» версии; (в дошедшем до нас основном тексте переход от благословения старейшин к предложению Гильгамеша пойти к Нинсун содержится в строках 13—14 и следующих I столбца Таблицы III, и мы сочли нужным вставить здесь старовавилонский текст СВ, III, VI, 44—64); либо этот отрывок относится к недошедшему до нас концу Таблицы II «ниневийской» версии. Всего в лакуне до конца Таблицы III ассирийской версии недостает около сотни строк.

Таблица IV

Таблицы IV и V дошли до нас в чрезвычайно разрушенном состоянии; большая часть фрагментов, которые различные исследователи относили к Таблице IV, как было доказано в дальнейшем, принадлежит к другим таблицам. В настоящее время к Таблице IV обычно относят фрагмент Британского музея K. 8591 (с дубликатом K. 13525), а также маленький нововавилонский фрагмент. Однако один из столбцов фрагмента K. 8591 некоторые исследователи относят к Таблице V, — очевидно, полагая, что в той копии поэмы, к которой относился этот фрагмент, деление на таблицы было иным?

НВ, а—д. Нововавилонский фрагмент. До него и после него — лакуны, занимающие в общей сложности около 45 строк до конца первого столбца.

НВ, г. Дословно: «Путь месяца и пятнадцати дней».

НВ, д. Как полагает Шотт, колодец делался для совершения возлияния Шамашу, который предсказывал героям будущее в снах. — Столбцы II, III и IV Таблицы IV «ниневийской» версии — всего около 150 строк — не сохранились. Неясно, куда относятся фрагменты Британского музея K. 8586 и S. 1040, излагающие сны Гильгамеша. Если в плохо сохранившемся отрывке II столбца фрагмента K. 3252 (Таблица V) действительно содержалось предложение Энкиду обратиться к гаданию по сновидениям (как считает А. Шотт), то очевидно, что спорные отрывки должны относиться к Таблице V; однако это далеко не достоверно. С другой стороны, если сны относятся к Таблице V (где для них маловато места), то неясно, что же было содержанием Таблицы IV. Поэтому, следуя за Б. Ландсбергером, мы относим фрагменты K. 8586 и S. 1040, которые мы дополнили фрагментами описания тех же снов, сохранившимися в хаттусской и старовавилонской версиях, к Таблице IV.

СВ, 1—17. Отрывок взят из старовавилонского фрагмента, опубликованного в 1957 г. ван Дейком в иракском журнале «Sumer».

СВ, 3а. Ван Дейк читает: «Земля расщепилась, земля опустела, земля смутилась».

СВ, 5. Дословно: «От его (!) клича землю . . . .

СВ, 9а. Перед этой строкой: «Хватает . . . окружающий мои бока,/р[ук]у свою вырвал . . . на . . . земли́/ . . . . . выпил». Следующих за этим двух стихов в старовавилонском подлиннике нет; они добавлены, чтобы сохранить единообразие с «ниневийской» версией.

СВ, 11. «Необычно» — собственно «чудно, странно, иное».

СВ, 15. Дословно: «Это твой бог, который оказывает тебе почесть, а именно Лугальбанда».

СВ, 17. Читаю ša la i-ma(!)-aš-šu-ú i-n[a mu-t]im (?). Изложение второго сна, следующее после этого стиха, дано в «ниневийской» версии вкратце и дополнено нами по хаттусской версии. В последней описание первого сна кончается (после остатков двух неясных строк) словами Энкиду: «Сон твой меня порадовал более [. . . . .]». Далее, после черты, означающей новый раздел, начинается стих ХВ, 5. Что предшествовало второму сну в «ниневийской» версии — неизвестно. Текст, дополненный нами перед ХВ, 5, восстановлен по аналогии с дальнейшим.

ХВ, 6. Дословно: «Сон, остающийся (?) людям, победил [их]».

ХВ, 8. Переведено в соответствии со стандартным оборотом «ниневийской» версии, сохранившимся ниже; в хаттусской версии: «Сон он рассказал Энкиду, другу».

ХВ, 9—11—10. Порядок стихов и текст даны в соответствии с «ниневийской» версией (IV, 10—12). В хаттусской версии текст несколько отличался и сохранился неполностью, а порядок стихов был: 9—10—11.

III, 32—34. Перевод сделан по «ниневийской» версии (здесь начинается фрагмент Британского музея K. 8586). Этим стихам в хаттусской версии соответствуют строки ХВ, 12—14:

«За первым сном моим — второй [я увидел]:
Во сне моем, друг мой, гора [упала],
Меня повалила, ноги мои придавила, . . . [. . . .]».

III, 35. По «ниневийской» версии. Дословно: «Мы как москиты тростниковых зарослей, . . . [. . .]».

ХВ, 16. Дословно: «В мире (стране) прекрасна красота его, [. . . . .]».

ХВ, 18. Дословно: «водой напоил меня, и сердце мое успокоилось». Далее — по «ниневийской» версии.

III, 48. Дословно: «Муке́ (лучшего сорта) своей он дал перейти [в колодец (?)]».

III, 49—50 и IV, 1—2 совпадают (?); (с IV, 1 начинается фрагмент Британского музея S. 1040, принадлежавший к другому списку).

IV, 6. Kinṣu — собственно, скорее, «бедро»; возможно, Гильгамеш положил голову на бедро Энкиду.

IV, 7. Дословно: «Сон, льющийся на людей, на него повергся».

IV, 14. Дословно: «во всём вызывающий содрогание».

IV, 21. Дословно: «Спустимся в степь, посоветоваться мы можем (должны)».

IV, 22. Далее лакуна неопределенной длины. Предположительно после 60—70 строк следует поместить фрагмент Британского музея K. 8591. Обычно его относят к концу IV таблицы, считая, что его столбец A соответствует V столбцу Таблицы IV, а столбец B — VI столбцу Таблицы IV. Однако Кинниер-Уилсон[1] предложил считать этот фрагмент началом Таблицы V, причем столбец B соответствует I столбцу Таблицы V, а столбец A — II столбцу Таблицы V. В промежутке между отрывками B и A следует поместить отрывок Британского музея K. 3252 + 8561, являвшийся (в другой копии?) началом I столбца Таблицы V. Так как по обычному делению отрывок K. 3252 + 8561 считается началом таблицы, то, следуя Кинниер-Уилсону, мы должны были бы столбец B фрагмента K. 8591 отнести к Таблице IV, а столбец A — к Таблице V (после отрывка K. 3252 + 8561). Однако мы предпочли придерживаться традиционного распределения фрагментов.

V?, 40. Сохранилось: . . .]-ma iz-ziz-za-am-ma [. . . « . . . он стоит», или «подступи».

V?, 41. Следует восстановить: [ki-ma dan-nu] ^{d}Gilgameš pir-ḫi šá Uruk^{ki} [lu-šeš-mi māta] или какой-либо аналогичный вариант, соответствующий строке III, V, 4 старовавилонской версии в порядке повтора. Вместо «ты» в подлиннике «Гильгамеш».

V?, 42—42a. [^{d}Gilgameš iš-me-]e zi-kir pi-i-[šú . . . . . -nu-um-ma tuk-ku-ul a-na . . . . . -šu] «[Гильгамеш услыш]ал слово уст [его . . . . . и положился на свою . . . . .]». Ср. вариант K. 13525:

[^{d}Gilgameš] iš-me-ma [zi-ḳir pi-i-šú]
[. . . . .]-nu-um-ma tuk-ku-ul [a-na . . . . . -šú]

V?, 44. Дословно: «[не спу]стился бы». «Входить», «углубляться» в лес всегда передается глаголом warādu «спускаться».

V?, 45. Хумбаба имеет семь «шейных одеяний» (TÚG.GÚ.È^{meš}), или семь «Ужасов» (pulḫi'ātum), или семь «лучистых сияний» (melemmū). Каждое из них придает ему божественную силу и представляет самостоятельное полубожественное существо, которое нужно отдельно «убить».

V?, 46. Перевод условный. В подлиннике: [ištēn^{en}] ḫa-lap-ma šeššu šá ḫi(?)-iṭ(?)-ṭì-šu-nu [. . . . .] «[Одно] надето, а шесть, взирать (??) на которые [. . . . .]».

[1] Изложение теории Кинниер-Уилсона — по живой записи его выступления на VII международной встрече ассириологов.

V?, 47. Kīma ri-i-mu kad-ri it/d-ku-p[u . . .] (по Бёлю). Возможно, далее следовал в этой же строке короткий стих, условно восстановленный нами как V, 47а.

V?, 48. Первая половина стиха переведена по В. фон Зодену, вторая — по Р. Кэмбелл-Томсону: ma-li pi-[i-šu].

V?, 49. Сохранившийся стих (дословно: «страж лесов кричит») составляет лишь половину строки.

V?, 47—V?, 50а. Структура стихов условно реконструирована нами.

VI?, 24. Восстановление по Р. Кэмбелл-Томсону.

VI?, 25. [i-la-'a ḳa-]te-e-ma i-man-g[i i-di] — восстановление Р. Кэмбелл-Томсона, дословно: «[Ослабели ру]ки (кисти) и онеме[ла (парализована) моя рука (предплечье)]». Восстановление А. Шотта: [^{giš}daltu ina pe-]te-e-ma i-man-g[i i-di] «[При отк]рывании [двери] была парализов[ана моя рука]» неприемлемо; см. примечание к Таблице VII, строка I, 34 сл.

VI?, 28—29. В тексте: [. . . ni-]te-et-te-ḳa ka-li-šu-nu [šadî^{i}-ma(?)] / [ki-i ni-i]p-la-ḫu š[ú(?)-a]-tum ina pa-ni-ni : *x*-ma ni-it-*x*-su «[. . . мы] уже перешли все [горы], / [Так как же мы] убоялись э[той (??)] перед нами?/ . . . . мы . . . . . ее.

VI?, 30. В подлиннике два трехударных стиха.

VI?, 31. Условно восстанавливаю: [ne-e-š]i tal-tap-pit-ma ul ta-ad-dar [ri-i-mi].

VI?, 32—33. Сохранились фрагменты текста:

[. . . .]-iš(?)-ma KI-ja NE-ši-ma su-un-[. . . . .]
[. . . .]-ma(?) li-li-su lu-u šá pu-*x*[. . . . .]

Здесь KI-ja, по-видимому, значит «со мной», NE-ši-ma читать bil-ši-ma «принеси ее» или ne-ši-ma «львов»; li-li-su, по-видимому, «большой барабан».

VI?, 35. Перевод очень условный, хотя принятый и другими исследователями. В тексте: [. . . . .]-u(?) iz-ziz (или iṣ-bat?) ib-ri iš-te-niš nit-[. . . . .] (*или* uš-[. . . . .]) «[. . . . .] . . . стоял (*или* схватил, взял), друг мой, вместе мы(?) . . . . . »

VI?, 36—36а. В подлиннике два стиха: один трехударный, другой четырехударный: [ḫu-n]u(?)-ub lìb-ba-ka tu-ḳu-un-tu : mu-u-tú mi-ši-ma l[a t]u-*x*-[. . . . .] [Обог]ати(?) твое сердце для сражения,/Смерть позабудь и не . . . (повелительное наклонение, однако не «не бойся», как в переводе!).

VI?, 37—38. В подлиннике распределение стихов иное:

[dan(?)-n]u it-bal-lu pit-ḳu-du a-me-lu

[ša maḫ-ri] illaku^{ku} pa-gar-šú iṣ-ṣur tap-pa-a li-šal-lim

[Сильн]ый (?), подвижный (?), осмотрительный (надежный) человек,

[Что впереди] идет, тело свое охранит (и) товарища обережет, т. е. последний стих — шестиударный с двумя цезурами.

VI?, 39. По А. Шотту: [ina mi-i]t-ḳu-ti-šu-nu šu-ma iš-tak-nu.

VI?, 40. Перевод по П. Иенсену.

VI?, 41. Перевод по А. Шотту.

Таблица V

I, 4. Дословно: «Где Хумбаба бродил, проложен шаг».

I, 6. Parakku «возвышение для трона». Ирнини — имя Иштар как богини мертвых.

I, 11—12. Восстановление условно. После строки 12 — четыре разрушенные строки («. . . мощь(?) как . . . . . .»), затем лакуна приблизительно в 35 строк. — От начала II столбца сохранились отрывки 27 строк; в строках 18—24 А. Шотт видит указание на то, что Энкиду предложил прибегнуть к гаданию по снам, и поэтому после II столбца переносит отрывки, рассказывающие о снах Гильгамеша. От II столбца сохранилось следующее:

1. Как только кинжал [. . . .
2. [Который] из футляров(?) [. . . .
3. [. . . . .] . . . пусть поднимутся(?), ты(?) [. . . .
4. . . . [. . . . .] кинжал [. . . .
5. . . . [. . .
6. При[крылся . . . (*или* по[рос(?) . . .)
7. Хумба[ба . . .
8. Не по[шел . . .
9. Не по[шел . . .
10—16. (*Ничего не сохранилось*).
17. Эллиль пусть [. . . .
18. Энкиду уста [открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:]
19. [. . . .] Хумбабу [. . . .
20. [. . . . .] один другого [. . . (*или* «один за другим»?)
21. . . . . .
22. muš-ḫal-ṣi-tim-ma (*заставительное причастие женского рода от корня* ḫlṣ') [. . . .
23. Пусть погубит тебя (??) (*может быть* «Я могу погубить тебя»?) [. . . .
24. . . . .] пусть будут втройне (трижды) [. . . .
25. . . . .] сильный я . . . . [. . . .
26. . . . .] . . . . твой . . . [. . . .
27. . . . . т]ы(?) взял(?) [. . . .

Далее в «ниневийской» версии сохранились лишь ничтожные фрагменты V и VI столбцов. От V столбца сохранилось лишь обращение Энкиду к

гамешу со словами: «Д[руг] мой, я говорю тебе . . .» О фрагментах VI столбца см. ниже, комментарий к VI, 47. — Текст восполнен по другим версиям. Первые фрагменты (ХТ) — из хеттского перевода поэмы.

ХТ, II, 11—12. Перевод ненадежный.

ХТ, II, 13. В подлиннике: «Шамаш небесный». Перевод здесь и далее соответственно принятому в «ниневийской» версии эпитету.

ХТ, IV, 24—25. Перевод ненадежный.

ХТ, IV, 30. Далее — после лакуны неопределенного размера — фрагмент старовавилонской версии (так называемая «Таблица Бауэра»). От первых 8 строк этого текста остались незначительные фрагменты (сохранилось слово «лес»).

СВ, 10. i-na *xxx*[. . . . . i-]na ka-ša-dim(?)-ma «В . . . . . при достижении».

СВ, 11. «Лучи сиянья» — в подлиннике melemmū. Эти лучи — самостоятельные магические существа.

СВ, 14—17. Дословно: «Друг мой, птицу поймал, и куда же пойдут ее цыплята? / Лучи сиянья потом пусть мы найдем, / как цыплята бегают в траве (так они разбегутся). / Самого его, вернись, срази, прислужника его срази [после] него».

СВ, 21. Дословно: «Гильгамеш рубанул его по шее».

СВ, 27—28. It-ti-šu i-[n]e-er-m[a (?)*x*]-*x*-ri(?) En-ki-du$_{10}$ / ki-ša-tim [. . . . .] ^{giš}érēnam «С ним сразил [. . . . .] Энкиду леса́ (лесов?) [и (?)] кедр (кедра?)».

СВ, 29. I-ne-er En-k[i-du$_{10}$ *xxx*-r]i ki-ša-tim «Сразил Энкиду [. . . . .] . . . лесов».

СВ, 31-32. Ip-ša-[ḫu . . . . .] šadū(ē)^{meš} / ip-š[a-ḫu . . . . .]-tu ḫur-ša-nim «Успок[оились . . . . .] го́р(ы), / Успо[коились . . . . .] лесистой горы».

СВ, 33. I-ne-er ḫa-a[r-ri . . . . .] ^{giš}erēni «Он сразил . . . [. . .] кедра».

СВ, 34. Ḫe-pu-tim ra-*x*[. . . . .] «Разбитые . . . . . [. . . . .]». Перевод — совершенно условный. Далее в той же строке начинается новый стих.

СВ, 34а. «Всех семерых» — очевидно, семь духов, помогавших Хумбабе в облике «лучей сиянья».

СВ, 35. Сеть являлась в древнем Шумере боевым оружием. Запутавшегося в сети врага убивали палицей.

СВ, 36. Снял с его перевязи (? — rikistu). Бёль вместо «его» переводит «своего» и относит эти стихи к Энкиду.

СВ, 37. Жилище Ануннаков (божеств земли, в подлиннике E-nu-na-ki) — кедровый лес Хумбабы.

СВ, 38. Шестиударный стих. Слово urmazilī (по Бёлю — tašmaṣilī) неизвестно, «пни» — догадка Т. Бауэра.

СВ, 40. Кедр — это сам Хумбаба.

СВ, 40 — 44. Перевод условный. В подлиннике:

[. . . . .] ^{d}GIŠ ne-er ^{giš}erēnu/am
[. . . . . a-n]a i-te-e-ka
[. . . . . tu-b]u-uk(?)
[. . . . .] a-ḫi Pu-ra-tim
^{giš}erēnu/am
[. . . . .] Гильгамеш, сражен кедр,
[. . . . .] на боку твоем (рядом с тобой ?),
[. . . . . нал]ей (?)
[. . . . .] берег Евфрата
кедр!

В строке СВ, 40, в отличие от Т. Бауэра, я воспринимаю ne-er не как повелительное наклонение «сразу», а как так называемый статив — «сражен». На этом месте в старовавилонской версии таблица кончалась, но в этом списке таблицы были более короткие, и их, вероятно, было больше.

VI, 47. Конец Таблицы сохранился на фрагменте Британского музея K. 3252 «ниневийской» версии, где читается: « . . . . вторично до . . . . . бросили . . . . . 2 . . . . . Энкиду». Затем последняя строка: «[. . . . .] голову Хумбабы [. . . . .]». Следует колофон V таблицы.

Таблица VI

Сохранилась почти полностью в «ассирийской» («ниневийской») версии в двух вариантах — из библиотеки царя Ашшурбанапала в Ниневии (VII в. до н. э.), и в фрагментах из библиотеки времен царя Тиглатпаласара I в Ашшуре (XII — XI в. до н. э.). Недавно найден отрывок старовавилонской версии конца VI песни. Нумерация строк перевода — по сводному тексту «ниневийской» версии (в различных копиях деление на строки не совпадает). «Периферийная» версия поэмы (в частности, сохранившийся фрагмент текста хаттусского варианта) излагает события Таблицы VI совершенно иными словами и гораздо короче. Сразу после своего предложения Иштар поднимается на небо и говорит Ану, что она «выбрала шестимесячного бычка», которого просит выпустить на Гильгамеша. Поношение богини Гильгамешем опущено, очевидно, из религиозных соображений и вопреки логике развития сюжета.

1—6. Стихи 1 и 3 — с внутренней рифмой, при этом стих 2 рифмуется со стихом 3. Мы дали в переводе внутренние рифмы во всех трех первых стихах ценой некоторого отступления от точности. Дословный текст см.

в статье, стр. 141. Malū, по мнению большинства новейших исследователей, означает «грязные, свалявшиеся волосы». Однако это значение вряд ли подойдет, например, в Таблице VII (III, 47). Возможно, что это слово означает также «власяницу», «вретище», «рубище», «грязную рваную одежду», «рвань, грязь». Aṣāti (мн. ч.) — род одежды, точное значение неизвестно. Aguḫḫu — по-видимому, перевязь. Древние шумерийцы носили широкую юбкообразную одежду с нашитой (?) на нее бахромой, такой же плащ и перевязь через плечо. Agû — царская шапка.

7. Ашшурский вариант: «Давай, Гильгамеш, будь мне женихом».

8. Дословно: «Плод твой (в) дар подари мне».

9. Вероятно, древняя формула, произносившаяся невестой при бракосочетании, собственно: «Только ты пусть будешь моим мужем, я пусть буду твоей женой».

10. Дословно: «Пусть я дам запрячь тебе колесницу (из) золота и лазурита».

11. Древнейшая колесница имела впереди род «рогов», соединенных между собой палкой, через которую перекидывались вожжи. Elmēšu — ценный сплав, в позднее время — латунь (?), здесь, вероятно, электр (сплав золота и серебра).

12. Дословно: «пусть будут тебе впряжены бури — большие мулы».

15. Дословно: «Помещение внутри башни городских ворот и возвышение пусть целуют твои ноги». В городских воротах сидели нищие, на возвышении ставилось кресло знатного человека.

17. Первое слово переведено условно, акк. NAR·NAR-di — значение неизвестно.

24—32. Этот разрушенный отрывок реконструируется по-разному. Так, А. Шотт переводит: «[Что я должен] тебе [дать, если] возьму тебя в жены? / [Разве тебе нужно помазание для] тела [или разве тебе нужны] платья? / [Разве тебе не хватает] хлеба или пропитанья?/[Правда, у меня есть еда], достойная богов, / [есть напит]ки, достойные царственности:/ . . . . . / . . . . . /[Но зачем? На улице, там] пусть будет твое местопребывание, / . . . Плащом [да] будешь [ты] одета,/[Тогда] тебя возьмет, [кто пожелает!]» Однако восстановление Шотта стилистически расходится с дикцией поэмы, не помогает делу и поправка В. фон Зодена: «Что я должен тебе дать (в качестве платы блуднице), если возьму тебя?», так как глагол aḫāzu значит «брать в жены», и Иштар предлагает себя именно в жены, так что о плате блуднице не может идти речь. Строки 27—28 восстанавливаются на основании эпического повтора в Таблице VII, строки III, 36—38:

šá ú-šá-ki-lu-ka ak-la si-mat ilu-ú-ti
ku-ru-un-na iš-ḳu-ka si-mat šarru-ú-ti
ú-lab-bi-šu-ka lu-ub-šá ra-ba-a

Что я накормил тебя хлебом, достойным божественности,
Питьем напоил тебя, достойным царственности,
Одел тебя великой одеждой . . .

Очевидно, и здесь надо восстановить:

[lu-šá-kil-ki] ak-la si-mat ilu-ú-ti
[ku-ru-un-na lu-uš-ḳí-k]i (!) si-mat šarru-ú-ti
[Я накормлю тебя] хлебом, достойным божественности,
[Питьем напою теб]я, достойным царственности.

Это восстановление дает ключ к реконструкции всего отрывка.

29. Читаю: [. . . . . lu-uš]-tal-'i-il.

30. А. Шотт читает: [. . . . .] lu-u uš-bu-uk = lū ušbu-ki «пусть будет твое обитание». Однако от знака u сохранилась лишь часть, — может быть, здесь ошибка писца или случайный штрих от стертого знака? Предлагаю — без уверенности — читать: lu(!)-uš-pu-uk «пусть я насыплю». Сокращенные формы притяжательных местоимений, тем более в конце стиха, не характерны для поэмы.

34. Dalat arkabinni — черная, или недоделанная, раскрывающаяся дверь (В. фон. Зоден).

36. Pi-i-ru обычно означает «слон». В переводе А. Шотта, переработанном В. фон Зоденом, — «Слон, который сорвал свою попону». Но в это время еще не было ручных слонов. Бёль и Спайзер предлагают переводить «тюрбан», но оба перевода не дают хорошего смысла. Наш перевод «колодец» — условный.

39. Дословно: «Известняк, раздавивший [каменную ст]ену».

40. Обычно переводят: «Яшма, [погубившая хозяина] во вражьей земле». Однако Э. А. Спайзер и Бёль вместо «яшма» переводят «таран».

43. Дословно: «Кто твой пастушок . . .» Конец строки неясен: [. . . . .] i-lu-ú. Īlū означает «поднялся», «поднялись». Спайзер предлагал читать i-tib-ú «мил».

44. Al-kim-ma lu-up-pi-[. . . . .]-ta ḫa-ar-mi-ki. Ḫarmu — мужской род к ḫarimtu «блудница». Восстановление глагола не предложено. Дословно: «Давай, пусть я . . . . . твоих блудников».

46—47. Если правильно понята шумерская поэма о хождении Иннин—Иштар в преисподнюю, Иштар выдала своего супруга Думузи (Таммуза) богине преисподней, Эрешкигаль, как выкуп за себя. Ежегодное оплакивание Таммуза — характерная черта древневосточных весенних обрядов.

50. «Мои крылья» (акк. kappī), — по-видимому, подражание крику птицы «пастушка́» (какая это птица — в точности неизвестно).

54. Дословно: «Кнут, заостренную палку и плеть».

56. Дословно: «мутить и пить».

57. О богине Силили из других источников ничего неизвестно.

58. В «ниневийской» версии: ta-ra-mi-ma $^{am\bar{e}l}$rē'â utulla (вар. ta-bu-la), в ашшурской: ta-ra-mi-ma re-'a-a ṣna-ḳid-da u-tul-lu. И rē'û, и utullu, и naḳidu означает одно и то же — «пастух». Слово ta-b/pu-la непонятно. «Козопаса» добавлено нами условно.

59. Дословно: «Который постоянно высыпал тебе зольные хлебцы».

60. Вместо «сосунков» (unīḳēti) в ашшурской версии «жертвы» (niḳēti).

64. Дословно: «Ты любила Ишуллану, садовника твоего отца».

69. Дословно: «И рука твоя пусть даст выйти, коснись нашего стыда».

73. Pīšāti (вместо bīšāti) u errēti, по Т. Бауэру, «смрадные и гнилые (вещи)»; по А. Шотту, errēti «проклятья», pīšāti он условно переводит «колдовские чары», В. фон Зоден также условно переводит «посрамленье». По Бёлю — здесь игра слов.

74. Дословно: «От стужи (трава) альфа (будет ли) моей покрышкой?» Из травы альфа изготовлялась грубая ткань, вроде мешковины; возможно, ее носили кающиеся.

76—78. Слово dallālu (дословно «тот, кто трудится», «тот, кто несет повинность») предлагают переводить либо «крот», либо «паук». Однако крот, по крайней мере в настоящее время, не водится в Месопотамии. Толкование зависит от перевода непонятных слов ma-na-[. . . . .], mi-iḫ-ḫa и da-ku-[. . . . .]. Э. Спайзер оставляет эти три слова без перевода, А. Шотт переводит: «почвенный слой», «холмик» и «ход», Л. Матоуш — «водоподъемное колесо», «подъем воды», «засуха». Наш перевод — «паутина», «потолок» и «пол» — условный.

82. В «ниневийской» версии: «отправившись», в ашшурском варианте: «поднявшись».

86. Pīšātija ū errētija — стих с внутренней рифмой.

91. В подлиннике здесь выделен новый раздел.

94. В ашшурском варианте два трехударных стиха:

Отец мой, быка создай мне,
Гильгамеша пусть убьет . . . [. . .] в его жилище.

Перевод «бык» всюду не вполне точен: alū, шум. gud-an-na означает «небесный чудо-бык».

95. Неясная строка: ^{d}Gi[lgameš? ú-]mal-la-a [. . . . .], отсутствующая в ашшурском варианте.

97—100. Постоянный эпический повтор, встречающийся и в других эпосах. Текст восстановлен по «Хождению Иштар в преисподнюю»:

Amaḫḫaṣ dalta sikkura ašabbir
Amaḫḫaṣ sippa-ma ušabalkat dalāti
Ušellā mītūti ikkalu balṭūti
Eli balṭūti ima'adu mītūti
Ударю я в дверь, засов разломаю,
Ударю в косяк, повышибу створки,
Подниму я мертвых, живых съедят,
Больше живых умножатся мертвые.

В тексте эпоса о Гильгамеше был близкий, но несколько иной вариант, не поддающийся полной реконструкции:

Amaḫ[ḫaṣ dalta [. . . . .]
Ašak[kan . . . . . /. . . . .]
Ušellamma mītūti ikkalu balṭūti
Eli balṭūti ušam'adu mītūti.

В ашшурском варианте — лишняя строка, и Р. Франкена напрасно соединяет ее с началом строки 97 «ниневийской» версии:

[a-maḫ-ḫaṣ . . . . .] šub-ti-šú
[a-šak-kan . . . . a]-na šap-la-t[i]

В действительности, вероятно, надо восстанавливать:

[šum-ma ^{d}Gilgameš la i-nar ina] šub-ti-šú
[. . . . . a-]na šapla-t[i]
[Если Гильгамеша он не убьет в] его жилище/ [. . . . .] вниз.

100. В подлиннике стих с внутренней рифмой; далее выделен новый раздел.

104—106. Здесь строки разбиты и в «ниневийском» и в ашшурском вариантах, но текст их расходился. В ашшурской версии:

[. . .] . . . māti^{ti} Uruk^{ki} VII [šanāt]
[p]i-i lu t[u-pa-ḫi-ri] . . .
[В] краю Урука будет 7 [лет]
Солома, пусть ты [соберешь] . . .
(*Далее текст обрывается*).

В «ниневийской» версии:

[ina māti Uruk^{ki} VII šanāti p[i-i]
[. . . . . t]u-pa-ḫi-[ri]
[. . . . . tu-uš-]rab-bi šammī^{pl}
«[В краю Урука будет] 7 лет со[ломы],
[. . . . . ты] должна собрать,
[. . . . . ты должна] вырастить травы.

Восстановление строк 104—106 «ниневийской» версии — по П. Иенсену. Pû означает не только «солому», но, вероятно, и «пустые колосья».

106. В подлиннике здесь выделен новый раздел.

109—110. Возможно, в подлиннике два стиха.

118. В «ниневийской» версии остатки одного стиха:

[. . . . .]-a-ši-ma a-na [. . . . .]
[Он(?) . . . . .] ее и для [. . . . .]

В ашшурском варианте остатки двух стихов:

[. . . . .] . . [. . . .] a-le-e [. . . .]
[. . . . .] [. . . . .]-šá iš-kun
[Он? . . . . . ее и для . . . . .] быка
(род. падеж) [. . . . .]
[. . . . .] ее [. . . . .]
устроил.

Наш перевод — условный.

121. Сохранились отдельные непонятные знаки.

А, IV, 9′—10′ сл. Текст, соответствующий строкам 122—131 «ниневийской» версии, довольно хорошо сохранился в ашшурском варианте:

IV, 9′ ú-rid a-na^{nā}[^{r} Puratti] VII . . . [. . .] . . . [. . .]
IV, 10′ nāru . . . [. . . . .]di[. . .]
IV, 11′ i-na ni-ip-še-šu ša a-le-e
IV, 12′ šu-ut-ta-tu ip-pe-te-m[a]
IV, 13′ I ME ^{LÚ}eṭlē^{meš} šá Uruk^{ki}
IV, 14′ im-ta-ḳu-tu$_4$ ina libbi[^{bi}]
IV, 15′ a-na II^{kam} ni-ip-še-šu šu-ut-ta-tú ip-pe-te-ma
IV, 16′ [II] ME ^{LÚ}eṭlē^{meš} šá Uruk^{ki} KIMIN
IV, 17′ [ina] šal-ši ni-ip-ši-šu šu-ut-ta-tú ip-p[e-t]e-m[a]

IV, 18′ [^{d}E]n-ki-dù it-ta-ḳut a-n[a] lib[bi^{b}]^{i}-[šú]
IV, 19′ [i]š-ḫi-ṭam-ma ^{d}En-ki-du a-[la-a iṣ-ṣa-bat ina ḳar-ni-šu(?)]
IV, 20′ GUD.AN.NA ina p[āni(?)-šu is-su-ka ru-pu-uš-ta(?)]
. . . . . .

Спустился к рек[е Евфрату], семь [. . . . . .]
река [. . . . . .]
(Шестиударный стих с двумя цезурами)
От дыханья небесного быка яма раскрылась,
100 мужей Урука свалились туда,
При втором дыханье его яма раскрылась,
[2]00 мужей Урука (*знак повторения*),
[От] третьего дыханья его яма ра[скр]ылась,
[Э]нкиду свалился [туда].
[В]скочив, Энкиду [схватил] неб[есного быка за рог его(?)]
Небесный бык в [лицо его брызнул слюной].

В «ниневийской» версии текст был изложен иначе:

а) Один из фрагментов:

122 ú-rid a[na ^{nār}Puratti . . . . . .]
(Очевидно, был обычный четырехударный стих)
123 ina ni-ip-ši-šu [. . . . . .]
124 II ME eṭlē^{meš} [. . . . . .]
125 [ina II]-e n[i-ip-ši-šu . . . . . .]

. . . . . .
Спустился к [Евфрату, ...],
От дыханья его [. . . . . .]
200 мужей [. . . . . .]
[От второ]го ды[ханья . . . . . .]

б) Другой фрагмент:

125 ina II-i ni-ip-š[i-šu . . . . . I ME] eṭlē^{meš}
126 [im-ta-ḳu-tu] a-na libbi^{bi}.
(Кэмбелл-Томсон — без уверенности — считает, что это конец предыдущей строки)
127? II ME eṭlē^{meš} [im-ta-ḳu-tu a-na libbi^{bi}] III ME eṭlē^{meš}
128? [im-ta-ḳu-tu] a-na libbi^{bi}

129? i-na šal-ši ni-ip-ši-[šu i-na-pu-uš] e-lu ^{d}En-ki-dù
130? ^{d}En-ki-dù im-ta-[a]ṭ-ṭi ḳab-li-šu
131? iš-hi-ṭam-ma ^{d}En-k[i]-dù GUD.AN.NA is-ṣ[ạ-bat] ina ḳar-ni-[šu]
132? GUD.AN.NA a-na pa-ni-šú is-su-ka ru-pu-u[š-tu]
133? ina ku-bur zib-ba-ti-šú [il]-pu-us-su-[ma]

При втором дыханье [его . . . . . 1]00 мужей [свалились] туда,
200 мужей [свалились туда], 300 мужей [свалились] туда,
При третьем дыханье [его он подул] на Энкиду,
Энкиду — согнулся стан его,
Вскочив, Энкиду небесного быка схв[атил] за рог [его],
Небесный бык в лицо его брызнул слю[ну],
Толщей хвоста своего [у]дарил его.

Так как строки 122—128 «ниневийской» версии не поддаются связному переводу, мы заменили их строками 9′—16′ ашшурского варианта. Но далее мы следуем не ашшурскому варианту, согласно которому Энкиду тоже свалился в яму, а «ниневийскому», где говорится, что он только согнулся (корень *naṭû, ср. др.-евр. nāṭā) от дыханья быка.

137. Следующей за этим строки в подлиннике нет, она добавлена нами для ясности.

145. В подлиннике: «А [я] меж шеей, рогами и [. . . . .]». Также в строке 152.

150—151. В тексте:

ù ^{d}Gilgameš ki-i ^{LÚ}[. . . . .]
ḳar-di ù [. . . . .]
А Гильгамеш, как [(*название человеческой деятельности*)]
Смелый (смелого) и [. . . . .].

Полагаем, что «как» не вводит эпитета самого Гильгамеша; скорее здесь конструкция типа «как боец — отважного врага, и как лев — теленка». Однако ввиду неясности строки мы дали в тексте условный перевод. (Бёль переводит: «как мясник»).

161. Imittu обычно переводится как «правая нога»; предполагается также толкование от корня emēdu «ставить»; так переводит, например, В. фон Зоден.

162—163. Дословно: «А что до тебя — воистину достал бы, подобно ему я уподобил бы тебя,/Кишки его воистину я повешу на твой бок (руки)».

165—166. Жрицы, которых созвала Иштар, были также, по-видимому, храмовыми проститутками.

167. Дословно: «Над imittu небесного быка устроила оплакивание».

168—170. Дословно: «Гильгамеш (же) созвал ремесленников, всех мастеров,/Толщину рогов восхваляли сыны ремесленников».

171. Предполагается, что рога были отлиты из лазуритовой массы и оправлены в золото.

173. Kurru — мера емкости, около 250 литров.

179. Дословно: «Собравшиеся люди Урука взирают [на них]».

180. Гильгамеш обращается к muttabbilāti ša Uruk. Это выражение толкуется по-разному: 1) причастие множественного числа женского рода от tabālu «приносить», ср. в мужском роде muttabbilūti «утварь», мебель»; предположительно «дворцовые служанки» (наиболее обычное толкование); 2) причастие множественного числа женского рода от предполагаемого глагола *nabālu «играть на лире (арфе)», ср. др.-евр. nābāl «лира», «арфа».

186—188. Сохранились остатки текста:

[. . . . . ša (?) ni-i]r-du-u(?) i-n[a] uz-zi-ni
[. . . . .]-ma [. . . . . i-n]a(?) su-ḳí(?) mu-lu-u[t(?)-t]a(?) ul i-šu
[. . . . .]x-a at-[. . . . .] š/rit-ti ša m[u(?)-lu-t]a(?) ti-ša
[. . . . . которого(?) мы(?)] изгнали в нашем гневе,
[. . . . . н]а (?) улице (?) полно[т]ы (??) (исполнения) не имеет
[. . . . .] п[олнот]у(??) ты имеешь(?? — *или:* вы имеете).

Перевод совершенно условный.

Колофон. В ашшурской версии прибавлено: «Писание Ашшурраимнапишти, младшего торгового агента, мысли которого направлены к Набу́ и Тамше́ту» (божествам грамоты).

Таблица VII

От первого столбца в «ниневийской» версии ничего не сохранилось, кроме первой строки, сохраненной колофоном Таблицы VI. Наш перевод является переложением хеттского перевода поэмы. Хеттский текст не разбит на стихи, строки имеют произвольное деление. Мы перевели его вольно, приноравливаясь к стилю и ритму аккадской поэмы. Начало отрывка нами опущено, так как оно соответствует последним двум строкам Таблицы VI «ниневийской» версии: « . . . . . занялось утро,/ и Энкиду обратился к (ответил) Гильгамешу».

XT, 4. В подлиннике: «Ану, Эллиль и Шамаш небесный».

XT, 6—8. По другому толкованию: «За то, что они быка убили и сразили Хуваву, — сказал Ану, — должен умереть один из них, — тот, кто отнял кедр у горы».

XT, 11 и 14. В подлиннике: «Шамаш небесный».

XT, 22. Следует лакуна неопределенной длины; сохранившийся текст «ниневийской» версии начинается через 20—35 строк после начала таблицы; таким образом, если считать, что в «ниневийской» версии совещание богов занимало столько же места, сколько в хеттском переводе, начинающийся далее текст следует поместить непосредственно после эпизода с судом богов над героями. Это — небольшой фрагмент Британского музея, принадлежащий к «ниневийской» версии (K. 3588), который Кэмбелл-Томсон относил к Таблице IV (по-видимому, ошибочно). Ввиду сильной разрушенности текста наш перевод является вначале условным.

I, 34. Дословно: «Дверь леса (*или* лесной заросли) бессм[ысленная]». Все комментаторы считают, что речь идет о магической двери в кедровый лес, которую Энкиду теперь вспоминает. Однако нет никаких данных о том, что в описании похода на Хумбабу упоминалась какая бы то ни было «дверь леса», и мало вероятно, чтобы дикий лес был обнесен забором. Поэтому мы предполагаем, что dalat ḫalbi означает «дверь (сделанная из материала) леса».

I, 36—37. Дословно: «На 20 „бэру“ (расстояния) я выбрал твое дерево (*т. е.* дерево для тебя) [. . . .], пока кедр высокий увидел [. . . .]».

I, 38. После этого стиха начинается фрагмент, найденный в Султан-Тепе (издан под шифром Su. 51, 129a), — писанная под диктовку ученическая копия без делений на стихи, со многими ошибками, к тому же сильно разрушенная. Выше строки CT, 3 в ней идет черта, обозначающая новый раздел; в конце строки сохранилось слово «один», — очевидно «[шириною „гар“] один».

I, 40. Перечисленные термины являются, по-видимому, обозначением различных частей затвора, представляющего собой металлическую палку с кольцом и вставлявшимся в него клином-задвижкой.

CT, 6; I, 44. В строке I, 44 сохранилось:

lu-ú áš-ši pa-a-šu lu-ú [ak-šu-sa . . . .],

а в строке CT, 6:

[lu-ú áš-ši pa-a-šá lu-ú] ak-šu-sa *x*[. . . . .].

CT, 6 — I, 45. В строке I, 45:

a-ma lu-ú u-šar-ki-b[a . . . . .],

а в строке CT, 6:

[a-ma lu-ú] ú-[š]ar(?)-[k]i-ba [ina] bīti-[k]i(?),

дословно: «Циновку я заставил бы ездить [в (?)] т[воем](?) „доме“».

CT, 7 — CT, 12. Сильно разрушенные строки:

7 *xx* bīti-ki (??) ŠÁ MAŠ (?) lu-ú [. . . . : si-ik-]ku-ra ú(?)-[š]am(?)-[ḫa]-aṣ
8 bāb(?)-šu lu[-uš]-zi-za AN [. . . . .] *x*-*x*-uš *x*-na *x*[. . . .]
9 *xx*-AM [. . . . .]*x*[. . . . .] ŠÁ *x*[. . . . .] ^{d}Anu(?)
10 ù ina [U]ruk^{ki} *xx*-Kl *x*[. . . . .]ḪI
11 [. . . .] Anu [^{d}]Iš(?)-t[ar] *x*-*x* la-a *x*-*x*-*x* [. . . . .] e-reš libbi-ki
12 e-nin-na *x*-*x* KI e-pu-uš-ki [:] ana-ku áš-šak[-ki . . .] RI *x*-*x* ḳar(?)-di(?)

Из этого понятно — в строке 7: «твой дом» или «твой дверной проем» (?); «[зас]ов заставлю разбить» (??); в строке 8: «ворота его я (он?) поставил бы. . .», в строке 9: «(бог) Ану»; в строке 10: «И в Уруке. . .»; «желание сердца твоего (двери?)»; в строке 11: «Ану (и) Иштар (??) . . . не . . .»; в строке 12: «теперь . . .», «как (??) сделал я тебя, при[нес тебя . . .]».

CT, 13. Читать:

lu-u šarru ša e-la-a arkī-ja li-ir-ki
lu-u ilu [li-pu-uš (?) da-l]a(?)-a-te-ki-m[a]

«Пусть бы царь, который подымется (явится) после меня, доставил тебя
Пусть бы бог [сделал (?)] твои [д]верные створки(?)»

CT, 14. В надписях вавилонских царей обычны проклятия будущим владыкам, которые посмели бы стереть имя строителя того или иного сооружения и приписать его себе. Здесь, напротив, Энкиду желает, чтобы постройку этой двери из заветных кедров, из-за которых он должен умереть, приписал бы себе кто-нибудь другой.

CT, 18. Восстанавливаю: [at-ta amI]lu ṭè-mu ra-šu-ú šá-na-ti-ma [ta-ad-bu-ub].

CT, 19. Дословно: «[Зач]ем, друг мой, сказало сердце твое странные вещи?»

CT, 20. Дословно: «[Сон д]орог (в смысле «вещий»), но страх велик». Во второй половине строки новый стих: [. . . . .]ḫa-ma-a ki-ma su-un-[gi-ni] — непонятно.

CT, 22—23. «Живому» в смысле «предназначенному жить» — т. е. сон не предвещает смерти.

CT, 24. Дословно: «[. . . .] я хочу найти, обратиться к твоему богу».

CT, 26—27. В тексте: [KÙG.G]I la mi-na ṣa-lam-š[un(!)] lu-pu-uš [:^{d}Ša maš izzakara] / [a-na ^{d}Gilga]meš la ta-nam-zaḳ KÙG.GI šarru(?) a(?)-na(?) ṣ[alm]i(?) «Из золота без счета изображения [их] я хочу сделать. [Шамаш

вещает] / [Гильга]мешу: «Не трать (*дословно* не раскрывай) золото, царь (?), на (?) и[зображения] (?)».

СТ, 30. Перевод «жребий» условный, в подлиннике в начале неясное [*x*-]di-eš-ši.

СТ, 32. Вместо «веление» в подлиннике parṣu «священный ритуал; закон; обряд; указ».

СТ, 33. После этой строки в фрагменте Su. 51,129a остатки еще трех строк, в том числе в первой из них читается aḳ-ra «вещий» (дословно; «дорогой»). Далее начинается текст проклятия Энкиду охотнику, адресованное, однако, не самому охотнику, а Шамашу. Отсюда условное восстановление нами следующих строк. Точную величину лакуны установить трудно.

III, 1. Строка состояла из двух стихов, но от первого сохранилось только šu «его».

III, 6. В подлиннике: «Давай, Шамхат».

III, 7. В подлиннике мужское окончание стиха (. . . lā iḳattū ana dūr dār — если только не читать ána dūr dá'ār?).

III, 11. В подлиннике строка частично разрушена и не вполне ясна.

III, 13. Перевод условный: сохранилось только слово išaḫḫi; ср. примечание к Таблице XI (строка 154).

III, 14. Сохранилось слово [*x*-]bal-lil(-); ср. поэму «О невинном страдальце»: ubtallil kī immeri ina tabāštānija «Я валяюсь, как баран, в собственных нечистотах».

III, 16. Ср. пословицу, цитируемую ассирийским царем Асархаддоном в письме: «Если собака забежит в печь горшечника, горшечник может затопить печь».

III, 18. Читать: [išātu] i-na-di ina bīti-ki «Огонь падет в твой дом».

III, 19—22. Эти строки дословно повторены в «Хождении Иштар в преисподнюю» (Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum, XV, London, 1902, pl. 45—48).

III, 32. Дословно: «И мне — недуг (демона недуга) [дала] на меня».

III, 39. Дословно: «И доброго Гильгамеша товарищем дала тебе иметь».

III, 40. Ibru talīmu. Talīmu означает «родной, наиболее близкий из братьев; побратим; близнец».

III, 43. Дословно: «[Посе]лит тебя в жилище покойном, в жилище левой стороны». Эвфемизм вместо «похоронит тебя».

III, 45. Дословно: «[Велит о]плакать тебя людям Урука, велит рыдать по тебе».

III, 46. Дословно: «[Веселых] людей (*или* [веселых (женщин)] людей, *т. е.* веселых женщин, принадлежащих людям) он наполнит для тебя работой [*или* заставит исполнить для тебя работу, *или* (траурный) обряд]».

III, 47. Malū, как уже указывалось, означает, по почти общему мнению исследователей, «грязные, немытые, свалявшиеся волосы». Однако это значение мало подходит здесь, где оно предположительно означает «грязную волосяную одежду, власяницу, вретище».

Ср. примечание к Таблице VI (I, 1).

III, 48. Собственно «в степь».

IV, 2. Сохранилось: [. . . . . li-i]m-ḫaṣ šá-par-šú «[. . . пусть у[дарит себя по ляжке» — жест возмущения или изумления. Иначе можно восстановить: [. . . a-a i]m-ḫaṣ šá-par-šú «[. . . пусть не у]дарит себя по ляжке».

IV, 6. Перед «лазуритом и золотом» стоит еще, по-видимому, термин [^{na_4}]KA, также обозначающий какой-то ценный камень.

IV, 7. Перевод условный. Кэмбелл-Томсон читал: [. . . . . gimil-li(?)-ki li-]tur-ru-ú lu-u uš-tin-ki. А. Шотт предполагал, что turrū = шумерское ur-tur «щенок», и переводил: «пусть мочится на тебя уличная собака». Однако речь ведь идет на этот раз не о проклятиях, а о благословениях, к тому же lu-u-uš-tin-ki не может быть 3-м лицом прекатива, а слово *turrū «щенок» в аккадском неизвестно. Э. А. Спайзер переводит: «Пусть отомстит тому, кто осквернил тебя». А. Унгнад, В. фон Зоден и Бёль читают в конце строки lu-u nid-din-ki «мы должны были (бы) тебе дать».

IV, 8. [Bi-lu-ú k]i-nu-nu-šú iš-šik-ki-šú šap-ku. Šapku здесь не «насыпан», а скорее «рассыпан», поэтому дословно: «[Потух о]чаг его, амбар (?) его рассыпан».

IV, 14—18. Имеется параллельный, но очень разрушенный текст из «периферийной версии» (фрагмент из Мегиддо).

IV, 17. Может быть, «лицо его закутано».

IV, 18. Предложено восстановление [kīma ^{d}Z]i-i по неизданному фрагменту.

IV, 31. [Il-pu-ut] z[u(?)-]um-[ri a-na] A(?). IGI(?) ut-tir-ra-an-ni «[прикоснулся] к [моему те]лу, [в] плакальщицу(??) превратил меня». Перевод в тексте — условный, ясно только «превратил меня».

IV, 33. В тексте: Ut-tan-ni i-red-dan-ni «Высмотрел меня, уводит меня». Отсюда начинается описание преисподней, представляющее собой эпический стереотип, почти дословно повторяющийся в поэме о «Хождении Иштар в преисподнюю».

IV, 39a. Этот стих отсутствует в основной копии текста, но сохранился в одном из фрагментов (так же как в одном из вариантов «Хождения Иштар в преисподнюю»).

IV, 43. Восстановление Э. Спайзера: [di-na-]a-an ^{d}A-nim u ^{d}En-líl. Это место обычно переводят: «Слуги (*или* жрецы) Ану и Эллиля ставят воду и мясо». Однако Ану и Эллиль — боги небесные, а не подземные, и здесь, вероятно, речь идет об их подземных двойниках (dinānu «образ, подобие, двойник»). По В. фон Зодену, это эпитет умерших царей. Слово «им» прибавлено

в переводе по смыслу, но не исключено, что это умершие цари приносят жертвы двойникам Ану и Эллиля, т. е. подземным богам?

IV, 46—48. Перечислены разные виды и чины жрецов: enu «верховный жрец, первосвященник», lagaru «младший жрец», išippu «жрец», maḫḫu «одержимый, юродивый(?)», pāšiš apsī (или pašīš apsī) «помазатель (*или* помазанник) океана» (океаном — apsū — назывался культовый сосуд в храме) — один из средних жрецов (?).

IV, 51. Bēlet ṣēri (Nin-eden-na) «госпожа пустыни (или бесплодной степи)» — одна из ипостасей богини преисподней, здесь — низшее, по сравнению с Эрешкигаль, божество в царстве мертвых. Она названа dupšarrat erṣeti «женщиной-писцом земли». Женщины-писцы встречались и среди вавилонских жриц.

IV, 54. Читаю: [mu-tum(?)]-ma il-ḳa-a an-na-a a[mīl]a «[Смерть] уже взяла сюда этого ч[еловек]а». Стих этот восстанавливается по-разному, так, например, А. Шотт читает: «Тогда она забрала этого человека»; Э. Спайзер: «Кто привел сюда этого человека?» (читая [man-nu-um]-ma?); Л. Матоуш: «(говоря): „Кто взял того человека?“». — Далее следует лакуна, по всей вероятности содержавшая около сотни стихов. Где-то в этой лакуне, ближе к концу, помещается текст а, 1′ — а, 19′, взятый с оборотной стороны фрагмента Британского музея K.3588 (см. лицевую сторону выше, I, 23—45). Здесь начинается речь Гильгамеша, обращенная либо к больному Энкиду, либо, как полагают некоторые исследователи, к Нинсун. Фрагментированный текст соответствующего места в отрывке из Мегиддо мало помогает восстановлению лакуны.

а, 3′. [. . . . . šá it-ti-ja it-ta-l]a-ku ka-lu ma[r-ṣ]a-[tim] «[Который со мной про]шел все тр[уд]но[сти]».

а, 19′. После этого стиха, по-видимому, говорилось о том, что Энкиду умер ночью, но Гильгамеш этому не поверил.

Таблица VIII

Начало таблицы очень плохо сохранилось в «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала и значительно лучше — в варианте из Султан-Тепе (таблица издана под шифром Su.51, 7). Однако вариант из Султан-Тепе, как отметил его издатель О. Гэрни, писан учеником под диктовку со многими ошибками и без деления на стихи. Это несколько затрудняет понимание текста.

I, 5; CT, 3. Дословно: «Те, чей п[ризна]к (у[крашен]ие) — их хвост, взрастили тебя»; но В. фон Зоден читает вместо šá — цифру «4» и вместо -m]u zib-bi-šun — ši]z-bi-šin «молоко их»; отсюда перевод: «4 д[икие осли]цы молоком своим вскормили тебя».

I, 6; CT, 3—4. Дословно: «И скот степи вместе со всеми(?) пастбищами»; или по В. фон Зодену: «И скот степи указал тебе (?) все пастбища».

I, 7; CT, 4. Дословно: «Походы (дороги) Энкиду».

I, 9; CT, 6. Дословно: «[Да плачут по тебе] многочисленные [старейшины] огражденного Урука» (так в «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала; в варианте из Султан-Тепе: «Да плачут по тебе старейшины обширного города огражденного Урука»).

I, 10; CT, 6—7. Дословно: «[Да плачет по тебе палец], который благославлял вслед за нами» (так в «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала); в варианте из Султан-Тепе: «Палец благословлял вслед за нами — пусть плачет по тебе». Но В. фон Зочен вместо ú-ḫa-nu-um «палец» читает ú-ma(!)-nu-um «народ» и понимает «вслед за нами» как «после нашей смерти»: «[Да плачет по тебе] народ, который благословит (нас) после нашей смерти».

I, 11—12. Эти стихи отсутствуют в варианте из Султан-Тепе. В тексте «ниневийской» версии в варианте библиотеки Ашшурбанапала: . . . e]-lu-ti šá-šadî^{i} ḫur-sa-a-ni / [. . .]-a né-el-la «[. . . . . вы]сокие гор и лесистых холмов / [. . . . .] . . . мы поднимаемся». В. фон Зоден вслед за более ранними исследователями читает a-né-el-la «я улегся», что вряд ли подходит по контексту; вместо e-]lu-ti он читает eṭ]-lu-ti и т. д. — «мужи (герои) гор (и) лесистых холмов».

I, 13; CT, 8. Ḳerḫetu — луга и пашни. Дословно: «Пусть плачет по тебе ḳerḫetu, как твоя мать».

I, 14; CT, 8a. В варианте из Султан-Тепе стих не сохранился, в варианте из библиотеки Ашшурбанапала сохранилось . . .] ša-man ^{giš}erēni «сок кедра».

I, 15; CT, 9. В варианте Султан-Тепе употреблен глагол ni-ḪI(?)-ri-ḫu, что не дает ясного смысла (вероятно, описка вместо ni-kar-re-ḫu «мы приближались»), и нет слов «во гневе». В «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала сохранилось . . . . .]-ḫu ina uz-zi-ni «. . . . . в нашем гневе».

I, 16—17; CT, 9—10. В лакуне в конце строки CT, 9 восстанавливается [nim-ru] «барс»; при этом du-ma-mu в строке CT, 10 переводится как «гепард» (?). Наш перевод «рысь» — условный.

CT, 11—12. Эта строка отсутствовала в «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала. Действительно,—неясно, как могли герои попасть на берег р. Евлея (современного Каруна, к востоку от Шумера).

I, 18—19; CT, 12—13. Дословно: «Да плачет по тебе светлый (священный) Евфрат, [где мы черпали] воду (для) меха».

CT, 13—16. Читаю текст следующим образом:

13 . . . . líḫ-ku(!)-ka ^{LÚ}eṭlē^{meš} ^{uru}DAGAL-eš Uruk^{ki} [šu-pur-ru]
14 [sinnišāti]$^{tim(!).meš}$ na-ṭu-la(!) a-la(!) nu-na-ir líḫ-ki-ka ^{LÚ}[x]

15 [š]á a-na(!)URU.DÚG.GA ú-še-la-a šum-ka KI.MIN ap-k[a(!?)-lu(?) šá]
16 [ina(?)] DUB(!) me-e ma-ḫar ^{d}É-a (!) ú-še-la-a šum-ka, и т. д.

Пусть плачут (!) по тебе мужи широкого (?) [огражденного] Урука,
[(И) женщи]ны, глядевшие, (как) мы быка убиваем,
Пусть плачет по тебе [(*название профессии*), что] для города Эреду превознес твое имя,
Пусть плачет по тебе му[дрец (?), который при (?)] возлиянии (?) воды перед (богом) Эа превознес твое имя.

Здесь líb-ki-ka (строка 13) — явная ошибка вместо líb-ku(!)-ka; в начале строки 14 после лакуны видно . . . .]-TIM.MEŠ, а не AG(?).MEŠ, как читает О. Гэрни; na-ṭu-lu, очевидно, статив (пермансив) от глагола naṭālu «глядеть»; na-ṭu-lu — ошибка (результат диктовки) вместо na-ṭu-la(!). Далее написано a-la URU; знак URU, вероятно, ошибочен: ученик не знал, как правильно написать слово alā «небесного быка»: один раз написал фонетически a-la, а второй раз — идеографически (URU, чит. āla), но употребил неправильную идеограмму URU, что значит ālu «город» (вместо GUD.AN.NA = alū «небесный бык»); точно так же он поступил и дальше. Непонятное ^{L}Ú[*x* š]á a-la URU.DÚG.GA исправляю на ^{L}Ú[*x* š]á a-na(!) URU. DÚG.GA (ошибка под влиянием предыдущей строки: ученик всё еще не решил как написать alā, а тут снова встретилась идеограмма URU !). В строке 16 знаки ma-ḫar e представляют бессмыслицу, вероятно, опять-таки, как результат диктовки: читать ma-ḫar ^{d}É-a!) «перед богом Эа» — богом города Эреду.

CT, 16—17 — CT, 21. Во всех строках разрушено подлежащее предложения; в стихе 16—17, возможно, [^{L}Ú r]i(!)-ḫi-e=rē'ê «пастух(и)» (??), в стихе 19—20, возможно, ^{sal}[KAR.LÍ]L (!) «блудница». Слово «тот» поставлено нами условно. Вместо «кормил тебя хлебом», «умастил твои ноги», «вино тебе подал» дословно: «ячмень утвердил в твоих устах», «масло положил под тебя», «опьяняющий напиток поставил в уста твои».

CT, 20—21a. Читаю:

líb-k[u-ka e-ri-bu-ut (21) bīt] e-mu-tú
ša aššatu un-ḳu mil-ki-ka [ir-šu-ú]
Пусть пла[чут по тебе входящие в «дом] свойства»,
Которые жену по мудрому совету твоему [обрели].

Unḳu здесь вряд ли «перстень», скорее enḳu «мудрый» (aššatu 'nḳu). О bīt emūti — «доме свойства», «доме свершения брака» — см. примечание к Таблице II (CB, IV, 20 и сл.).

CT, 24—24a. В тексте: [Ana-k]u (?) a-na ^{d}En-ki-dù ‹ki-i› ummi-ka abi-ka ina na-me-šu-ma a-ba-[ak-ki] «[Я] (?) об Энкиду, ‹(так), как› твоя мать (и) твой отец — только (*или* именно) в его кочевье, буду пл[акать]».

CT, 25. В подлиннике очередная ошибка писца из-за диктовки: ši-ma-i-ni eṭlē^{meš} ši-ma-na-a-a-ši вместо ši-ma-in-ni eṭlē^{meš} ši-ma-i-ni (a)-ja-ši «Слушайте меня, мужи, слушайте меня». Во второй половине строки стих оборван: ši-ma-i-ni abbē^{meš} *x*-[*x*-*x*]. Читать, вероятно, следует: ši-ma-i-ni abbē^{meš} ‹[šá Uruk^{ki} ši-ma-i]n-ni ja-a-ši› В «ниневийском» варианте из библиотеки Ашшурбанапала (II, 1) оба стиха соединены в один: ši-ma-i-ni ši-bu-tú [šá Uruk^{ki} ši-ma-i]n-ni ja-a-ši.

II, 2; CT, 26. В варианте из Султан-Тепе описка: ib-ri-i вместо ib-ri-ja.

II, 4—6. В переводе мы несколько отступили от точности передачи содержания с целью передать ритм. В подлиннике внутренняя рифма:

ḫa-aṣ-ṣi-in a-ḫi-ja [tuk-la-]at i-di-ja
nam-ṣar šip-pi-ja [a-ri-tú] šá pa-ni-ja
lu-bar i-sin-na-ti-ja [ni-bi-iḫ] la-le-e-a

Топор моего бока, [опло]т моей руки,
Кинжал моего пояса, [щит], что впереди меня,
Одеянье праздников моих, [украшение (препоясание)] моей пышности (*или* мужской силы).

В варианте из Султан-Тепе после стиха (II, 5; CT, 28 еще один разрушенный и неясный стих. В стихе CT, 29 = II, 6 очередная описка в результате диктовки: lu-ba-ri-ši-na-ta-a вместо lu-bar i-sin-na-te-ja.

II, 7; CT, 29—30. В «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала:

[e-ṭim-mu] lim-nu it-ba-am-ma [i-ki-ma-an-]ni ja-a-ši
[Демон] злой поднялся и [отнял (его)] у меня.

В варианте из Султан-Тепе опущено слово «поднялся»:

[e-ṭim-mu lim-nu] e-kim-ma-ni a-ja-ši.

II, 8; CT, 30—31. В этом стихе — расхождение между обоими вариантами; в «ниневийском» из библиотеки Ашшурбанапала:

[ib-ri ku-ṭ]a-ni ṭa-rid ak-kan-nu šá šadî^{i} nim-ru šá ṣēri
[Мой друг], мой [мла]дший, гонитель онагра гор, барса степи!

В варианте из Султан-Тепе:

ib-ri ku-ṭan-nu ṭar-du a-[ka-nu šádî^{i}] nam-mar šá ṣēri
Мой друг, младший, гонимый (пугливый) о[нагр гор], барс степи!

Барс не водится в степи: ṣēru здесь употреблено, очевидно, как старорусское «пустыня» — в смысле любого необитаемого места, независимо от его природных условий.

II, 10; CT, 32. В «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала: šá mim-ma [x]^{du}-ma ni-lu-ú [šá-da-a] «С которым все [мы победи]ли (?) и поднялись [в горы]». В версии из Султан-Тепе: ša i-ni-nu-ma ni-lu-ú šadû^{ú}. Очевидно, здесь какая-то описка.

II, 12. В «ниневийском» варианте из библиотеки Ашшурбанапала:

nu-šal-pi-tu ^{d}Ḫu-ba-ba šá ina ^{giš}kišti [^{giš}erēni dan-nu]

«С кем мы поразили Хумбабу, который в лесу [кедровом был силен]». В варианте из Султан-Тепе:

nu-ša-al-pi-te ^{d}Ḫum-ba-ba šar ^{giš}kišti ere-ni dan-nu

«Мы погубили Хумбабу, царя кедрового леса сильного».

Возможно, опять описка: šar вместо šá (!).

II, 14; CT, 34 а. В варианте из Султан-Тепе: «Я обратился к тебе, но [ты меня] н[е слышишь]».

II, 15 — II, 22. CT, 35—39. В версии из Султан-Тепе эти стихи — продолжение речи Гильгамеша:

А он головы поднять не может —
«Закрыл мой друг лицо, как невеста!
Сам, [как орел], над ним кружу я,
Точно львица, чьи[льв]ята в ловушке,
[Грозно мечуся] взад и вперед я,
[Словно] кудель, рву свои власы я»,
Срывает одежды, [словно] как скверну.

Дословный перевод последних четырех стихов: «Как лев, у которого в ловушку попались [его] дете[ныши], / [Постоянно поворачиваюсь] вперед и назад, / Выщипываю и разбрасываю [как] гребнем (для начесывания шерсти) волосы, / Срывает (*в тексте описка*: повернут), бросает хорошие (одежды) [как] скверну (*дословно* запретное, нечистое)». В «ниневийской» версии из библиотеки Ашшурбанапала: «Как львица, (чьи) пойманы львята..., постоянно поворачивается вперед [и назад], / Выщипывает и разбрасывает [как] гребнем [волосы], / Срывает и бросает хорошие (одежды) [как] ск[верну]». Мы заменили «гребень для начеса шерсти» (восстановление, впрочем, не принимаемое, например, В. фон Зоденом), так как для нас «гребень» не ассоциируется с растрепыванием волос!

II, 23. Этот стих по ошибке пропущен в версии из Султан-Тепе, и новый раздел начинается со слов: «И Гильгамеш по стране...» и т. д.

CT, 40—43. Дословно: «[И] Гильгамеш стране голос заставил выйти: кузнец (*описка* ^{LÚ}MURUB *вместо* ^{LÚ}SIMUG), . . . [. . . .], [мед]ник, ювелир (*описка* ^{LÚ}UD.BAN *вместо* ^{LÚ}KÙ.DÍM), писец по камню (^{LÚ}KAB.

SAR)! Сделай (*или* я сделал) др[уга моего, изображение его! / . . . . .] построил изображение (сво)его друга; друга (*диттография*), чьи (?) раз-[меры . . . . / . . . . .] . . . . (из) лазурита, грудь твоя — (из) золота, кожа (?— *или* тело) тв[ое — из . . . . .]». В. фон Зоден переводит: «Кузнец, ювелир (?), меднолитейщик, златокузнец (?)! Создай моего друга, [изготовь его изображение! . . . . .], создал изображение его друга, его роста (Gliedmassen) [. . . . .] . . . . . из лазурита (да будет) твоя грудь, из золота твое тело!» Однако, поскольку в конце — явное обращение к статуе Энкиду («из золота твое тело»), постольку и в строках 41—43 должна содержаться речь Гильгамеша. Поэтому я исправляю e-pu-uš («сделай» или «я сделал») на ep-pu-uš, и, начиная с конца строки CT, 41, читаю: ep(!)-pu-uš ib-r[i ṣa-lam-ka] / [šá man-ma la] ib-na-a ṣalam ib-ri-šú / šá ib-ri-já (!) mi-n[a-ti-šu. . .]. Вместо ib-ri-já в тексте ошибочно ib-ri-šá. Перевод строк, описывающих материалы для статуи, — условный и основан на наших сведениях о древневавилонской составной скульптуре. — К следующей далее лакуне (около 20 строк), возможно, относился фрагмент Британского музея K. 8281, содержавший, видимо, длинное описание статуи: «. . . . драгоценность он нашел . . . . . алебастр . . . . . одежда . . . . . для друга своего . . . . . (*знак повторения*) . . . . мин золота (*знак повторения*) . . . . мин золота (*знак повторения*) . . . . . мин золота (*знак повторения*) . . . . . мин золота (*знак повторения*) . . . . . их . . . . . охвачены тридцатью минами золота . . . . . их (*знак повторения*) . . . . . их (*знак повторения*) . . . . . их толща . . . . их (*знак повторения*) . . . . . большая . . . . . (*знак повторения*) . . . . . на его талии . . . . . (*знак повторения*) . . . . . (*знак повторения*)». Затем начинается новая тема.

III, 8. Дословно «Сколько-то рассвета в воссиянии». Далее лакуна в 70 строк. В начале сохранилось: «ра[звязал] свои завязки . . . . . сердолик Далее, вероятно, надо читать оборотную сторону фрагмента Британского музея K. 8281: «. . . . заболел . . . . . Евфрата . . . . . показал Солнцу (Шамашу) . . . . . широкой [зем]ли . . . . . и пусть идет рядом с ним . . . . . алебастра . . . . . mašḫal товарища широкой земли показал Шамашу . . . . . океана mašḫal товарища широкой земли . . . . . ее пусть радуется и пусть идет рядом с ним . . . . . верхушки которого — лазурит . . . . . сердолик . . .» На этом кончается IV столбец, и до начала строк, приведенных в тексте перевода, остается още около 40 строк лакуны; здесь (V, 41) вводилась новая тема — предвещание кем-то из богов Гильгамешу, что он умрет, но по смерти будет судьей в сонме Ануннаков — божеств подземного мира: «. . . . . (именно) их, имена их — . . . . / [Будешь ты навеки] судьей Ануннаков [. . . .]». / [Гильга]меш, когда услы[шал] это, / Образ Реки создал [в своем сердце]».

По поверью вавилонян, Гильгамеш после смерти стал судьей в загробном мире. Сохранилась молитва к Гильгамешу, как к судье мертвых (см.: P. Haupt. Das babylonische Nimrodepos. Leipzig, 1884—1894, № 53).

V, 46. Дословно: «Стол из дерева elammakum, большой».

V, 49. Дословно: «и показал Шамашу». — К недостающему столбцу VI — совершенно условно — относим разговор Гильгамеша с богами, не сохранившийся в «ниневийской» версии, а в старовавилонской версии помещенный перед текстом, соответствующим началу «ниневийской» Таблицы X. Конец IX и начало X Таблицы в «ниневийской» версии сохранились достаточно хорошо, и ясно, что здесь этого эпизода не было: он либо был выброшен вовсе, либо перемещен куда-то раньше; логическое место для него — между жертвоприношением Гильгамеша Шамашу (Таблица VIII, V, 49) и началом странствования Гильгамеша (Таблица IX, I, 1). Ср. разговор одного из богов с Гильгамешем также в Таблице VIII (V, 41—44), которому тоже предшествовало, по-видимому, жертвоприношение. В начале отрывка, взятого нами из старовавилонской версии («Таблица Мейснера»), недостает строк пятнадцати или более (точное число стихов установить трудно). Текст начинается с речи кого-то из богов (вероятно, Эллиля, бога воздуха и земной поверхности), обращенной к Гильгамешу. Первые пять строк сочинены нами, чтобы создать связь с дальнейшим отрывком; во всяком случае, можно предположить, что боги явились Гильгамешу на его молитву в связи с устроенным им жертвоприношением.

СВ, X, $x+2$. Дословно: «[. . . . .] их шкуры, ест мясо».

СВ, X, $x+3$. В первом полустишии, после небольшой лакуны, непонятное слово b/pu-ra-tim (вряд ли būrātim «колодцы» в вин. падеже, или Purattim «Евфрат» в род. падеже). Затем: «Гильгамеш, что не бывал(и) никогда». СВ, X, $x+10-x+12$. Очень темное место; трудность чтения в значительной степени обусловлена неясностью почерка. По-видимому, текст читается:

iš-tu e-li ṣe-ri-im a-ta-al-lu-ki da-lim
i-na li-ib-bu er-ṣe-tim x-ka-x-um ma-d/ṭú-ú

Строка СВ, X, $x+10$ была объяснена В. К. Шилейко. Неясное место в конце строки СВ, X, $x+11$ восстанавливалось различно: kak-ka-bu-um ma-ṭú-ú «звезд (*собственно* звезды́) стало мало» (Мейснер), «звезда исчезла» (Унгнад); ḳaḳ-ḳà-di (!) um-ma-du-ú «сложу ли я голову» (Кэмбелл-Томсон, Спайзер), и т. д.; В. фон Зоден и за ним Л. Матоуш читают sa(!)-ka-pu-um ma-du-ú «много ли было отдыха?» (на земле); однако в тексте: i-na li-ib-bu er-ṣe-tim «в земле» или даже «в глубине земли», и первый из неясных знаков мало похож на sa. Несмотря на известные сомнения, мы все же избрали чтение Зодена, переводя: «После того как по степи (поверхности земли) ходить и бродить,/в глубине земли покоя много ли (довольно ли)?»

СВ, X, $x+12$. В подлиннике трехударный стих.

СВ, X, $x+12 - x+15$. Дословно:

Спал я все годы, но
Глаза мои пусть видят солнце, пусть я насыщусь светом,
Пуста темнота, как найден (нужен?) свет? (*или* Удалится темнота, как (если?) достаточно света), —
(Разве) когда-нибудь мертвый увидит сияние солнца?.

Последний стих — с аллитерацией:

māti mítu ímmaru šárur šámši?

Таблица IX

I, 2 и I, 5. «Пустыня» — в подлиннике «степь».

I, 3. Дословно: «Я сам умру, и затем не стану ли как Энкиду?»

I, 6. Lītum — «власть», ср.: A. Ungnad. Babylonische Briefe. Leipzig, 1914, № 48, строки 5—6; G. Dossin. Lettres de la I-re Dynastie Babylonienne, I. Paris, 1933, № 39, строки 35 сл.

I, 15. Дословно: «[По]днял боевой топ[ор свой] в руку свою».

I, 17. После слова «стрела» в подлиннике был еще эпитет.

I, 18. Дословно: «Ударил [. . . . .], рассеял (распростер)». Следует лакуна примерно в 30 стихов. В начале сохранилось от каждой строки одно-два слова: «бросил . . . . . начертал . . . . . имя первого . . . . . имя второго . . . . . поднял . . . к . . . . . .»

II, 1. šá ša-di-i še-mu-šú Ma-šu [šum-šú-un] — дословно: «Гор услыхание его — Машу [имя их]». Обычно этот стих переводят: «Горы, имя ее Машу [. . . . .]», но слово šemû не может означать «имя»: это несомненно именительный или местный падеж от имени действия глагола «слышать». Тем самым снимается и недоумение, почему в строке 4 о Машу говорится во множественном числе.

II, 2. Дословно: «Что ежедневно охраняют вос[ход солнца и заход солнца]».

II, 4. Дословно: «Наверху дост[игают] литья небес». Небосвод считался, по-видимому, отлитым из металла.

II, 4—5. Эти два стиха процитированы в поэтическом описании похода Саргона II на Урарту (714 г. до н. э.), написанном писцом Набушаллимшуну (F. Thureau-Dangin. Une rélation de la huitième campagne de Sargon II. Paris, 1912, строка 19).

II, 6. Дословно: «Pulḫâte которых грозны, вид которых — смерть». Pulhâte — «Ужасы» — мыслятся, как материальное сияние или как зарницы, и одновременно как полубожественные существа; ср. выше примечание

к Таблице IV, V?, 45 и к Таблице V, CB, 11. Примерно то же означает и melammū в строке 7.

II, 10—11. В подлиннике один шестиударный стих.

II, 22. Дословно, по-видимому: «[Смысл] твоего [прихо]да хочу узнать я».

II, 23—24. В подлиннике, по-видимому, было два стиха:

[Куда . . . . . путь] твой лежит
[. . . . .] хочу узнать я.

II, 25—III, 3. Лакуна в 28 строк. Текст восстановлен условно на основании повторяющейся речи Гильгамеша в Таблице X.

III, 4. Стих восстанавливается на основании Таблицы XI, 7. «Выжив» — дословно «оставшись», «устояв». «Был принят» — в подлиннике отсутствует.

III, 9. Под «горным проходом» имеется в виду проход через гору, на которую опирается небосвод. Этот проход выводит за край обитаемого мира.

III, 12—18. Перевод очень условный, так как от текста сохранились лишь ничтожные фрагменты. Очевидно, далее продолжался спор между Гильгамешем и человеком-скорпионом.

IV, 33. Дословно, вероятно, было «в тоске моего нутра».

IV, 41. Дословно: «(Бесплодные) горы (šadê) и (лесистые) горы (ḫur[šāni])».

V, 3. Между упоминанием второго поприща (IV, 50) и упоминанием четвертого поприща (V, 23) — 22 разрушенных строки; очевидно, здесь был какой-то перерыв в путешествии героя. Отсюда наш условный перевод строк V, 3 и V, 22.

V, 32. В тексте: VII bēru ina ka-šá-di-šú [. . . . .] Вторая половина строки восстановлена нами совершенно условно.

V, 38. «Холодок» — дословно «север, северный ветер» (iltānu).

V, 42—43. Дословно:

Десятую милю пройдя,
[. . . . .] близок.

Эти две строки, возможно, образуют один стих.

V, 44. В подлиннике сохранилось только слово «поприще» в родительном падеже (?) единственного числа в конце стиха. Перевод наш представляет условный домысел.

V, 45. Дословно: «[Одиннадцатое поприще пройдя, вы]шел (свет?) прежде Солнца». Толкование принадлежит Л. Оппенхейму.

V, 47. Дословно: «К (?) [. . . . .] деревьев к[амней (?)] (*т. е.* каменных деревьев?), увидев, он пошел прямо».

V, 50. Значенье «листва» для ḫasḫaltu спорное.

V, 51. В следующей далее лакуне продолжалось описание волшебного сада. Сохранились преимущественно названия различных каменьев, кото-

рые, между прочим, сравниваются с «терновником и степными колючками (или каперсом?)».

Колофон. После колофона на подлинной таблице — штамп библиотеки Ашшурбанапала, царя Ассирии.

Таблица X

На путях Солнца—Шамаша Гильгамеш встретился с этим богом и беседовал с ним о своем путешествии. Этот эпизод, по-видимому, был выброшен из «ниневийской» версии поэмы, или был помещен раньше (например, либо в лакуне в конце Таблицы VIII, либо в лакуне в I или VI столбце Таблицы IX).

Мы дали перевод по старовавилонской версии («Таблица Мейснера») выше, в конце Таблицы VIII.

I, 1. Sabītu «содержательница корчмы и изготовительница вина и браги» («богов» добавлено в переводе по смыслу) — в данном случае, очевидно, богиня, которая поит проходящих через край света богов брагой (перед именем Сидури — детерминатив божества; впрочем, этот детерминатив ставится перед именами почти всех персонажей эпоса). Она «живет ina sapān tāmti», что переводится различно: «у пучины моря», «у морского прибоя», «в одиночестве моря», «в тайниках моря».

I, 2. Сохранилось лишь «Живет она и...», а затем очень небольшая лакуна; возможно, строка содержала только одно полустишие или один трехударный стих; вряд ли в нем могло вместиться то, что мы условно дали в переводе.

I, 3. Восстановление по И. Фридриху и Г. Циммерну. Дословно: «Сделан для нее кувшин, сделана для нее золотая (?) солодильная чаша».

I, 7—8. Дословно: «Имеет плоть богов в [своем теле], / Есть тоска в [его нутре]».

I, 9. «Идущий дальним путем» — умерший, см. выше примечание к таблице I (II, 50).

I, 13. Mu-na-'i-[ru] «убийца»? Однако лакуна здесь довольно большая. Р. Кэмбелл-Томсон восстанавливает mu-na-'i-[ik sinnišāti^{meš}] «насильник женщин».

I, 18. Zuḳatsu — дословно «свой подбородок» (глядя вверх?).

I, 23 и сл. Текст здесь совершенно разрушен, но предположительно восстанавливается нами на основании Таблицы VIII (II, 17—24). На это указывают и остатки знаков:

23 [. . . . .]-ja
24 [. . . . .] ṣēri (?)

25 [sa-bi-tum i-šes-si ana ^{d}Gilga]meš (?)
26 [ana . . . . . ilāni^{meš} a-ma-ta i-zak-k]ar (?)
27 [am-me-ni tal-li-ik ru-ḳa-ta ur-ḫ]u

Однако текст здесь несомненно на самом деле был короче, чем в Таблице VIII, по которой мы его восстанавливаем. Поэтому в нашем переводе получается на 10 строк больше, чем требует величина лакуны.

НВ, а—о. В «ниневийской» версии Гильгамеш, по-видимому, отвечал хозяйке корчмы кратко, так как со строки I, 34, судя по подсчету числа строк в лакуне, должна была снова начаться речь Сидури. На речь Гильгамеша остается от двух строк (I, 32—33) до одиннадцати, если она являлась прямым продолжением строк 20—22 столбца I. Однако следы знаков в конце строк 23 и 24 («. . . мой», «. . . степи») и 25—27 не соответствуют тексту повторяющейся речи Гильгамеша. Поэтому вероятно, что эта речь, по крайней мере в том виде, как она дана в переводе, здесь в «ниневийской» версии отсутствовала. Текст, использованный в переводе, взят из небольшого нововавилонского фрагмента Британского музея Sp. 299. Стиха НВ, б в нем нет, но он, очевидно, пропущен ошибочно, судя по повторению в строке НВ, ж.

НВ, г. Формула, вводящая прямую речь, в нововавилонском фрагменте несколько иная, чем обычно в «ниневийской» версии. В переводе это не учтено.

НВ, ж—з. Во фрагменте Британского музея Sp. 299 порядок этих двух стихов обратный.

НВ, и. Дословно: «согнуто твое лицо».

НВ, к. Дословно: «кончен твой облик (лицо)».

НВ, л. Дословно: «Есть тоска в нутре твоем». Далее текст не сохранился, но восстанавливается на основании параллельных мест.

СВ, II, 1—11. Эти строки взяты из старовавилонской версии Таблицы X («Таблицы Мейснера»). В «ниневийской» версии (восстанавливаемой на основании параллельных мест) короче:

Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,
Не предавая его могиле,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне жизни. . .

Начало отрывка в старовавилонской версии звучит дословно: «Друг мой, которого я любил так сильно [. . . .]».

СВ, II, 1. Дословно: «Который со мной прошел все трудности».

СВ, II, 4. Перевод по «ниневийской» версии; в старовавилонской: «Он ушел к судьбе человека».

СВ, II, 7. Олбрайт читает эту строку: ibrī-ma ilum ittabbi'am ana tigmija «(Если) увидел бы (это) бог, он поднялся бы на мой крик!»

СВ, II, 8. В подлиннике только «шесть дней и семь ночей».

II, 8; СВ, II, 10. Перевод по «ниневийской» версии; в старовавилонской: «После него (*т. е.* после его смерти) я не нахожу жизни».

II, 8а и 9а. В подлиннике внутренняя рифма: amāt ibrija nadāt elija «Дело (или:слово) моего друга лежит на мне». Ради сохранения рифмы перевод отклоняется от подлинника.

II, 14. После этой речи Гильгамеша в «ниневийской» версии сразу следует снова другая речь Гильгамеша же (II, 15); очевидно, здесь пропущен отрывок, который мы находим в старовавилонской версии (СВ, II, 12—СВ, III, 14). Последний стих речи Сидури Бёль восстанавливает: «Этой работе [женщин я тебя научу]». Бёль считает, что Сидури предлагает Гильгамешу свою любовь, отсюда и гнев Гильгамеша.

II, 22. Дословно: «И никто, кто от начала времен достиг досюда, не мог переправиться морем».

II, 23. Дословно: «Переправляющийся морем, — это Шамаш-герой».

II, 25. Или: «На пути (*собственно* между) — воды смерти, что ее преграждают».

II, 26. Дословно: «Как-нибудь (?), Гильгамеш, ты переправился морем».

II, 27. По верованию вавилонян, воды смерти отделяют обитаемую землю от острова, где живет бессмертный Утнапишти.

II, 29. Дословно: «Нечто каменное (*во множественном числе*) с ним, в лесу он ловит urnu». По мнению В. фон Зодена, urnu — это варан; однако эти гигантские ящерицы не водятся в лесу. Скорее, это — род змеи. Urnu считался покровителем мореплавателей, и с помощью его и каменных идолов (амулетов?) Уршанаби переправлялся на остров Утнапишти. По Бёлю, «каменные» — это каменья ограды сада Сидури, а urnu (Бёль читает urnū) — это цветок мяты.

II, 34а. «К ним» — к змею и каменным амулетам.

II, 36—47. Текст восстановлен совершенно условно, а первые три строки досочинены для связи. Из дальнейшего видно, что в своем нетерпении и безумии Гильгамеш уничтожил в лесу амулеты и змея. Последняя строка восстановлена по аналогии с Таблицей XI (строка 262).

II, 45. «Река» — здесь, по-видимому, мировой поток, Океан, обтекающий землю.

III, 1—31а. Разговор между Уршанаби и Гильгамешем дублирует такие же

разговоры Сидури и Утнапишти с Гильгамешем. Все три отрывка фрагментированы, но фрагменты взаимно помогают восстановлению. Отдельные места, как и в разговоре с Сидури, дополнены из старовавилонской версии.

III, 18. В тексте поэмы нет эпизода, к которому могла бы относиться эта реминисценция: битва Гильгамеша со львами в Таблице IX происходила уже после смерти Энкиду. Эта реминисценция отсутствовала, по-видимому, и в разговоре с Сидури.

III, 22. Следующие за этим два стиха здесь, по-видимому, отсутствовали (по ошибке?). Восстановлены на основании V, 14а—15.

III, 31а. Стих имеет и в оригинале мужское окончание. После окончания речи Гильгамеша в «ниневийской» версии вновь начинается речь Гильгамеша же. То же положение в «ниневийской» версии и в эпизоде с Сидури, но из старовавилонской версии видно, что в позднем варианте опущена реплика собеседницы Гильгамеша. Вероятно, и здесь пропущена реплика Уршанаби. — В старовавилонской версии («Таблица Мейснера») весь этот эпизод изложен гораздо короче (VI, 1—14):

Их он разбил в своем безумье (*собственно* в своем гневе)
Вернувшись, встал перед ним он,
На Сурсунабу (*то же, что Уршанаби*) взирают его очи.
Сурсунабу ему вещает, Гильгамешу:
«Кто ты? Имя твое скажи мне!
Я же — Сурсунабу, корабельщик дальнего Утанаиштима (*то же, что Утнапишти*)».

Гильгамеш ему вещает, Сурсунабу:

«Я — Гильгамеш, таково мое имя,
Что пришел из Урука, дома Ану,
Что бродил по горам путем далеким, с восхода Солнца.
Теперь, Сурсунабу, тебя я увидел —
Покажи мне дальнего Утанаиштима».
Сурсунабу ему вещает, Гильгамешу . . .

III, 41—42. В оригинале:

e rid ana ^{giš}kišti-ma pa-ri-si šá V GAR$^{ta-a-an}$ [LX + LX (?) a-mur]
ku-pur-ma šu-kun tu-la-a: ḫi-il-la-[šu-nu-ti a-na ja-a-ši]

«Спустись-ка в лес, шесты по 5 «гар», [120 (?) (штук) выбери],
Обмажь смолой (*или* обдери кору), устрой «грýди», / принеси [их ко мне]».

В оригинале этот текст записан как три стиха. В действительности первая строка состоит, возможно, из двух стихов, а вторая — из двух трехударных стихов или одного шестиударного.

III, 49. Дословно: «Путь месяца и 15 дней».

IV, 3. При переправе через воды смерти каждый шест, которым отталкивается и управляется лодка, годится к употреблению только один раз, так как пропитывается смертельной влагой.

IV, 9—11. Дословно: «А он освободил свою талию для [. . . . .], / Гильгамеш сорвал [свою] о[дежду] / Ладонями своими парус (?) возвы[сил]».

IV, 17а. Начало стиха предположительно переводится: «И справа [. . . . .]».

IV, 21. Далее следует лакуна в 30 строк; последние 9 строк были заняты разговором, аналогичным разговору Гильгамеша с Сидури и с Уршанаби. Текст восстановлен и дополнен, как и в других случаях.

V, 11. См. примечание к строке III, 18.

V, 14?. Этот стих, возможно, в данном случае отсутствовал.

V, 17. После этого (?) стиха (несохранившегося) здесь следовало:

Смерти устрашился и бегу в пустыню —

стих, отсутствующий в других вариантах этой речи.

V, 22а. В «ниневийской» версии здесь сразу снова следует речь Гильгамеша, — вероятно, пропущена реплика Утнапишти (ср. выше, примечание к стиху III, 31а).

V, 24—30. Дословно:

[Те]перь же, да дойду я (до) дальнего Утнапишти, да увижу того, о ком рассказывают,
[Я] кружил, я прошел все страны,
Я перешел трудные горы,
Я переправился через все моря,
Сладким [с]ном не насыщалось мое лицо,
[Я] мучил себя бдением, мои мышцы я наполнил тоской,
[До дом]а (?) хозяйки не достиг я — одежда моя кончилась,
и т. д.

V, 33а. Кир — естественная минеральная смола.

V, 35. [. . . . .]-a-ši pa-ad-di-i' i-šam-ma at[. . . . .] — текст непонятен.

V, 36—39. Текст восстановлен очень условно.

V, 39. Далее, по крайней мере до строки V, 50, следует продолжение речи Утнапишти. Текст разрушен, и смысл не восстанавливается даже приблизительно.

VI, 31. Дословно: «Лица́, что может глядеть (в) лицо Солнца».

VI, 33. Дословно: «Спящий (sal-lu *вместо* ṣal-lu — *описка*!) и мертвый — один как другой [они суть]».

VI, 34. Дословно: «Смерти, не рисуют ли они [ее] изображение?»

VI, 35. Строка в оригинале ошибочно разделена на два стиха. Кэмбелл-Томсон переводит: «Слуга и господин, когда они достигнут [своей полной доли]»; Спайзер: «Простой человек и знатный, когда они близки [к своей участи]». Этот перевод нельзя принять, так как ^{LÚ}ULÙ означает «человеческое существо», а не «слуга», и после этого слова стоит фонетический комплемент -ú, означающий, что слово оканчивается на долгий гласный, долгий же гласный может здесь означать лишь вопросительную форму, а слово etel «властелин» стоит в форме status absolutus, т. е. в форме именного сказуемого. Нам кажется неприемлемым также перевод В. фон Зодена: «О человек, муж! С тех пор как благословил меня [Эллиль]» (Зоден читает ik-ru-bu вместо iḳrubu; действительно, «приблизился» должно было бы звучать iḳribu). Аналогичный нашему перевод дает Бёль.

VI, 37. Для перевода мы избрали краткую форму «Мамет» ради размера. В подлиннике «Мамету(м)».

VI, 39. Дословно: «Смерти, они не сообщили дней ее». Последние два стиха в подлиннике трехударные.

Колофон. После колофона — штамп библиотеки Ашшурбанапала, царя Ассирии.

Таблица XI

Нумерация строк дана сплошная, по сводному тексту, составленному на основе ряда фрагментированных копий, в которых счет строк различен.

3. mi-na-a-tu-ka ul šá-na-a — дословно: «Размеры твои не другие» или «не странные».

5. Весьма спорная строка, в оригинале:

gu-um-mu-ur-ka libbi^{bi} a-na e-peš tu-ḳu-un-ti

«Готово тебе (тебя) мое (?) сердце, чтобы делать битву (оборону)».

6. Строка восстанавливается либо [i-na] a-ḫi na-da(-at)-ta e-lu ṣe-ri-ka «[На] боку ты лежишь, на спине твоей», либо [ina na]-a-ḫi na-da(-at)-ta e-lu ṣe-ri-ka «[При от]дыхе ты лежишь на спине твоей», либо [ù (?)] a-ḫi na-da-(at)-ta e-lu ṣe-ri-ka «[Но?] рука моя бездействует против тебя». Э. А. Спайзер переводит строки 5—6: «Сердце мое считало тебя готовым сражаться, (а) ты лежишь беспечно на спине твоей!» В. фон Зоден: «Сердце мое всё устремлено на то, чтобы сразиться с тобой, [но] рука моя бездействует против тебя!»

7. Дословно: «[Скажи мне], как ты, оставшись, в собрании богов нашел жизнь». Ср. выше, Таблица IX, III, 4.

11. Шуриппак (Шуруппак) — ныне городище Фара в южном Двуречье, севернее Урука; по преданию, здесь в допотопные времена царствовал Зиусудра («нашедший жизнь далеких — или долгих — дней»), — переводом этого имени является аккадское Ut(ta)-napišta/i «он нашел жизнь (душу)». — Со строки 11 начинается вставной рассказ о потопе. В поэму о Гильгамеше этот рассказ, по крайней мере в настоящем виде, попал вторично: он заметно отличается от остального текста по стилю и по составу пантеона; главным божеством оказывается не Ану, а ниппурский Эллиль, иная роль у Иштар, играет роль древняя богиня Мах, причем Иштар и Мах заменяют Аруру и Мамету, и т. п.

17—18. Бог войны, сын Эллиля, Нинурта назван guzalû, собственно «носителем трона», приближенным слугой царя; Эннуги (прозвище бога подземного царства, а в данном случае и подземных вод, Нергала) назван gugallu «управляющим оросительными работами», «ответственным за орошение». В Средней Азии gugallu соответствует должности мираба, как Эннуги и назван в переводе, так как мы не нашли более общеупотребительной передачи этого понятия.

19. ^{d}Nin-igi-kù ^{d}É-a it-ti-šú-nu -ta-me-ma «Нинигику-Эа клялся с ними вместе (уничтожить всех людей)». (Можно также читать: it-ti-šú-nu ta-šib-ma «вместе с ними заседал»). Из дальнейшего видно, что Эа был действительно связан клятвой: во-первых, не выдавать замысла богов никому из людей, и, во-вторых, устроить потоп, от которого не спасется ни один из смертных людей. Первое условие Эа обошел тем, что говорил не с Утнапишти, а с «тростниковой хижиной» (kikkišu) и со «стенкой» (igāru) и не называл его по имени, но лишь иносказательно (šuruppakû, mār Ubar-Tutu). Лишь когда Утнапишти «сам» понял замысел богов, Эа говорит с ним уже прямо.

25—26. Дословно: «Оставь богатство, ищи жизнь, возненавидь имущество, сохраняй в живых душу».

27. Дословно: «[Под]ними семя душ всякое внутрь корабля».

31. По верованию вавилонян, земля плавает на поверхности мирового Океана или прикрывает его как крышка. Океан окружает при этом обитаемую землю в виде мировой Реки. В храмах имелись большие крытые (?) металлические сосуды, называвшиеся «океанами».

32. В подлиннике Утнапишти всюду называет Эа «мой владыка»: по-видимому, Эа мыслится как его родовой бог-покровитель.

33—34. В подлиннике, по-видимому, неправильное деление на стихи. Читать:

33 [a-mat-ka] be-li šá taḳ-ba-a at-ta
ki-a-am 34 [at]-ta-'i-id a-na-ku ep-pu-uš

[Слова твои], мой владыка, что ты сказал,
Так я (их и) послушался, (сам) я (это) сделаю.

35. «Город» (или «община», ālu) как политическая организация считался состоящим из собрания «народа» или «войска» (ummānu) и из совета «старейшин» (šībūtu).

41. Перевод по В. фон Зодену.

43—47. Дословно:

[Над в]ами он прольет вам дождем только изобилие,
[. . . . .] птиц, сокрытость (*или* убежище) рыб,
[. . . . .], богатство, урожай.
[Посылающий] чечевицу (?) [в вечерних сумерках],
Заставит пролиться ливень пшеницы.

Жители Шуриппака должны воспринять это как обещание обилия и богатства, на самом деле речь эта предвещает им гибель от ливня и потопа. «Урожай» (жатва), которую обещает бог, — это жатва смерти. — Последние две строки (в оригинале, собственно, два полустишия по три ударения) в подлиннике рифмуются. Предпоследняя строка восстанавливается на основании строк 87 и 90.

50—51. В. фон Зоден восстанавливает: «[Один при]носит (в жертву) породистых ов[ец],/[Другой при]носит (в жертву) степных ов[ец]». Восстановление не вполне надежное.

53. Вместо «ограду» В. фон Зоден читает «тайну», но строки в целом не восстанавливает.

54. Šerru «ребенок-раб»; может быть, здесь в более общем смысле «слабосильный, невзрослый».

57. Здесь и ниже вавилонские названия мер заменены старинными русскими. Площадь ковчега была равна 1 «ику» — примерно $^1/_3$ гектара, высота «стен» (бортов) — 10 «гар» или около 60 метров; каждая сторона была длиной также в 60 метров.

60—61. Дословно: «Сделал его в шесть ярусов, разделил [его(?)] (тем самым) на семь (частей)».

62. Слово «отсеков» в подлиннике отсутствует.

63. Дословно: «Колки воды в середину его забил ему». Какая деталь устройства корабля имеется в виду — неясно.

64. Собственно не «руль», а «шест» для управления (parīsu). «Снаряжение» (ḫišiḫtu) — собственно «необходимое» (так же и выше).

65. 3 (вариант «6») «сара» кира (естественной минеральной смолы) — около 100 кубометров.

74. Дословно: «И устроили праздник, как только в день новогоднего празднества».

76. Читать: [ina ^{d}]Šamaš ra-bé-e (по В. фон Зодену).

78. Ge-er-má-dù^{meš} — может быть, бревна, составляющие дно корабля; или, скорее, колья, или катки, с помощью которых ковчег сдвигался при спуске на воду.

79. Восстановление ненадежное; в подлиннике — мужской род, в то время как слово «корабль» женского рода.

87. Неясно написанная строка может читаться двояко:

1) mu-ir ku-uk-ki ina li-la-a-ti ú-šá-az-na-an-(na) šá-mu-ut ki-ba-a-ti;

2) ina še-er ku-uk-ki ina li-la-a-ti ú-šá-az-na-an(-na) šá-mu-ut ki-ba-a-ti.

Первый вариант переводится: «Посылающий чечевицу в вечерних сумерках даст пролиться ливню пшеницы». Второй вариант: «В утро чечевицы, в вечерних сумерках дадут пролиться ливню пшеницы». Так как стих этот — преднамеренно двусмысленный, то точный его перевод вообще затруднителен. Перевод в тексте дан условный и имеет целью передать общую форму стиха и его двусмысленный характер.

90. Повторяет стих 87, но во втором полустишии (в основном варианте) — разночтение: i-za-an-na-nu šá-mu-ut ki-ba-a-ti «полил ливень пшеницы».

94—95. Дословно: «За осмоление корабля Пузур-Амурри, корабельщику, дворец я отдал вместе с его имуществом». Смысл этих строк неясен. Пузур-Амурри — лицо нам неизвестное. Имеется два объяснения: 1) Пузур-Амурри — Уршанаби основного текста поэмы, кормчий ковчега; он осмолил корабль изнутри; под «дворцом» — («чертогом») подразумевается сам ковчег; 2) Пузур-Амурри — кораблестроитель (выражение «смолить корабль», по-видимому, употреблялось метонимически в смысле «строить корабль»); Утнапишти сделал ему не имевший уже смысла подарок, отдав дворец, который должен был погибнуть от потопа вместе с его новым владельцем.

101. По одному из объяснений этого стиха (принадлежащему В. фон Зодену) речь идет не о мачте (или мачтах), а о шесте, которым управляется земля, как корабль (??).

102. Дословно: «Идет Нинурта, заставляет течь (протекать) плотину канала (?)».

103. Факелы Ануннаков, — возможно, молнии.

105. Дословно: «Адду (*род. падеж*), оцепенение его постигло небо».

107. В тексте: [ka-la(?)-m]a mātu kīma ^{DU}[^{G} . . . . .] iḫ-ḫ[e-pi (?)] «[Вс]я (?) земля, как [(род сосуда)], разб[илась (?)]».

108. Меḫū — буря, приносимая в Двуречье с юга.

112. Ul ú-ta-ad-da-a nišē^{meš} ina šamê^{e} — стих с мужским окончанием, но в древнейшем тексте, вероятно, читалось с нормальным женским окончанием: ul ūtaddā nišē ina šamā'i.

114. По верованиям вавилонян, существовало несколько (три или семь) небес; одно из них (нижнее или верхнее) небо — небо Ану.

115. «Снаружи» — за стенами дворца Ану. «Растянулись» — употреблен глагол rabāṣu, применяемый к скоту.

118. Или: «Прежнее время обратилось в глину».

123. Mārē nūnē — дословно «сыновья рыб». В аккадском языке слово «сыновья» нередко ставится перед названием профессии и т. п. для обозначения коллектива людей, например: mārē ummāni «сыновья ремесленников» означает «ремесленники как коллектив», «представители ремесла». Здесь этот оборот применен к рыбам.

124. Ilāni šūt Anunnaki — дословно «боги, которые (из) Ануннаков». Бедствие поразило в первую очередь богов земли, Ануннаков; боги небес, Игиги, затронуты им меньше.

125. Ilāni^{meš} aš-ru áš-bi i-na bi-ki-ti. Áš-bi (вместо ašbu) стяжение (sandhi) под влиянием следующего далее ina: ilāni ašru, ašb'ina bikīti, дословно: «Боги смиренно склонились, сидят в плаче».

126. В тексте: šab-ba šap-ta-šú-nu *x* [. .]-a pu-uḫ-re-e-ti. Перевод первого полустишия — по В. фон Зодену, второе переведено приблизительно (в переводе полустишия переставлены в обратном порядке). Вариант вместо šab-ba дает kat-ma «прикрыты (их губы)».

127—128. В подлиннике ошибочное деление на стихи:

127 6 ur-ri ù [7] mu-šá-a-ti 128 il-lak šá-a-ru
a-bu-[b]a [m]e-ḫu-ú i-sap-pan māta.

129a—130. В тексте: it-ta-rak me-ḫu-ú a-bu-bu ḳab-la / ša im-daḫ-ṣu ki-ma-ḫa-a-a-al-ti. Эти строки не вполне ясны лексически и синтаксически. Первая строка: «Прекратил (?) Южный ветер потоп (и) войну», или: «Прекратил (?) Южный ветер (и) потоп войну»; вторая строка: «Который (которые) бился (бились), как ḫajjāltu». Последнее слово одни исследователи переводят как «войско», другие — как «роженица».

135. Этот стих по смыслу переставлен перед стихом 132 по примеру А. Шотта.

132. Вариант: «Я высматривал сушу» (ap-pa-al-sa am-ma-tam-ma) вместо: «Я взглянул на море» (ap-pa-al-sa ta-ma-ta). Впрочем, некоторые исследователи читают в первом варианте ap-pa-al-sa-am-ma ûma^{ma} «Взглянул я на погоду».

133. Дословно: «И все человечество в глину воистину превратилось».

134. Дословно: «Словно крыше равна возделанная земля».

138. Дословно: «Я высматривал берега в пределах моря».

139. В подлиннике: «На 12 (*вариант* 14) поднялась область», или: «С 12 (сторон) поднялась область». Объяснения — разные: 1) остров поднялся в 12 bēru (около 120 км) от ковчега; 2) остров поднялся на 12 «гар» (около 60 м) над водой; 3) острова́ поднялись с 12 сторон ковчега.

145. В подлиннике текст, начиная с этой строки, отнесен к предыдущему разделу.

146. В подлиннике трехударный стих.

148. Man-za-zu ul i-pa-áš-šum-ma is-saḫ-ra — дословно: «Место стояния не явилось (?), и он вернулся». Трехударный стих.

154. Значение двух из глаголов этого стиха не вполне ясно: ikkal «ест»; išaḫḫi «кружит» (Э. А. Спайзер), «хлопает крыльями» (В. фон Зоден, от še'û «летать»), «роется в грязи» (А. Шотт, от šaḫû «свинья»?); itarri «каркает (?)».

155. Дословно: «Я вывел (население ковчега) и на четыре ветра (*т. е.* на четыре стороны света) принес жертву».

156. Áš-kun šur-ḳin-nu ina eli zik-kur-rat šadî^{i} — дословно: «Устроил šurḳinnu на зиккурате горы». Мне кажется, неправы исследователи, переводящие эту строку «на вершине горы»; zikkurratu не есть обычное обозначение вершины; речь, очевидно, идет о том, что Утнапишти использовал вершину горы как зиккурат — храмовую башню, столь характерную для вавилонских культов. Что касается šurḳinnu, то это — род жертвоприношения, характер которого неизвестен. «Воскурение» — условный перевод, по контексту. Может быть, жертва, скорее, состояла из рассыпанной муки.

158. По-видимому, надо читать: i-na sap-li-šú-nu at-ta-bak kanâ $^{g_{i}š}$erēna u ^{giš}āsa «На подставки их (курильниц) я насыпал тростника, (веток) кедра и мирта». Так переводят все новейшие исследователи.

162. Дословно: «При прибытии Мах». Мах — древняя шумерская богиня-мать; здесь это, видимо, прозвище Иштар.

163. В подлиннике вместо «ожерелье» — NIM^{meš}, дословно «мухи» (?), — видимо, род амулета.

163а. В подлиннике, по-видимому, ошибочно — «себе на радость».

164—165. Дословно: «Эти боги! (Как) воистину лазурит моей шеи, (пусть) я не забуду, эти дни воистину я запомнила, вовек пусть не забуду». В подлиннике это два шестиударных стиха.

167. Дословно: «Эллиль к šurḳinnu пусть не подходит».

173а. Дословно: «Пусть бы не выжил человек среди истребленья».

175. «Строитель замыслов» — прозвище Эа, как бога мудрости.

176. В начале стиха в подлиннике даже четыре гласных подряд:

Ū Ēa īdēma kala šipri.

185а. Дословно: «Лучше Эра пусть явился (поднялся) бы». Эра — бог чумы.

187. «Многомудрый» — дословно «бо́льшее (чем другие) помнящий»; atra ḫāsis — прозвище многих эпических героев, в том числе и Утнапишти.

189. Дословно: «Поднявшись (взошедши) внутрь корабля, Эллиль. . .»

194. В подлиннике: «Теперь же Утнапишти и жена его воистину будут

сходны с нами, богами». Слова ū sinništišu «и жена его» нарушают стих и, вероятно, являются интерполяцией.

195. «Устье рек» — таинственное место на краю земли, где впадают в бездну мировые воды.

197—198. Для приема в боги необходимо собрать «народное собрание» всех богов, — по-видимому, подобно этому, и в граждане общины можно было принять только в народном собрании общины.

199. Утнапишти предлагает герою одолеть сон, как подобие смерти, которой тот хочет избегнуть.

200. Дословно: «Как он сел посреди своих ног».

201. Imbaru — непроглядная мгла, предвещающая бурю из пустыни.

207. Дословно: «Путем, которым он пришел, пусть вернется благополучно».

212. Дословно: «на стене черти́»:

215—218. Что именно происходило с хлебами (точнее — лепешками, чуреками), которые последовательно пекла жена Утнапишти, — не совсем ясно. Вместо «заплесневел», может быть, лучше «стал влажным», вместо «был черствым» — «заплесневел» или «изменил цвет».

220—221. Дословно: «Как только сон пролился на меня,/Быстро ты коснулся меня, и я пробудился».

229. Вариант: «[Седьмой], — в это время тебя я коснулся».

231. [šērē]$^{m.eš}$-ja uṣ-ṣab-bi-tu$_4$ ek-ke-mu — трехударный стих. Ekkēmu «Похититель» — дух, приходящий за умирающим.

232—233. В тексте: [Ina] bīt ma-a-a-li-ja a-šib mu-ú-tu$_4$ / Ù a-šar [uznā^{dual}-a-a lu-u]š-kun šu-ú mu-tum-ma «[В] доме ложа моем обитает смерть,/И куда [мысль (*дословно* уши мои) пусть об]ращаю — она же, смерть».

235—236. Эти два трудных стиха переведены очень приблизительно. В подлиннике:

^{m}Ur-šanabi ka-a[-ru(?) a-a iḫ-]di-ka né-bé-ru li-zir-ka / šá ina a-ḫi-šá ital-la[ku]$^{meš.ku}$ (*или* tatalla[ku]$^{meš.ku}$) aḫ-šá zu-um-me

Уршанаби, прист[ань пусть не рад]уется тебе, перевоз пусть ненавидит тебя,

Тот, кто по берегу его (*т. е.* моря) ходил — бе́рега его жаждай.

Последнюю строку можно также перевести: «То, по берегу чего ты ходил (*т. е.* море) — берега его жаждай» (т. е., может быть «томись по его берегу»).

237. Malū, может быть, «грязь», а не «рубище».

240. Дословно: «Свое malū в воде, как снег(?), пусть вымоет».

243. Дословно: «Пусть будет одет в tēdīḳu (*род одежды*), одеяние его стыда».

259. Дословно: «Гильгамеш ходил, уставал и волочил» (может быть, «греб»?).

261. Parīsu — собственно, не «багор», а «шест», которым управляют лодкой.

270а. Этот стих, — вернее, последняя часть шестиударного стиха 270,— восстановлен совершенно условно.

271а. Rāṭu, — собственно, «труба» или «кяриз» (подземный оросительный канал). Он сообщался с подпочвенными водами, которые, по представлению вавилонян, были не что иное, как воды мирового океана, куда герой и ныряет.

278. «Знаменитый» — перевод ненадежный: в тексте неясное слово ni-bit(?)-ti или ni-ḳit-ti.

281. Написание šum-ša для «имя ее» — необычное; может быть, исправить на šum-‹ma› ša ši-i-bu iṣ-ṣa-ḫir amīlu «Если (šumma) старый помолодеет человек»? Однако и в другом варианте этой строки — šum-ša.

297—300. Очень темное место. В тексте:

e-nin-na a-na XX bēri e-du-ú i-na-aš-šam-ma (*или* i-na-aš šam-ma)
ra-a-ṭa ki-i ap-tu-ú [i]t-ta-ḫu ú-nu-tú
ut-ta-a a-i-ta šá ana it-t[i]-ja (*вар.* KI-ja) i[š(?)-tak(?)]-nu ana-ku lu-uḫ-ḫi-is
u ^{giš}eleppa e-te-zib ina kib-ri

Теперь на 20 «бэ̄ру» пучина(?) поднимается (*или.* качает растение),
Кяриз когда я открывал, удалились(??) орудия,
Я нашел некое, что со мной у[становле]но(?): я сам пусть отдалюсь,
И корабль я (уже) оставил на берегу.

Однако ana KI-ja «со мной» может быть опиской вместо ana ittī-ja «для моего срока», «для моего знаменья». Переводы Э. А. Спайзера, Л. Матоуша и других близки нашему. Иначе переводит В. фон Зоден: «Теперь за 20 миль поднимается пучина, и я обронил орудие, когда я рыл канальчик; что бы такое я мог найти, чтобы я(?) положил(?) его рядом с собой(?). Пусть бы я отстранился и оставил корабль у берега!»

302—305. Концовка повторяет слова пролога (Таблица I, строки I, 16—19) и, подобно ему, видимо, имеет позднейшее происхождение (конец II тысячелетия до н. э.?). Далее следуют не совсем понятные и, по всей вероятности, интерполированные строки, описывающие размеры города Урука; они опущены нами в переводе:

306 Один «сар» города, один «сар» садов,
306 а Один «сар» заливного луга и окру́гу Иштар, —
307 Три «сара», да еще окру́гу Урука (стены) объемлют.

Колофон. Перед текстом колофона — кустос, начальная строка таблицы XII, после него — штамп библиотеки Ашшурбанапала, царя Ассирии.

Энкиду в преисподней

(Таблица XII)

Этот текст, представляющий перевод на аккадский язык части шумерской эпической песни о «Гильгамеше и иве», был в конце II и в начале I тысячелетия до н. э. добавлен к эпосу о Гильгамеше в виде Таблицы XII. Смерть Энкиду здесь мотивирована совсем иначе, чем в основном тексте поэмы; мораль этой XII Таблицы — необходимость соблюдения религиозных обрядов и табу для обеспечения сносной жизни мертвым в преисподней — не имеет ничего общего с моралью эпоса в целом. Текст начинается с середины шумерской эпической песни. Ему предшествовали следующие события: за то, что Гильгамеш изгнал чудовищ из любимой ивы богини Иштар и из этой ивы изготовил для нее в доме плотника кресло и ложе, Иштар изготовила для героя барабан и барабанные палочки (? перевод ненадежен). Этим барабаном(?) Гильгамеш вызывал жителей Урука на работу, и по молитве женщин барабан провалился в преисподнюю. Упоминаемый в этой песне «Дворец» — это дворец бога преисподней. Текстологического комментария к Таблице XII мы не даем, так как она не относится собственно к поэме.

СЛОВАРЬ ИМЕН, ТЕРМИНОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПОЭМЕ[1]

А́дад — см. А́дду.

А́дду (А́дад) — бог грозы и дождя.

А́йа — подруга бога Шамаша, имеет прозвище «невеста».

А́нту — супруга бога Ану, мать богини Иштар.

А́ну — бог неба, покровитель города Урука. Вместе с Эллилем и Эа входил в верховную триаду божеств.

Анунна́ки (Ану́ннаки) — боги земли и преисподней.

Ару́ру — богиня, сотворившая людей.

Бе́лет-це́ри (Нинэде́на) — «владычица степи», одна из богинь преисподней, «дева — писец земли».

Воинство А́ну—вероятно, звезды.

Гар — мера длины, 12 локтей или около 6 м.

Гильгаме́ш (Ги́льгамеш) — царь Урука, сын Нинсун.

Думу́зи (Тамму́з) — в шумеро-вавилонском мифе возлюбленный богини Иштар, преданный ею и заключенный в Преисподнюю.

Евле́й — река в Эламе, к востоку от Вавилонии.

Земляной лев — прозвище змеи.

Иги́ги — небесные боги.

Ирка́лла (Не́ргал) — бог подземного мира.

И́рни́ни — одна из ипостасей богини И́штар в ее качестве богини мертвых; по мнению некоторых исследователей — также Иштар как богиня вечерней звезды.

И́штар — богиня любви и плодородия, а также войны и распри, дочь Ану, покровительница города Урука.

Ишулла́ну — садовник, любви которого домогалась богиня Иштар.

Ишха́ра (И́шхара) — богиня, с которой Гильгамеш вступал в священный брак.

Лугальба́нда — родовой бог и предок (может быть, отец) Гильгамеша.

---

[1] Некоторые аккадские собственные имена имеют разное ударение, в зависимости от того, стоят ли они внутри фразы или в паузе. В переводе для этих имен избрана всюду только паузальная форма, но в словаре указано в скобках и другое, более обычное ударение. В скобках же указаны варианты данного имени собственного.

Лучи сиянья — полубожественные существа (они же «Страхи», или «Ужасы»), сопровождающие чудовище Хумбабу.

Ма́ма — см. Мамéт.

Ма́мет (Ма́ма, Мамéтум) — богиня рождения.

Мамéтум — см. Ма́мет.

Ма́шу — две горы на краю света, окаймляющие Ворота захода Солнца. Горный проход за этими воротами выводит за край обитаемого мира.

Мина — мера веса, около 0.5 кг.

Мыльный корень — растение, применявшееся вместо мыла.

На́мтар — бог судьбы и смерти.

Небо А́ну — верхнее из трех (или семи) небосводов, небо неподвижных звезд в отличие от небес Луны и планет.

Нéргал — см. Ирка́лла.

Нина́зу — один из подземных богов.

Ни́нсун (Нинсу́на) — богиня или полубогиня, мать Гильгамеша. Ее прозвище — «буйволица Ограды». «Ограда» здесь, видимо, означает город Урук.

Нину́рта — бог войны, сын Эллиля.

Ни́ппур — город в центре Вавилонии, древний центр шумерской культуры, место культа бога Эллиля.

Ни́цир — гора на западе Иранского нагорья, ныне Пир Омар Гудрун (в 450 км к северу от г. Шуриппака в Южном Двуречье).

Поприще — акк. бэ́ру — мера длины, 7—10 км.

Похититель — демон смерти.

Пу́зур-Аму́рри — корабельщик Утнапишти.

Сари́а — гора Гермон в северной Палестине.

Сиду́ри — богиня-виночерпий или богиня — содержательница харчевни для богов.

Сикера — крепкий напиток из ячменя.

Сили́ли — героиня или богиня.

Син — бог Луны, брат (по другим мифам — отец) богини Иштар.

Синликиунни́нни — жрец-гадатель, к которому в I тысячелетии до н. э. возводили свой род многие жители города Урука. Ему приписывалось составление или редакция «ниневийской» версии поэмы о Гильгамеше.

Страхи — см. Лучи сиянья.

Суму́кан — древний герой, чтившийся также как бог стад и диких зверей, покровитель охотников. Представлялся нагим или одетым в шкуру.

Талант — мера веса, равная 60 минам, или около 30 кг.

Тамму́з — см. Думу́зи.

Убар-Ту́ту — царь города Шуриппака, отец Утнапишти.

Ужасы — см. Лучи сиянья.

Урук (по-шумерски Унуг, по-древнееврейски Эрех, по-гречески Орхоя, ныне городище Варка) — важный шумерский город на юге Двуречья, одно из первых в стране огороженных поселений. Обнесен стеной около 2800—2700 г. до н. э.; именно к этому времени относят время жизни исторического Гильгамеша.

Уршана́би — лодочник, перевозчик Утнапишти.

Утнапи́шти (по-шумерски Зиусудра) — царь города Шуриппака, переживший потоп и получивший от богов бессмертие. Имя его означает «нашедший жизнь» или «нашедший жизнь долгих дней».

Ха́ниш — бог-служитель божества грозы Адду.

Хумба́ба (Ху́мбаба, Хува́ва) — чудовище, хранитель кедров на священной горе Запада.

Ша́маш — бог Солнца и правосудия, а также предзнаменований, сын бога Ану и брат богини Иштар.

Ша́мхат — урукская блудница.

Шу́ллат — бог-служитель божества грозы Адду.

Шури́ппак (Шуру́ппак) — город в Южном Двуречье, родина Утнапишти.

Э́а — бог пресных вод и мудрости, особо благосклонный к людям, один из триады верховных божеств. Его прозвище — Нинги́гику, что означает «ясноглазый».

Э́нна — храм божеств Ану и Иштар в городе Уруке; часть Урука (первоначально — отдельное поселение), где были сосредоточены храмы и хранилища запасов храмовых хозяйств.

Эку́р — храм бога Эллиля в Ниппуре.

Электр — сплав золота и серебра.

Э́ллиль — бог воздуха и населенной земли, один из триады верховных божеств, покровитель города Ниппура.

Энки́ду (Э́нкиду) — герой-дикарь, друг Гильгамеша.

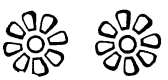
Энну́ги (Э́ннуги) — бог подземного мира (он же Нергал, Иркалла); иногда выступает и в качестве бога подземных вод — божественного «мираба» (заведующего орошением).

Э́рагаль — одно из имен бога смерти и преисподней.

Эреду́ — древнейший город Южного Двуречья, место культа бога Эа.

Эре́шкигаль — царица Преисподней

Эта́на — один из древних героев Двуречья.



КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Клинописные тексты и транскрипции аккадского эпоса (включая хеттскую и хурритскую версии)[1]

P. Haupt, Das babylonische Nimrod-Epos. Leipzig, 1884—1890. (Без транскрипции)

P. Jensen. Assyrisch-babylonische Mythen und Epen. Keilinschriftliche Bibliothek, VI, 1, Berlin, 1900. (Без клинописного текста).

B. Meissner. Ein altbabylonisches Fragment des Gilgamosepos. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, VII, Leipzig, 1902.

E. Dhorme. Choix des textes réligieux assyro-babyloniens. Paris, 1907. (Без клинописного текста).

S. Langdon. The Epic of Gilgamish. Publications of the Babylonian Section of the University Museum of the University of Pennsylvania, X, 3, Philadelphia, 1917.

E. Ebeling. Keilschrifttexte aus Assur Religiösen Inhalts. 28—34. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft, Leipzig, 1915—1919.[2]

M. Jastrow and A. Clay. An Old Babylonian Version of the Gilgamesh Epic, Yale Oriental Series, Researches, IV, 3, New Haven, 1920.

---

[1] В библиографию не включены издания, полностью заменимые более поздними. Следующие фрагменты эпоса не изданы: 1) второй фрагмент из Телль-Хармаля; 2) восемь фрагментов Британского музея. Транскрипцию хеттских и хурритских фрагментов см. также в журнале «Zeitschrift für Assyriologie», XXXV, 1924, стр. 133 сл. (статья А. Унгнада); XXXIX, 1929, стр. 16 сл. (статья И. Фридриха). Обе статьи без клинописного текста.

[2] Публикация текста ашшурской версии Таблицы VI эпоса, включая дополнительные фрагменты, подготовлена Р. Франкена, любезно предоставившим мне свою рукопись.

B. Hrozný. Keilschrifttexte aus Boghazköy, VI. Leipzig, 1921.
Keilschrifturkunden aus Boghazköy, IV. Berlin, 1922; VIII, Berlin, 1924.
R. Campbell Thompson. The Epic of Gilgamish. Oxford, 1930.
O. R. Gurney. Two Fragments from the Epic of Gilgamesh from Sultan Tepe. Journal of Cuneiform Studies, VIII, 3, 1954, стр. 87, 39.
O. R. Gurney and J. J. Finkelstein. The Sultantepe Tablets, I. London, 1957. (Без транскрипции).
Th. Bauer. Ein viertes altbabylonisches Fragment des Gilgameš-Epos. Journal of Near Eastern Studies, XVI, 4, 1957, стр. 254.
J. J. Van Dijk. Textes divers du Musée de Baghdad, II. «Sumer», XIII, 1957, стр. 65.
J. J. Van Dijk. Un songe d'Enkidu. «Sumer», XIV, 1958, стр. 114.
A. Goetze and S. Levy. Fragment of the Gilgamesh Epic from Megiddo. «'Atiqot», II, 1959, стр. 121 сл.

Шумерские версии эпоса (транскрипции и переводы)[3]

S. N. Kramer. Gilgamesh and the Ḫuluppu-tree. Oriental Institute of Chicago, Assyriological Studies, № 10, Chicago, 1938.
S. N. Kramer. The Death of Gilgamesh. Bulletin of the American Schools of Oriental Research, 94, 1944, стр. 2 сл.
S. N. Kramer. Gilgamesh and the Land of the Living. Journal of Cuneiform Studies, I, 1, 1947, стр. 3 сл.
S. N. Kramer, Gilgameš and Agga. American Journal of Archaelogy, LIII, 1, 1949, стр. 1 сл. (Ср. поправки: Th. Jacobsen. Early Political Development in Mesopotamia. Zeitschrift für Assyriologie, 18 (52), (1957), стр. 105).
J. J. A. Van Dijk. Textes divers. Tabulae cuneiformae a F. M. T. de Liagre Böhl collectae, II, Leiden, 1957.

Важнейшие переводы

P. Jensen. Assyrisch-babylonische Mythen und Epen. «Keilinschriftliche Bibliothek», VI, 1, Berlin, 1900.

---

[3] Издания С. Н. Крамера не содержат, как правило, полного клинописного текста, опубликованного по частям в различных изданиях, на которые имеются указания при транскрипции текста, собранного им из мелких фрагментов.

P. Dhorme. Choix de textes réligieux assyro-babyloniens. Paris, 1907.
H. Gressmann. Altorientalische Texte zum Alten Testament. Leipzig, 1909; 2-е переработанное изд.: Leipzig, 1926. (Перевод Э. Эбелинга).
H. Gressmann und A. Ungnad. Das Gilgamesch-Epos. Göttingen, 1911. (Перевод А. Унгнада).
Н. С. Гумилев. Гильгамеш. Пгр., 1919. (Перевод-переложение с французского).
A. Ungnad, Die Religion der Babylonier und Assyrer. Jena, 1921.
R. Campbell Thompson. The Epic of Gilgamish, Oxford, 1928.
A. Schott. Das Gilgamesch-Epos. Leipzig, 1938; второе, полностью переработанное В. фон Зоденом издание: Stuttgart, 1958.
F. M. Th. de Liagre Böhl. Het Gilgamesj Epos. Nationaal heldendicht van Babylonië. Amsterdam, 1941; 2-е издание: Amsterdam, 1952; 3-е переработанное издание: Amsterdam, 1958 (с обширным комментарием).
A. Heidel. The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels. Chicago, 1944.
J. B. Pritchard. Ancient Near Eastern Text relating to the Old Testament. Princeton, 1950; 2-ое переработанное изд.: Princeton, 1955. (Перевод Э. А. Спайзера; там же перевод части шумерских поэм о Гильгамеше С. Н. Крамера).
L. Matouš. Epos o Gilgamešovi. Praha, 1958.
G. Furlani. Miti babilonesi e assiri. Roma, 1958.

Важнейшие комментарии и исследования [4]

P. Jensen. Assyrisch-babylonische Mythen und Epen. Keilinschriftliche Bibliothek, VI, 1, Berlin, 1900.
P. Jensen. Das Gilgamesch-Epos in der Weltliteratur, I. Strassburg, 1906; II, Marburg, 1928. [5]
H. Gressman und A. Ungnad. Das Gilgamesch-Epos. Göttingen, 1911.
S. Mowinckel. Einige Bemerkungen zur Einreihung der Gilgameš-Fragmente. Zeitschrift für Assyrologie, XXX, (1916), стр. 243 сл.
В. К. Шилейко. Введение к кн.: Н. С. Гумилев. Гильгамеш, Пгр., 1919.
V. K. Šilejko, Mes und die Sonne. Доклады Академии наук СССР, сер. В, 1927, стр. 129 сл.

---

[4] Литература о «Гильгамеше» огромна; здесь приводятся лишь важнейшие исследования. Очень важны для толкования текста многочисленные работы по аккадской лексикографии, публикуемые в специальных ассириологических журналах.

[5] Работа написана с ненаучных панвавилонистских позиций, но содержит огромный сравнительный материал.

G. Dossin. La pâleur d'Enkidu. Louvain, 1930.
В. В. Струве. Иштарь-Исольда в древневосточной мифологии. Сб. «Тристан и Исольда», Л., 1932, стр. 49 сл.
A. Schott. Wann entstand das Gilgameš-Epos? Studien zur Geschichte und Kultur des Nahen und Fernen Ostens, Paul Kahle zum 60. Geburtstag überreicht, Leiden, 1935.
S. Mowinckel. Wer war Gilgameš? Acta Orientalia, XV, 1936—1937, стр. 141 сл.
S. Mowinckel. Zur siebenten Tafel des Gilgameš-Epos. Там же, стр. 160 сл.
S. Mowinckel. Zur Göttlichkeit des Gilgameš und zur Entstehungszeit des Gilgameš-Epos. Acta Orientalia, XVI, 1937—1938, стр. 241 сл.
A. Schott. Zu meiner Übersetzung des Gilgameš-Epos. Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge, VII, 1939, стр. 92 сл.
S. N. Kramer. The Epic of Gilgamesh and its Sumerian Sources, Journal of the American Oriental Society, 64, 1944, стр. 7 сл.
A. Heidel. The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels. Chicago, 1944
S. N. Kramer. Heroes of Sumer. Proceedings of the American Philosophical Society, 90, 2, 1946, стр. 120 сл.
A. L. Oppenheim. Mesopotamian Mythology, II. Orientalia, 17, I, 1948, стр. 17 сл.
F. M. Th. de Liagre Böhl. Die Fahrt nach dem Lebenskraut. Archiv Orientální, XVIII, 1—2, 1950, стр. 107 сл.
F. M. Th. de Liagre Böhl. Opera Minora. Groningen—Djakarta, 1953.
W. v. Soden. Рец. на кн.: F. M. Th. de Liagre Böhl. Het Gilgamesj Epos. Orientalistische Literaturzeitung, L, 1953, стлб. 513 сл.
W. M. Lambert. Ancestors, Authors and Canonicity. Journal of Cuneiform Studies, XI, 1, 1958, стр. 1 сл.
И. М. Дьяконов. Образ Гильгамеша. Труды Государственного Эрмитажа, II, вып. 1, М.—Л., 1958, стр. 5 сл.
F. M. Th. de Liagre Böhl. Bijbelse en Babylonische dichtkunst. Jaarbericht Ex Oriente Lux, 14, 1958, стр. 133 сл.
L. Matouš. Die Entstehung des Gilgamesch-Epos. «Das Altertum», IV, 4, 1958, стр. 195 сл.
И. М. Дьяконов. VII Международная встреча ассириологов. Вестник древней истории, 1959, № 2, стр. 223 сл.
W. v. Soden. Beiträge zum Verständnis des babylonischen Gilgamesch-Epos. Zeitschrift für Assyriologie, LIII, 1959, стр. 209 сл.
A. Falkenstein. Zur Überlieferung des Epos von Gilgameš und Ḫuwawa. Journal of Near Eastern Studies, XIX, 2, 1960, стр. 65 сл.
L. Matouš. Рец. на кн.: A. Schott. Das Gilgamesch-Epos. Leipzig, 1958 [ergänzt von W. v. Soden]. Bibliotheca Orientalis, XVII, 3/4, 1960, стр. 188 сл.

P. Garelli. Gilgameš et sa légende. Études recuillies á l'occasion de la VII. Rencontre Assyriologique (Paris, 1958). Paris, 1960. (Сборник статей под редакцией П. Гарелли).

I. M. Diakonoff. Рец. на кн.: F. M. Th. de Liagre Böhl. Het Gilgamesj Epos. Amsterdam, 1958; L. Matouš. Epos o Gilgamešovi. Praha, 1958. Bibliotheca Orientalis, XVIII, 1/2, 1961, стр. 61 сл.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

1. Обломок одного из списков «ниневийской» версии Таблицы XI поэмы «О всё видавшем». Отрывок с описанием потопа. Британский музей . . . . . 8—9
2. *1* — два героя в борьбе. Оттиск цилиндрической печати XXIV в. до н. э. (деталь). Лувр; *2* — герой (Гильгамеш?) в борьбе с быком. Оттиск цилиндрической печати XXII в. до н. э. (деталь). Лувр; *3* — человекобык (Энкиду?) в борьбе со львом. Оттиск цилиндрической [печати XXII в. до н. э. Государственный Эрмитаж . . . . . 32—33
3. *1* — бог Шамаш выходит из-за гор Машу. Оттиск цилиндрической печати XXIII—XXII в. до н. э. Государственный Эрмитаж; *2* — герои в борьбе со львом. Оттиск цилиндрической печати конца III тысячелетия до н. э. Государственный Эрмитаж; *3* — герои в ладье. Оттиск цилиндрической печати середины III тысячелетия до н. э. Лувр . . . . . 64—65

СОДЕРЖАНИЕ

«О ВСЁ ВИДАВШЕМ», ИСТОРИЯ ГИЛЬГАМЕША СО СЛОВ СИНЛИКИУННИННИ, ЗАКЛИНАТЕЛЯ

(перевод с аккадского И. М. Дьяконова) Стр.

Таблица I 7
Таблица II 16
Таблица III 26
Таблица IV 30
Таблица V 35
Таблица VI 39
Таблица VII 46
Таблица VIII 53
Таблица IX 57
Таблица X 62
Таблица XI 72
Дополнение. «Энкиду в преисподней» (Таблица XII) 83

ПРИЛОЖЕНИЯ

Эпос о Гильгамеше (статья И. М. Дьяконова) 91
Комментарий (И. М. Дьяконова). О воспроизведении текста поэмы в переводе (144). Таблица I (145). — Таблица II (151). — Таблица III (159). — Таблица IV (163). — Таблица V (167). — Таблица VI (169). — Таблица VII (177). — Таблица VIII (182). — Таблица IX (189). — Таблица X (191). — Таблица XI (196) — Энкиду в преисподней (Таблица XII) (204) 144
Словарь имен, терминов и географических названий (составил И. М. Дьяконов) 205
Краткая библиография (составил И. М. Дьяконов) 208
Список иллюстраций 213

ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ
(«О ВСЁ ВИДАВШЕМ»)

*

Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Н. П. Рычкова*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *Н. В. Лихарева, Г. А. Мирошниченко*
и *Т. Г. Рывкина*

*

Сдано в набор 8/V 1961 г. Подписано к печати
18/IX 1961 г. РИСО АН СССР № 10—123В
Формат бумаги 70×92/16. Бум. л. 6¾. Печ. л.
13½=15,79 усл.-печ. л. + 3 вкл. Уч.-изд. л.
11.84 + 3 вкл. (0.18). Изд. № 1242. Тип. зак. №172.
Тираж 10 000.

Цена 93 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-164, В.О., Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-34, В.О., 9 линия, д. 12)

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка или стих*	*Напечатано*	*Должно быть*
11	IV, 10	IV, 10	IV, 11
11	IV, 11	IV, 11	IV, 10
23	СВ, III, IV, 31	он	они
57	II, 4	небосвода	металла небес
79	211	хлеба,	хлеба́,
79	213	хлеба,	хлеба́,
140	1 и 2 снизу (2 раза)	видят	ви́дят
141	3 сверху	Го́ру ке́дра зрят	Гору ке́дра зря́т
171	9 снизу	i-tib-ú	i-ṭib-ú
172	8 сверху	naḳidu	nāḳidu
183	14 снизу	ni-kar-re-bu	ni-ḳar-re-bu
187	15 снизу	сердолик	сердолик. . .».
200	2 »	(около 60 м)	(около 70 м)
204	4 сверху	и в начале	или в начале
210	16 »	Text	Texts

ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

93 коп.